

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 4 (145)
апрель 2017 года

В номере:

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- 4 Федеральный закон от 03.04.2017 № 57-ФЗ
О внесении изменений в статьи 333.21 и 333.22 части второй Налогового кодекса Российской Федерации
- 5 Федеральный закон от 03.04.2017 № 60-ФЗ
О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации
- 6 Федеральный закон от 17.04.2017 № 68-ФЗ
О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- 6 Федеральный закон от 17.04.2017 № 69-ФЗ
О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»
- 7 Федеральный закон от 17.04.2017 № 71-ФЗ
О внесении изменений в статью 303 Уголовного кодекса Российской Федерации
- 7 Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ
О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
- 10 Федеральный закон от 17.04.2017 № 74-ФЗ
О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- 13 Федеральный закон от 17.04.2017 № 76-ФЗ
О внесении изменения в статью 196 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

13 Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2017 г. N 482 Об утверждении Положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики

15 Постановление Правительства Красноярского края от 16 марта 2017 г. N 141-п О внесении изменения в Постановление Правительства Красноярского края от 22.08.2014 N 364-П «О мерах по обеспечению оказания адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в Красноярском крае»

СУДЕБНАЯ И АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

16 Решение Конституционного суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 года Об утверждении Обзора практики Конституционного суда Российской Федерации за первый квартал 2017 года

22 Обзор Судебной практики Верховного суда Российской Федерации N 2 (2017) (утв. Президиумом ВС РФ 26.04.2017)

94 Обзор Судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов N 1 (2017)

115 Постановление Конституционного суда РФ от 13 апреля 2017 г. N 11-П По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича

127 Постановление Конституционного суда РФ от 18 апреля 2017 г. N 12-П По делу о проверке конституционности пункта «М» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки О.И. Гуровой

132 Определение Конституционного суда РФ от 4 апреля 2017 г. N 716-О По жалобе гражданина Буданова Андрея Васильевича на нарушение его конституционных прав абзацем вторым пункта 19 статьи 12 Федерального Закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»

134 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18 апреля 2017 г. N 10

- 144 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 2017 г. N 12
- 148 Решение Верховного Суда РФ от 20 марта 2017 г. N АКПИ17-78
- 150 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 апреля 2017 г. по делу N А40-162206/2016, А40-187986/2016
- 154 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 марта 2017 г. по делу N А56-26956/2016
- 156 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 марта 2017 г. по делу N А56-27801/2016

ДОКУМЕНТЫ VIII ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА АДВОКАТОВ И ФПА

- 158 Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (утв. решением Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам)
- 160 Обращение ФПА РФ от 20 апреля 2017 года
О соблюдении норм Кодекса профессиональной этики адвоката и стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве
- 161 Резолюция от 20.04.2017 г.
О Федеральном законе от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»
- 162 Резолюция от 20.04.2017
Об оплате труда адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве защитников по назначению

Над выпуском работали:

Президент Адвокатской палаты Красноярского края **И.И. Кривоколеско**

Секретарь Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Красноярского края **И.А. Оберман**

Подготовлено с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Адрес редакции: 660135, г. Красноярск, ул. Взлетная, 5г.

Тел./факс: +7 (391) 277-74-54. Тел.: +7 (391) 277-74-52

E-mail: advokat_palata@mail.ru

Установлены размеры госпошлин, уплачиваемых в отдельных случаях при обращении в Верховный Суд РФ, арбитражные суды. При подаче апелляционных, кассационных жалоб на отказ в принятии иска или заявления о выдаче судебного приказа госпошлина составит 50 процентов от размера госпошлины, которая уплачивается при подаче иска неимущественного характера (т.е. 3000 рублей). Такой же размер госпошлины составит при подаче кассационной жалобы на судебный приказ. При подаче надзорной жалобы размер госпошлины составит вдвое больше - в размере государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового заявления неимущественного характера (6000 рублей, пп. 3 п. 1 ст. 333.19 НК РФ).

Начало действия документа - 04.05.2017

3 апреля 2017 года

N 57-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬИ 333.21 И 333.22 ЧАСТИ ВТОРОЙ
НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
22 марта 2017 года

Одобен
Советом Федерации
29 марта 2017 года

Статья 1

Внести в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, N 32, ст. 3340; 2004, N 45, ст. 4377; 2006, N 1, ст. 12; 2009, N 52, ст. 6450; 2010, N 15, ст. 1737; N 18, ст. 2145; 2012, N 49, ст. 6750; 2014, N 26, ст. 3404; N 30, ст. 4222; N 43, ст. 5796; 2016, N 7, ст. 907; N 10, ст. 1322; N 49, ст. 6850) следующие изменения:

1) в пункте 1 статьи 333.21:

а) подпункт 12 изложить в следующей редакции:

«12) при подаче апелляционной жалобы и (или) кассационной жалобы на решения и (или) постановления арбитражного суда, а также на определения суда об отказе в принятии искового заявления (заявления) или заявления о выдаче судебного приказа, о прекращении производства по делу, об оставлении искового заявления без рассмотрения, по делу об оспаривании решений третейского суда, о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейского суда, об отказе в выдаче исполнительных листов - 50 процентов размера государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового заявления неимущественного характера;»;

б) дополнить подпунктами 12.1 и 12.2 следующего содержания:

«12.1) при подаче кассационной жалобы на судебный приказ - 50 процентов размера государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового заявления неимущественного характера;

12.2) при подаче надзорной жалобы - в размере государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче искового заявления неимущественного характера;»;

2) в пункте 1 статьи 333.22:

а) подпункт 6 признать утратившим силу;

б) подпункт 7 изложить в следующей редакции:

«7) при отказе в принятии искового заявления (заявления) или заявления о выдаче судебного приказа либо при отмене судебного приказа уплаченная государственная пошлина при предъявлении искового заявления (заявления) или заявления о выдаче судебного приказа засчитывается в счет подлежащей уплате государственной пошлины.».

Статья 2

Абзац сто восьмой пункта 5 статьи 2 Федерального закона от 2 ноября 2004 года N 127-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, N 45, ст. 4377) признать утратившим силу.

Статья 3

Настоящий Федеральный закон вступает в силу по истечении одного месяца со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
3 апреля 2017 года
N 57-ФЗ

Федеральный закон от 03.04.2017 № 60-ФЗ

Введена уголовная ответственность за хулиганские действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Начало действия документа - 15.04.2017.

3 апреля 2017 года

N 60-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СТАТЬЮ 151 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
17 марта 2017 года

Одобен
Советом Федерации
29 марта 2017 года

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

N 27, ст. 3431; N 31, ст. 4164, 4193; N 49, ст. 6412; 2011, N 1, ст. 16; N 23, ст. 3259; N 30, ст. 4598, 4605; N 45, ст. 6334; N 50, ст. 7361, 7362; 2012, N 10, ст. 1162, 1166; N 30, ст. 4172; N 31, ст. 4330, 4331; N 47, ст. 6401; N 49, ст. 6752; N 53, ст. 7637; 2013, N 26, ст. 3207; N 27, ст. 3442, 3478; N 30, ст. 4078; N 44, ст. 5641; N 51, ст. 6685; N 52, ст. 6945; 2014, N 19, ст. 2303, 2310, 2333; N 23, ст. 2927; N 26, ст. 3385; N 30, ст. 4219, 4259, 4278; N 48, ст. 6651; 2015, N 1, ст. 83, 85; N 6, ст. 885; N 21, ст. 2981; N 29, ст. 4391; 2016, N 1, ст. 61; N 14, ст. 1908; N 18, ст. 2515; N 26, ст. 3868; N 27, ст. 4256, 4257, 4258, 4262; N 28, ст. 4559; N 48, ст. 6732; N 52, ст. 7485) после цифр «267,» дополнить цифрами «267.1,».

Москва, Кремль
3 апреля 2017 года
N 60-ФЗ

Статья 1

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 25, ст. 2954; 1998, N 26, ст. 3012; 2003, N 50, ст. 4848; 2007, N 31, ст. 4008; 2009, N 7, ст. 788; N 52, ст. 6453; 2010, N 31, ст. 4164; 2011, N 11, ст. 1495; N 45, ст. 6334; N 50, ст. 7362; 2014, N 6, ст. 566; N 48, ст. 6651; 2015, N 1, ст. 81; 2016, N 27, ст. 4261) следующие изменения:

1) в части первой статьи 213:

а) в пункте «б» слово «группы, -» заменить словом «группы;»;

б) дополнить пунктом «в» следующего содержания:

«в) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования, -»;

2) дополнить статьей 267.1 следующего содержания:

«Статья 267.1. Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств

Совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, -

наказывается штрафом в размере от ста пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.».

Статья 2

Пункт 3 части второй статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 22, ст. 2027; N 30, ст. 3020, 3029; N 44, ст. 4298; 2003, N 27, ст. 2700, 2706; N 50, ст. 4847; 2004, N 27, ст. 2711; 2005, N 1, ст. 13; 2006, N 28, ст. 2975, 2976; N 31, ст. 3452; 2007, N 1, ст. 46; N 24, ст. 2830, 2833; N 49, ст. 6033; N 50, ст. 6248; 2009, N 11, ст. 1267; N 44, ст. 5170; 2010, N 1, ст. 4; N 15, ст. 1756; N 21, ст. 2525;

Расширен перечень оснований для прекращения производства по делу об административном правонарушении в отношении юридических лиц. Разграничена административная ответственность должностных и юридических лиц за заключение ограничивающих конкуренцию соглашений.

17 апреля 2017 года

N 68-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Принят
Государственной Думой
7 апреля 2017 года

Одобен
Советом Федерации
12 апреля 2017 года

Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; 2005, N 19, ст. 1752; N 30, ст. 3131; 2006, N 50, ст. 5281; 2007, N 15, ст. 1743; N 31, ст. 4007; 2009, N 26, ст. 3132; 2010, N 30, ст. 4006; N 31, ст. 4192; 2011, N 17, ст. 2310; 2012, N 15, ст. 1724; N 29, ст. 3996; N 53, ст. 7577; 2013, N 19, ст. 2325; N 44, ст. 5624; N 52, ст. 6999; 2014, N 42, ст. 5615; N 48, ст. 6643; 2015, N 1, ст. 81; N 24, ст. 3367, 3370; N 29, ст. 4374; N 41, ст. 5642; N 51, ст. 7249; 2016, N 26, ст. 3864, 3874; N 27, ст. 4160) следующие изменения:

1) часть 1 статьи 24.5 дополнить пунктом 8.1 следующего содержания:

«8.1) внесение в единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации юридического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на основании определения арбитражного суда о завершении конкурсного производства в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве);»;

2) в части 12 статьи 27.13 слова «пунктами 3, 8 и 9» заменить словами «пунктами 3, 8, 8.1 и 9»;

3) статью 31.7 дополнить пунктами 3.1 и 3.2 следующего содержания:

«3.1) внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации юридического лица, привлеченного к административной ответственности, на основании определения арбитражного суда о завершении конкурсного производства в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве);

3.2) внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи об исключении юридического лица, привлеченного к административной ответственности, из единого государственного реестра юридических лиц;».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
17 апреля 2017 года
N 68-ФЗ

Принят федеральный закон, направленный на пресечение случаев внесения изменений и дополнений несистемного, фрагментарного характера в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Установлено, что внесение изменений в КоАП РФ, а также приостановление действия его положений или признание таких положений утратившими силу осуществляется отдельными федеральными законами

17 апреля 2017 года

N 69-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О ВВЕДЕНИИ
В ДЕЙСТВИЕ КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ»**

Принят
Государственной Думой
7 апреля 2017 года

Одобен
Советом Федерации
12 апреля 2017 года

Внести в Федеральный закон от 30 декабря 2001 года N 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 2; 2003, N 21, ст. 1957; N 50, ст. 4859; 2005, N 1, ст. 15; 2006, N 12, ст. 1232; N 31, ст. 3434; 2007, N 18, ст. 2117) изменение, дополнив его статьей 1.1 следующего содержания:

«Статья 1.1. Внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также приостановление действия его положений или признание таких положений утратившими силу осуществляется отдельными федеральными законами. Положения, предусматривающие внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, приостановление действия его положений или признание таких положений утратившими силу, не могут быть включены в тексты федеральных законов, изменяющих другие законодательные акты Российской Федерации, приостанавливающих их действие или признающих их утратившими силу либо содержащих самостоятельный предмет правового регулирования.».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
17 апреля 2017 года
N 69-ФЗ

Начало действия документа - 28.04.2017.

Установлена уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по административному делу и по делу об административном правонарушении.

17 апреля 2017 года

N 71-ФЗ

**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬЮ 303 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
5 апреля 2017 года

Одобен
Советом Федерации
12 апреля 2017 года

Внести в абзац первый части первой статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 25, ст. 2954; 2003, N 50, ст. 4848; 2010, N 19, ст. 2289; 2011, N 11, ст. 1495; N 50, ст. 7362; 2012, N 49, ст. 6752; 2013, N 9, ст. 875) следующие изменения:

1) после слов «по гражданскому» дополнить словом «, административному»;

2) слово «представителем -» заменить словами «представителем, а равно фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем, а равно фальсификация доказательств должностным лицом, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, либо должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, -».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
17 апреля 2017 года
N 71-ФЗ

Начало действия документа - 28.04.2017.

Адвокатам предоставлены дополнительные гарантии независимости при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве.

17 апреля 2017 года

N 73-ФЗ

**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
5 апреля 2017 года

Одобен
Советом Федерации
12 апреля 2017 года

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 22, ст. 2027; N 30, ст. 3015; 2003, N 27, ст. 2706, 2708; 2007, N 18, ст. 2118; N 24, ст. 2830, 2833; N 31, ст. 4011; N 50, ст. 6235; 2008, N 49, ст. 5724; N 52, ст. 6235; 2009, N 29, ст. 3613; 2010, N 17, ст. 1985; N 27, ст. 3427, 3428; N 49, ст. 6414; 2011, N 1, ст. 16, 45; 2012, N 24, ст. 3070; N 53, ст. 7635; 2013, N 9, ст. 875; N 14, ст. 1662; N 30, ст. 4028; N 48, ст. 6165; N 52, ст. 6997; 2014, N 11, ст. 1094; 2015, N 1, ст. 47; N 24, ст. 3367; N 27, ст. 3981; 2016, N 1, ст. 29, 60; N 27, ст. 4256) следующие изменения:

1) часть вторую статьи 29 дополнить пунктом 5.2 следующего содержания:

«5.2) о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии со статьей 450.1 настоящего Кодекса»;

2) в статье 49:

а) в части второй слово «допускаются» заменить словом «участвуют»;

б) часть четвертую изложить в следующей редакции:

«4. Адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. С этого момента на адвоката распространяются правила, установленные частью третьей статьи 53 настоящего Кодекса.»;

в) дополнить частью четвертой.1 следующего содержания:

«4.1. В случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.»;

г) часть пятую изложить в следующей редакции:

«5. В случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и не имеет соответствующего допуска к указанным сведениям, он обязан дать подписку об их неразглаше-

нии, принимать меры по недопущению ознакомления с ними иных лиц, а также соблюдать требования законодательства Российской Федерации о государственной тайне при подготовке и передаче процессуальных документов, заявлений и иных документов, содержащих такие сведения.»;

3) в статье 50:

а) часть третью после слов «по назначению защитника» дополнить словами «в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов»;

б) часть четвертую после слов «по назначению защитника» дополнить словами «в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов»;

4) абзац первый части первой статьи 53 изложить в следующей редакции:

«1. С момента вступления в уголовное дело защитник вправе:»;

5) в статье 56:

а) часть первую дополнить словами «, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи»;

б) в части третьей:

пункт 2 дополнить словами «, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого»;

пункт 3 дополнить словами «, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь»;

б) в статье 58:

а) в части второй слова «в уголовном судопроизводстве» заменить словами «в следственных и иных процессуальных действиях, судебных заседаниях»;

б) дополнить частью второй.1 следующего содержания:

«2.1. Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса.»;

7) часть вторую статьи 75 дополнить пунктом 2.1 следующего содержания:

«2.1) предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно- розыскных мероприятий или следственных действий, за исключением предметов и документов, указанных в части первой статьи 81 настоящего Кодекса.»;

8) статью 159:

а) дополнить частью второй.1 следующего содержания:

«2.1. Защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, за исключением случая, предусмотренного частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса. Неявка защитника, своевременно извещенного о месте и времени производства следственного

действия, не является препятствием для его производства.»;

б) дополнить частью второй.2 следующего содержания:

«2.2. Лицам, указанным в части второй настоящей статьи, не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.»;

9) статью 161 изложить в следующей редакции:

«Статья 161. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования

1. Данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных частями второй, четвертой и шестой настоящей статьи.

2. Данные предварительного расследования могут быть переданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

3. Следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

4. Запрет на предание гласности данных предварительного расследования не распространяется на сведения:

1) о нарушении закона органами государственной власти и их должностными лицами;

2) распространенные следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или иным публичным способом;

3) оглашенные в открытом судебном заседании.

5. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя не допускается.

6. Не является разглашением данных предварительного расследования:

1) изложение сведений по уголовному делу в ходатайствах, заявлениях, жалобах и иных процессуальных документах по этому делу, а также в заявлениях и иных документах, подаваемых в государственные и межгосударственные органы по защите прав и свобод человека;

2) предоставление сведений по уголовному делу лицу, привлекаемому к участию в этом деле в качестве специалиста, при условии дачи им письменного обя-

Федеральный закон от 17.04.2017 N 73-ФЗ

зательства о неразглашении указанных сведений без согласия следователя или дознавателя.»;

10) статью 401.17 изложить в следующей редакции:

«Статья 401.17. Недопустимость внесения повторных кассационных жалобы, представления

Не допускается внесение повторных кассационных жалобы, представления по тем же правовым основаниям, теми же лицами в тот же суд кассационной инстанции, если ранее эти жалоба или представление в отношении того же лица рассматривались этим судом в судебном заседании либо были оставлены без удовлетворения постановлением судьи.»;

11) дополнить статьей 450.1 следующего содержания:

«Статья 450.1. Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката

1. Обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности), включая случаи, предусмотренные частью пятой статьи 165 настоящего Кодекса, производятся только после возбуждения в отношении адвоката уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, в порядке, установленном частью первой статьи 448 настоящего Кодекса, на основании постановления судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки и в присутствии обеспечивающего неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну, члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производятся указанные следственные действия, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты.

2. В постановлении судьи о разрешении производства обыска, осмотра и (или) выемки в отношении адвоката указываются данные, служащие основанием для производства указанных следственных действий, а также конкретные отыскиваемые объекты. Изъятие иных объектов не допускается, за исключением предметов и документов, изъятых из оборота. В ходе обыска, осмотра и (или) выемки в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается изъятие всего производства адвоката по делам его доверителей, а также фотографирование, киносъемка, видеозапись и иная фиксация материалов указанного производства.

3. До возбуждения в отношении адвоката уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, и вынесения судьей постановления о разрешении производства следственного действия осмотр жилых и служебных

помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности, может быть произведен только в случае, если в указанных помещениях обнаружены признаки совершения преступления. В таком случае осмотр места происшествия без участия члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, на территории которого производится осмотр, или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты, допускается только при невозможности обеспечения его участия.».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
17 апреля 2017 года
N 73-ФЗ

Начало действия документа - 28.04.2017.

Нижний предел штрафа для юридических лиц за заключение картельных соглашений вырос с 28 апреля 2017 г. Минимальный штраф для юрлиц за такое правонарушение повысится с 0,01 до 0,03 размера выручки от реализации товаров, работ, услуг или расходов на их приобретение. В КоАП появился отдельный состав - заключение соглашений, которые признаются картелем.

17 апреля 2017 года

N 74-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

Принят
Государственной Думой
7 апреля 2017 года

Одобен
Советом Федерации
12 апреля 2017 года

Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; N 44, ст. 4295; 2003, N 27, ст. 2700; N 46, ст. 4434; N 50, ст. 4847; 2004, N 34, ст. 3533; N 44, ст. 4266; 2005, N 1, ст. 13, 40; N 30, ст. 3131; N 52, ст. 5574; 2006, N 1, ст. 4; N 2, ст. 172; N 6, ст. 636; N 19, ст. 2066; N 45, ст. 4641; N 50, ст. 5281; N 52, ст. 5498; 2007, N 16, ст. 1825; N 26, ст. 3089; N 31, ст. 4015; 2008, N 20, ст. 2259; N 52, ст. 6235, 6236; 2009, N 29, ст. 3597; N 45, ст. 5265; 2010, N 19, ст. 2291; N 31, ст. 4193; 2011, N 1, ст. 23; N 19, ст. 2714; N 30, ст. 4573; N 47, ст. 6602; N 50, ст. 7346, 7362; 2012, N 24, ст. 3082; N 31, ст. 4320; N 47, ст. 6403, 6404, 6405; N 53, ст. 7602; 2013, N 14, ст. 1666; N 19, ст. 2323; N 26, ст. 3207, 3208, 3209; N 27, ст. 3469, 3477; N 30, ст. 4025, 4029, 4031, 4040; N 31, ст. 4191; N 44, ст. 5624; N 48, ст. 6163; N 49, ст. 6327, 6343; N 51, ст. 6683, 6696; N 52, ст. 6961, 6994; 2014, N 6, ст. 557, 566; N 11, ст. 1096; N 19, ст. 2302, 2317, 2335; N 26, ст. 3366; N 30, ст. 4211, 4214, 4218, 4256, 4259, 4264; N 42, ст. 5615; N 43, ст. 5799; N 48, ст. 6636, 6638, 6643, 6651; N 52, ст. 7548, 7550; 2015, N 1, ст. 35, 83, 85; N 10, ст. 1405, 1416; N 21, ст. 2981; N 27, ст. 3950; N 29, ст. 4354, 4374, 4391; N 41, ст. 5629; N 45, ст. 6208; N 48, ст. 6710, 6716; N 51, ст. 7249; 2016, N 1, ст. 59, 63, 84; N 10, ст. 1323; N 11, ст. 1481, 1490; N 26, ст. 3871, 3877; N 27, ст. 4160, 4164, 4206, 4223, 4238, 4259; N 50, ст. 6975; 2017, N 1, ст. 12, 31; N 11, ст. 1535) следующие изменения:

1) в части 2 статьи 2.5 слова «частью 3 статьи 14.32» заменить словами «частью 7 статьи 14.32»;

2) в абзаце первом части 1 статьи 3.5 после слов «частью 2.1 статьи 14.16.» дополнить словами «частью 5 статьи 14.32,», слова «частью 2 статьи 14.32» заменить словами «частью 5 статьи 14.32»;

3) в части 1 статьи 14.9 слова «частью 3 статьи 14.32» заменить словами «частью 7 статьи 14.32»;

4) статью 14.32 изложить в следующей редакции:

«Статья 14.32. Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности

1. Заключение хозяйствующим субъектом соглашения, признаваемого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации картелем, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи, либо участие в нем -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет; на юридических лиц - от трех сотых до пятнадцати сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, либо размера суммы расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее ста тысяч рублей.

2. Заключение хозяйствующим субъектом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения, если такое соглашение приводит или может привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах, либо заключение недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения между организаторами торгов и (или) заказчиками с участниками этих торгов, если такое соглашение имеет своей целью либо приводит или может привести к ограничению конкуренции и (или) созданию преимущественных условий для каких-либо участников, либо участие в них -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц - от одной десятой до одной второй начальной стоимости предмета торгов, но не более одной двадцать пятой совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) и не менее ста тысяч рублей.

3. Заключение хозяйствующим субъектом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации «вертикального» соглашения либо участие в нем -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятнадцати тысяч до тридцати тысяч рублей или дисквалификацию на срок до одного года; на юридических лиц - от одной сотой до пяти сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, либо размера суммы расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее ста тысяч рублей, а в случае, если сумма выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, либо сумма расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено адми-

нистративное правонарушение, превышает 75 процентов совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) или административное правонарушение совершено на рынке товаров (работ, услуг), реализация которых осуществляется по регулируемым в соответствии с законодательством Российской Федерации ценам (тарифам), - от двух тысячных до двух сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее пятидесяти тысяч рублей.

4. Заключение хозяйствующим субъектом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения либо участие в нем, за исключением случаев, предусмотренных частями 1 - 3 настоящей статьи, -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятнадцати тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от одной сотой до пяти сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, либо размера суммы расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее ста тысяч рублей, а в случае, если сумма выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, превышает 75 процентов совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) или административное правонарушение совершено на рынке товаров (работ, услуг), реализация которых осуществляется по регулируемым в соответствии с законодательством Российской Федерации ценам (тарифам), - от двух тысячных до двух сотых размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее пятидесяти тысяч рублей.

5. Координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов, недопустимая в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на должностных лиц - от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц - от одного миллиона до пяти миллионов рублей.

6. Осуществление хозяйствующим субъектом недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц - от одной сотой до трех сотых размера суммы выручки правонаруши-

теля от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, либо размера суммы расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее пятидесяти тысяч рублей, а в случае, если сумма выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, либо сумма расходов правонарушителя на приобретение товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, превышает 75 процентов совокупного размера суммы выручки правонарушителя от реализации всех товаров (работ, услуг) или административное правонарушение совершено на рынке товаров (работ, услуг), реализация которых осуществляется по регулируемым в соответствии с законодательством Российской Федерации ценам (тарифам), - от одной тысячной до одной сотой размера суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги), на рынке которого совершено административное правонарушение, но не менее пятидесяти тысяч рублей.

7. Заключение федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органом или организацией либо государственным внебюджетным фондом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения либо осуществление указанными органами или организациями недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет.

Примечания:

1. Лицо (группа лиц, определяемая в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации), добровольно заявившее в федеральный антимонопольный орган или его территориальный орган о заключении им недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения либо об осуществлении недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий, освобождается от административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные частями 1 - 4, 6 и 7 настоящей статьи, при выполнении в совокупности следующих условий:

на момент обращения лица с заявлением антимонопольный орган не располагал соответствующими сведениями и документами о совершенном административном правонарушении;

лицо отказалось от участия или дальнейшего участия в соглашении либо от осуществления или дальнейшего осуществления согласованных действий;

представленные сведения и документы являются достаточными для установления события административного правонарушения.

Освобождению от административной ответственности подлежит лицо, первым выполнившее все условия, предусмотренные настоящим примечанием.

2. Не подлежит рассмотрению заявление, поданное одновременно от имени нескольких лиц, заключивших недопустимое в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашение или осуществлявших недопустимые в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованные действия.

3. При назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного настоящей статьей, в отношении юридического лица учитываются обстоятельства, смягчающие административную ответственность, предусмотренные пунктами 2 - 7 части 1 статьи 4.2 настоящего Кодекса, а также следующие обстоятельства, смягчающие административную ответственность:

1) лицо, совершившее административное правонарушение, не является организатором ограничивающих конкуренцию соглашения или согласованных действий и (или) получило обязательные для исполнения указания участвовать в них;

2) лицо, совершившее административное правонарушение, не приступило к исполнению заключенного им ограничивающего конкуренцию соглашения.

4. При назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного настоящей статьей, в отношении юридического лица учитываются обстоятельства, отягчающие административную ответственность, предусмотренные пунктами 1 и 2 части 1 статьи 4.3, пунктами 1, 2 и 3 примечания 3 к статье 14.31 настоящего Кодекса, а также следующие обстоятельства, отягчающие административную ответственность:

1) организация лицом, совершившим административное правонарушение, ограничивающих конкуренцию соглашения или согласованных действий;

2) принуждение лицом, совершившим административное правонарушение, иных лиц к совершению административного правонарушения либо к продолжению участия в ограничивающих конкуренцию соглашении или согласованных действиях.

5. За совершение административного правонарушения, предусмотренного частями 1 - 4, 6 и 7 настоящей статьи, административный штраф на юридическое лицо налагается в размере суммы минимального размера административного штрафа, предусмотренного за совершение данного административного правонарушения, если такое юридическое лицо (группа лиц, определяемая в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации) добровольно заявило в федеральный антимонопольный орган или его территориальный орган о заключении им недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения либо об осуществлении недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий и в совокупности выполнило следующие условия:

лицо признало факт совершения административного правонарушения;

лицо отказалось от участия либо дальнейшего участия в соглашении или согласованных действиях;

представленные сведения и документы являются достаточными для установления события административного правонарушения.

Административный штраф в предусмотренном настоящим примечанием размере налагается на юридические лица, вторым и третьим выполнившие условия настоящего примечания. Настоящее примечание не применяется в отношении юридического лица, являющегося организатором недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения.

6. При определении в соответствии с настоящей статьей размера административного штрафа, исчисляемого от начальной стоимости предмета торгов, проводимых для заключения договора (контракта), срок исполнения которого превышает один год, размер начальной стоимости предмета таких торгов определяется пропорционально стоимости предмета торгов за один год.».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
17 апреля 2017 года
N 74-ФЗ

Начало действия документа - 28.04.2017.

Уточнен порядок опубликования решений Суда по интеллектуальным правам по делу об оспаривании нормативного правового акта или по делу об оспаривании акта, обладающего нормативными свойствами.

17 апреля 2017 года

N 76-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
В СТАТЬЮ 196 АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
5 апреля 2017 года

Одобен
Советом Федерации
12 апреля 2017 года

Внести в статью 196 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 30, ст. 3012; 2014, N 26, ст. 3392; 2016, N 7, ст. 906) изменение, исключив из нее слова «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти государственного учреждения - издательства «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации,».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
17 апреля 2017 года
N 76-ФЗ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 22 апреля 2017 г. N 482

**ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ
О ПОРЯДКЕ СНЯТИЯ КОПИЙ С ДОКУМЕНТОВ,
ИЗЪЯТЫХ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ**

В соответствии с частью третьей статьи 81.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Правительство Российской Федерации постановляет:

Утвердить прилагаемое Положение о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики.

Председатель Правительства
Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ

Утверждено
постановлением Правительства
Российской Федерации
от 22 апреля 2017 г. N 482

**ПОЛОЖЕНИЕ
О ПОРЯДКЕ СНЯТИЯ КОПИЙ С ДОКУМЕНТОВ,
ИЗЪЯТЫХ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ**

1. Настоящее Положение устанавливает порядок снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, указанных в части первой статьи 81.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - документы).

2. Дознавателем, следователем, в производстве которых находится уголовное дело, предоставляются документы, изготовленные на бумажном носителе, для копирования их законным владельцам.

Установленный настоящим Положением порядок снятия копий не распространяется на копирование информации с электронных носителей информации, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам, на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изъятых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации.

3. Правом снятия копий с документов могут воспользоваться их законные владельцы.

4. Копирование документов осуществляется на основании постановления дознавателя, следователя, в производстве которых находится уголовное дело, вынесенного по результатам рассмотрения письменного ходатайства законного владельца документов.

5. Ходатайство о копировании документов подается законным владельцем документов в письменном виде на имя дознавателя, следователя, в производстве которых находится уголовное дело. Ходатайство со-

держит сведения о лице, его подающем, перечень документов, подлежащих копированию, цель копирования, сведения о технических средствах, предполагаемых к использованию для копирования, а также сведения о нотариусе в случае его приглашения законным владельцем документов на основании пункта 11 настоящего Положения в место копирования документов для удостоверения соответствия копий документов подлинникам.

К ходатайству прилагается копия документа, подтверждающего, что лицо, обратившееся с ходатайством, является законным владельцем документов.

6. Ходатайство о копировании документов рассматривается дознавателем, следователем, в производстве которых находится уголовное дело, в порядке и сроки, которые установлены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

7. Ходатайство о копировании документов не подлежит удовлетворению, если лицо, обратившееся с ходатайством, не является законным владельцем документов либо имеются сведения о наличии спора между лицом, обратившимся с ходатайством, и иными лицами о принадлежности этих документов, а также имеются основания полагать, что документы, о копировании которых подано ходатайство, содержат ложные сведения или могут быть использованы в противоправной деятельности.

В удовлетворении ходатайства может быть отказано, если документы переданы для производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов и осуществление их копирования существенно затруднит производство указанных действий.

8. В случае полного или частичного удовлетворения ходатайства о копировании документов дознаватель, следователь уведомляет лицо, обратившееся с ходатайством, о дате, времени и месте копирования документов.

9. Копирование документов осуществляется законным владельцем документов за свой счет с использованием личных технических средств (копировально-множительной техники, фотоаппаратуры) и расходных материалов в присутствии уполномоченного должностного лица органа дознания или следственного органа. При копировании документов обеспечиваются условия, исключающие возможность их уничтожения или повреждения.

Для оказания технической помощи в копировании документов и обеспечения их сохранности следователь, дознаватель к участию в копировании могут привлечь специалиста.

10. По окончании копирования документов уполномоченным должностным лицом органа дознания или следственного органа составляется акт, в котором указываются должность, фамилия и инициалы лица, составившего акт, фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в копировании документов, и при необходимости его адрес и другие данные о его личности, наименования документов, которые копировались, с указанием количества их листов, технические средства, примененные при копировании документов, а также делается отметка о передаче копий документов

законному владельцу документов. Акт подписывается всеми лицами, участвовавшими в копировании, а также уполномоченным должностным лицом органа дознания или следственного органа.

11. Копии документов, снятые в процессе копирования, дознавателем, следователем не заверяются. Для удостоверения соответствия копий документов подлинникам, с которых они сделаны, законным владельцем документов в место копирования документов, определенное в соответствии с пунктом 8 настоящего Положения, может быть приглашен нотариус.

12. В случае если уголовное дело передано в суд, снятие копий с документов осуществляется в порядке, установленном Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в соответствии с полномочиями, предоставленными Федеральным законом «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации».

Постановление Правительства Красноярского края от 16 марта 2017 г. N 141-п

Установлено, что справка о среднедушевом доходе семьи (одиноко проживающего гражданина) для получения бесплатной юридической помощи, выданная органом социальной защиты населения по месту жительства гражданина, выдается исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Красноярского края в течение 10 дней с даты обращения гражданина.

ПРАВИТЕЛЬСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 16 марта 2017 г. N 141-п

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
В ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ОТ 22.08.2014 N 364-П
«О МЕРАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОКАЗАНИЯ АДВОКАТАМИ
БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ГРАЖДАНАМ
В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ БЕСПЛАТНОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ»**

В соответствии со статьей 103 Устава Красноярского края, Законом Красноярского края от 19.12.2013 N 5-1990 «О бесплатной юридической помощи в Красноярском крае», Законом Красноярского края от 09.12.2010 N 11-5397 «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов края отдельными государственными полномочиями в сфере социальной поддержки и социально-обслуживания граждан» постановляю:

1. Внести в Постановление Правительства Красноярского края от 22.08.2014 N 364-п «О мерах по обеспечению оказания адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи в Красноярском крае» следующее изменение:

абзац восьмой подпункта 2 пункта 5 приложения N 2 изложить в следующей редакции:

«граждане, среднедушевой доход семей которых ниже величины прожиточного минимума, установленного в Красноярском крае, либо одиноко проживающие граждане, доходы которых ниже величины прожиточного минимума (малоимущие граждане), - справку о среднедушевом доходе семьи (одиноко проживающего гражданина) для получения бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи на территории Красноярского края. Среднедушевой доход семьи (одиноко проживающего гражданина) для получения бесплатной юридической помощи исчисляется в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2003 N 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» с учетом видов доходов, указанных в перечне, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.08.2003 N 512 «О перечне видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи». Справка о среднедушевом доходе семьи (одиноко проживающего гражданина) для получения бесплат-

ной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи на территории Красноярского края выдается исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Красноярского края в течение 10 дней с даты обращения гражданина.».

2. Опубликовать Постановление на «Официальном интернет-портале правовой информации Красноярского края» (www.zakon.krskstate.ru).

3. Постановление вступает в силу в день, следующий за днем его официального опубликования.

Первый заместитель Губернатора края -
председатель Правительства края
В.П. ТОМЕНКО

Конституционным Судом РФ проведен анализ наиболее важных решений, принятых им в первом квартале 2017 года.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕШЕНИЕ
от 20 апреля 2017 года

**ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОБЗОРА
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗА ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 2017 ГОДА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав информацию Председателя Конституционного Суда Российской Федерации о подготовленном Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации Обзоре практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2017 года,

решил:

1. Утвердить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2017 года.

2. Разместить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2017 года на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации.

3. Опубликовать Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2017 года в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН

**ОБЗОР
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗА ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 2017 ГОДА**

Настоящий обзор посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее - Конституционный Суд) в первом квартале 2017 года (постановления, определения по жалобам и запросам).

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 19 января 2017 года N 1-П Конституционный Суд разрешил вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Предметом рассмотрения являлся вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации указанного постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенного на основании статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека.

Конституционный Суд признал невозможным исполнение данного постановления Европейского Суда по правам человека, согласно которому вследствие нарушения Россией статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции - в части ретроактивного применения в отношении компании-заявительницы штрафных санкций за 2000 и 2001 годы и исполнительского сбора по этим санкциям, а также в части исполнительного производства, в ходе которого с компании-заявительницы был взыскан непропорциональный по своему характеру исполнительский сбор в размере семи процентов от общей суммы ее задолженности по уплате налогов, пеней и штрафов, - компании-заявительнице был причинен материальный ущерб на общую сумму, включая компенсацию инфляционных потерь, в 1 866 104 634 (один миллиард восемьсот шестьдесят шесть миллионов сто четыре тысячи шестьсот тридцать четыре) евро, которую Россия должна выплатить акционерам данной компании, их правопреемникам и наследникам.

Конституционный Суд не исключил возможности проявления Россией доброй воли в определении пределов компромисса и механизмов его достижения в отношении акционеров ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС», пострадавших от неправомерных действий компании и ее менеджмента. В связи с этим Правительство Российской Федерации правомочно инициировать рассмотрение вопроса о выплате соответствующих сумм в предусмотренной российским и зарубежным законодательством процедуре распределения вновь выявленного имущества ликвидированного юридического лица, что может быть осуществлено только после расчетов с кредиторами и принятия мер по выявлению иного имущества (например, сокрытого на зарубежных счетах). Однако такая выплата в любом случае не должна затрагивать

доходы и расходы бюджета, а также имущество Российской Федерации.

2. Постановлением от 17 марта 2017 года N 8-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения пункта 13 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той части, в какой на его основании разрешается вопрос о возможности доставления сотрудниками полиции гражданина в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение с целью защиты от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом при проведении им одиночного пикетирования.

Конституционный Суд признал оспоренное положение в части его распространения на проводящего одиночное пикетирование гражданина не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно подразумевает, что:

угроза жизни и здоровью такого гражданина в месте проведения пикета является реальной, а не предполагаемой, выражаясь в высоком риске причинения вреда его жизни и здоровью в результате его собственных действий, действий иных лиц или проявления природных, техногенных и других факторов;

у сотрудников полиции отсутствует объективная возможность иными законными действиями устранить данную угрозу или противостоять ей без прекращения пикетирования, притом что гражданин отказывается от перемещения его в другое (помимо служебного помещения территориального органа или подразделения полиции, муниципального органа, иного служебного помещения) безопасное место, либо препровождение гражданина в соответствующее служебное помещение является в имеющихся условиях единственным способом избежать причинения вреда его жизни и здоровью;

указанное доставление осуществляется в максимально короткий срок и после составления протокола о доставлении, если основания для применения к нему данной меры отпали, гражданин подлежит незамедлительному освобождению;

применение полицией данной меры к гражданам, проводящим одиночное пикетирование, при очевидном отсутствии названных оснований к ее применению может расцениваться как неправомерное ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность и на проведение публичных мероприятий, влекущее установленную законом ответственность.

3. Постановлением от 24 марта 2017 года N 9-П Конституционный Суд дал оценку конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения статей 32, 48, 69, 70 и 101 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 статьи 2 и статьи 1102 ГК Российской Федерации являлись предметом рассмотрения постольку,

поскольку на их основании разрешается вопрос о взыскании с налогоплательщика полученных им в порядке имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц денежных средств, в случае если для его предоставления отсутствовали законные основания.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они при отсутствии в законодательстве о налогах и сборах специального регулирования порядка возврата неправомерно (ошибочно) предоставленного имущественного налогового вычета:

не исключают возможности взыскания с налогоплательщика денежных средств, полученных им вследствие неправомерно (ошибочно) предоставленного по решению налогового органа имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц, в порядке возврата неосновательного обогащения в случае, если эта мера оказывается единственно возможным способом защиты фискальных интересов государства;

предполагают, что соответствующее требование может быть заявлено - в случае, если предоставление имущественного налогового вычета было обусловлено ошибкой самого налогового органа, - в течение трех лет с момента принятия ошибочного решения о предоставлении имущественного налогового вычета. Если же предоставление имущественного налогового вычета было обусловлено противоправными действиями налогоплательщика, то налоговый орган вправе обратиться в суд с соответствующим требованием в течение трех лет с момента, когда он узнал или должен был узнать об отсутствии оснований для предоставления налогоплательщику имущественного налогового вычета;

исключают применение в отношении налогоплательщика, с которого взысканы соответствующие денежные средства, иных правовых последствий, если только такое неосновательное обогащение не явилось следствием противоправных действий самого налогоплательщика, и не иначе как в рамках системы мер государственного принуждения, предусмотренных законодательством о налогах и сборах.

4. Постановлением от 28 марта 2017 года N 10-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 4.1 статьи 63 Градостроительного кодекса Российской Федерации и статьи 23 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее - Федеральный закон).

Предметом рассмотрения являлись: положение Градостроительного кодекса Российской Федерации - как закрепляющее полномочие по утверждению нормативными правовыми актами правил землепользования и застройки субъектов Российской Федерации - городов федерального значения за

высшими исполнительными органами государственной власти этих субъектов Российской Федерации;

положение Федерального закона с точки зрения его соответствия Конституции Российской Федерации по порядку принятия Государственной Думой.

Конституционный Суд признал оспоренное положение Градостроительного кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не препятствует законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Российской Федерации - городов федерального значения при осуществлении законодательного регулирования градостроительной деятельности в пределах своей компетенции в системе разделения властей на уровне субъекта Российской Федерации и в пределах компетенции субъекта Российской Федерации устанавливать нормы, влияющие на содержание правил землепользования и застройки, в том числе обязывающие вносить в данные правила изменения и дополнения.

Конституционный Суд не нашел оснований для признания оспоренного положения Федерального закона не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия.

5. Определением от 9 февраля 2017 года N 212-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 1 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям налоговая база по земельному налогу определяется в отношении каждого земельного участка как его кадастровая стоимость по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом. При этом изменение кадастровой стоимости земельного участка в течение налогового периода не учитывается при определении налоговой базы в этом и предыдущих налоговых периодах, если иное не предусмотрено данным пунктом. Изменение кадастровой стоимости земельного участка вследствие исправления технической ошибки, допущенной органом, осуществляющим государственный кадастровый учет, при ведении государственного кадастра недвижимости, учитывается при определении налоговой базы, начиная с налогового периода, в котором была допущена такая техническая ошибка.

Конституционный Суд указал, что изменение кадастровой стоимости земельных участков, произошедшее в текущем налоговом периоде в результате перевода земель из одной категории в другую или изменения вида разрешенного использования земельного участка, может быть учтено только со следующего налогового периода по земельному налогу. Это относится ко всем случаям изменения вида разрешенного использования земельного участка, произошедшего в течение налогового периода, независимо от того, привели данные изменения к улучшению или к ухудшению положения налогоплательщика.

6. Определением от 9 марта 2017 года N 592-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 5 части 2 статьи 246 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и части шестнадцатой статьи 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации помимо документов, указанных в статье 126 данного Кодекса, к административному исковому заявлению об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости прилагается положительное экспертное заключение на бумажном носителе и в форме электронного документа, подготовленное экспертом или экспертами саморегулируемой организации оценщиков, членом которой является оценщик, составивший отчет, о соответствии отчета об оценке рыночной стоимости объекта оценки требованиям законодательства Российской Федерации об оценочной деятельности, федеральных стандартов оценки и других актов уполномоченного федерального органа, осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию оценочной деятельности, требованиям стандартов и правил оценочной деятельности такой саморегулируемой организации оценщиков в случаях, установленных этим уполномоченным федеральным органом.

Оспоренными положениями Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» предусматривается перечень документов, прилагаемых к заявлению о пересмотре кадастровой стоимости (в редакции Федерального закона от 2 июня 2016 года N 172-ФЗ, которым из данной нормы был исключен абзац шестой, содержащий требование о представлении положительного экспертного заключения в отношении отчета об определении рыночной стоимости объекта недвижимости).

Конституционный Суд указал, что правовое регулирование рассмотрения споров о кадастровой стоимости предполагает, что в период действия абзаца шестого части шестнадцатой статьи 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» не требовалось представления физическими лицами, не воспользовавшимися процедурой досудебного урегулирования такого спора, положительного экспертного заключения на отчет об оценке рыночной стоимости объекта недвижимости при обращении в суд с заявлением об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости. С момента же утраты указанной нормой юридической силы более не требуется представления в суд такого экспертного заключения и иными субъектами оспаривания результатов определения кадастровой стоимости (если только ранее указанного момента они не воспользовались административной процедурой ее оспаривания).

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

7. Постановлением от 1 марта 2017 года N 3-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 5 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

Оспоренное нормативное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании - с учетом того, что его действие в силу части 2 статьи 56 данного Федерального закона распространяется на сотрудников органов внутренних дел, не являющихся сотрудниками полиции, - правоприменение

менительные органы отказывали в выплате единовременного пособия получившему в связи с выполнением служебных обязанностей увечье или иное повреждение здоровья сотруднику органов внутренних дел, признанному военно-врачебной комиссией ограниченно годным к прохождению службы (категория «В») и уволенному с нее в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» - на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не препятствует выплате предусмотренного им единовременного пособия указанному сотруднику, за исключением случаев, когда увольнению предшествовал отказ сотрудника от перевода на другую должность в органах внутренних дел, подходящую ему по состоянию здоровья.

8. Определением от 9 февраля 2017 года N 205-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 1 статьи 9 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

Оспоренными положениями установлена таблица соответствия квалификационных классов, присвоенных на день вступления в силу данного Федерального закона действующим судьям согласно Положению о квалификационной аттестации судей, утвержденному Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 13 мая 1993 года N 4960-1 «Об утверждении Положения о квалификационных коллегиях судей и Положения о квалификационной аттестации судей», квалификационным классам, установленным Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» (в редакции данного федерального закона).

Конституционный Суд указал, что оспоренные положения были предметом рассмотрения, а правовые позиции, выраженные в сохраняющем силу Постановлении от 26 февраля 2015 года N 3-П, применимы при решении вопроса о преобразовании квалификационных классов в отношении всех судей, которые ранее замещали должность судьи областного суда, затем были назначены на должность судьи (председателя, заместителя председателя) районного суда и по состоянию на 1 января 2013 года продолжали осуществлять свои полномочия.

9. Определением от 9 марта 2017 года N 357-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 3 статьи 30 и части 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В запросе суда, послужившем основанием для принятия данного решения, оспаривалась конституционность указанных законоположений, поскольку часть 3 статьи 30 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепляя порядок перевода сотрудников органов внутренних дел на вышестоящие должности, по мнению судьи, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе ее применения, а использование в части 7 статьи 82 данного Федерального закона словосочетания «иные должности» без указания на необходимость предложения сотруднику, должность которого сокращается, всех имеющихся в распоряжении соответствующего органа внутренних дел вакантных должностей, включая вышестоящие, не учитывает особенностей правового статуса сотрудников органов внутренних дел, а также допускает возможность ее произвольного применения и тем самым нарушает конституционные права этих лиц.

Конституционный Суд указал, что положения части 7 статьи 82 данного Закона носят гарантийный характер, обеспечивая - при наличии соответствующих вакантных должностей - возможность продолжения сотрудником органов внутренних дел, должность которого подлежит сокращению, службы на должности, предоставленной ему с учетом уровня его квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности, т.е. на равноценной или нижестоящей должности.

Кроме того, часть 3 статьи 30 данного Федерального закона не исключает возможности - при принятии соответствующего решения уполномоченным должностным лицом и соблюдении установленных законодателем правил - перевода сотрудника, должность которого подлежит сокращению, на вышестоящую должность в органах внутренних дел.

III

Конституционные основы частного права

10. Постановлением от 10 марта 2017 года N 6-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о возможности возмещения потерпевшему - владельцу транспортного средства вреда в размере, превышающем размер страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему страховщиком, застраховавшим по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств ответственность причинителя вреда.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают возможность возмещения потерпевшему вреда в размере, который

превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

11. Определением от 9 февраля 2017 года № 219-О Конституционный Суд выявил смысл положений пунктов 19 и 31 статьи 1, а также части 3 статьи 3 Федерального закона от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Оспоренными нормами был существенно уточнен и дополнен порядок ликвидации юридического лица, введены положения, посвященные некоммерческим унитарным предприятиям, а также определен порядок применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации в редакции данного Федерального закона.

Конституционный Суд указал, что участники гражданско-правовых отношений, приобретая свои гражданские права своей волей и в своем интересе, будучи свободными в установлении своих прав и обязанностей на основе договора, в том числе с муниципальными автономными учреждениями, несут риск неудовлетворения своих имущественных требований.

Поскольку законодательство не предусматривало и не предусматривает соответствующего объема гарантий для кредиторов муниципальных автономных учреждений (начиная с момента появления такого вида учреждений), это ориентирует контрагентов на проявление необходимой степени осмотрительности еще при вступлении в гражданско-правовые отношения с субъектами, особенности правового статуса которых не позволяют в полной мере прибегнуть к институту субсидиарной ответственности, предполагая возможность использования существующих гражданско-правовых способов обеспечения исполнения обязательств.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

12. Постановлением от 10 февраля 2017 года № 2-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служат основанием для решения вопроса о наличии в деянии признаков уголовно-противоправного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования и о применении к совершившему это деяние лицу уголовного наказания в виде лишения свободы.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они:

позволяют подвергать уголовному преследованию за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (далее - соответствующее

нарушение) лицо, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшееся к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, если это лицо в пределах срока, в течение которого оно считается подвергнутым административному наказанию за указанные административные правонарушения, вновь нарушило установленный порядок организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования;

предполагают, что привлечение лица к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей, возможно только в случае, если соответствующее нарушение повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям;

исключают возможность привлечения к уголовной ответственности за соответствующее нарушение лица, в отношении которого на момент совершения инкриминируемого ему деяния отсутствовали вступившие в законную силу судебные акты о привлечении не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации;

допускают привлечение лица к уголовной ответственности на основании данной статьи только в случае, если соответствующее нарушение носило умышленный характер;

означают, что фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами по делам об административных правонарушениях, сами по себе не определяют выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении преступления, предусмотренного данной статьей, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел о совершенных этим лицом административных правонарушениях;

подразумевают возможность назначения лицу наказания в виде лишения свободы лишь при том условии, что соответствующее нарушение повлекло за собой утрату публичным мероприятием мирного характера (если соответствующее нарушение не подпадает под признаки преступления, предусмотренного статьей 212 «Массовые беспорядки» УК Российской Федерации) или причинение либо реальную угрозу причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям, притом что без назначения данного вида наказания невозможно обеспечить достижение целей уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей.

13. Постановлением от 2 марта 2017 года № 4-П Конституционный Суд дал оценку конституционности

положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании судом разрешается вопрос о прекращении уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования.

Спорные нормы были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку предполагают, что при прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования с согласия обвиняемого (подсудимого):

потерпевший, если у него имеются обоснованные сомнения в правильности исчисления срока давности уголовного преследования, вправе представить свои возражения против прекращения уголовного дела, которые должны быть исследованы судом, а в случае вынесения решения о прекращении уголовного дела - оспорить его по мотивам незаконности и необоснованности в установленном процессуальным законом порядке;

для потерпевшего сохраняется возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности, а обвиняемый (подсудимый) не освобождается от обязательств по возмещению причиненного противоправным деянием ущерба. При этом потерпевшему должно обеспечиваться содействие со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения такого ущерба;

суд, рассматривающий в порядке гражданского судопроизводства иск о возмещении ущерба, причиненного подвергавшимся уголовному преследованию лицом, должен принять данные предварительного расследования. К ним относятся и сведения, содержащиеся в решении о прекращении в отношении этого лица уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в качестве письменных доказательств. Эти и другие имеющиеся в деле доказательства суд обязан оценивать по своему внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании;

потерпевший не лишен возможности обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

14. Постановлением от 7 марта 2017 года N 5-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Предметом рассмотрения являлись:

пункт 1 части третьей статьи 81 УПК Российской Федерации - постольку, поскольку на его основании разрешается вопрос о конфискации имущества, принадлежащего на праве собственности лицу, уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством по данному уголовному делу;

статья 401.6 данного Кодекса - постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о допустимости пересмотра в кассационном порядке судебного решения о возвращении указанного имущества лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено, за пределами срока, превышающего один год со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

Конституционный Суд признал оспоренные положения статьи 81 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что лишение обвиняемого (подсудимого), в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования, принадлежащего ему на законных основаниях имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства его совершения вещественным доказательством, и, соответственно, прекращение права собственности обвиняемого (подсудимого) на это имущество могут производиться при отсутствии возражения обвиняемого (подсудимого) против прекращения уголовного дела по данному основанию и при условии разъяснения ему юридических последствий такого прекращения, включая конфискацию. Если такого согласия с его стороны не получено, то прекращение права собственности данного лица на указанное имущество производится при вынесении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

Не противоречащей Конституции Российской Федерации признана также статья 401.6 УПК Российской Федерации, поскольку она не предполагает пересмотра (отмены или изменения) в кассационном порядке вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым указанное имущество не подлежит конфискации, по прошествии одного года со дня вступления такого судебного решения в законную силу.

15. Постановлением от 16 марта 2017 года N 7-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации они исключают возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела в отношении мужчины, достигшего шестидесятипятилетнего возраста и обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации.

Оспоренные положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации признаны не соответствующими Конституции Российской Федера-

ции в той мере, в какой во взаимосвязи с названными нормативными положениями ими исключается возможность рассмотрения судом в указанном составе уголовного дела по обвинению достигшего шестидесятипятилетнего возраста мужчины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет, а также женщины старше восемнадцати лет в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в этом составе.

Впредь до вступления в силу нового правового регулирования определен следующий порядок исполнения Постановления.

Уголовные дела по обвинению достигших шестидесятипятилетнего возраста мужчин в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, если судебные заседания по этим уголовным делам не назначены на момент вступления настоящего Постановления в силу, подлежат рассмотрению в соответствии с правилами о подсудности и составе суда, которые применяются к совершеннолетним лицам, не достигшим шестидесяти пяти лет. Если на указанный момент судебные заседания по уголовным делам уже назначены к рассмотрению, подсудность и состав суда изменению не подлежат (за исключением уголовного дела заявителя), в том числе в рамках и по результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

16. Определением от 17 января 2017 года № 61-О Конституционный Суд выявил конституционный смысл статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями регламентированы виды имущественного вреда, подлежащего возмещению реабилитированному лицу, порядок направления требования о его возмещении, рассмотрения такого требования судом, а также направления копии решения суда.

Конституционный Суд указал, что продолжение уголовного преследования лица в связи с совершением им преступлений не препятствует рассмотрению его требований о возмещении вреда, который был причинен в результате прекращенного по реабилитирующим основаниям уголовного преследования за совершение другого самостоятельного преступления.

Верховным Судом РФ подготовлен второй обзор судебной практики в 2017 году.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
26 апреля 2017 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. Правила назначения наказания, предусмотренные ч. 1 ст. 62 УК РФ, применяются в отношении женщин и в тех случаях, когда санкция статьи предусматривает пожизненное лишение свободы, поскольку этот вид наказания не может быть назначен женщинам в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 57 УК РФ.

При установлении ограничений на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, указание конкретного муниципального образования в приговоре не требуется. Исходя из положений ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исполнительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

По приговору суда С., судимая 10 февраля 2009 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, осуждена по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы на 2 года. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору от 10 февраля 2009 г. окончательно назначено 15 лет лишения свободы с ограничением свободы на 2 года, с установлением на этот срок в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующих ограничений: не изменять место жительства и пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не выезжать за пределы территории муниципального образования г. Новосибирска, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, два раза в месяц для регистрации.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении С. оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденной, изменил судебные решения в части назначенного С. наказания по следующим основаниям.

Из содержания приговора следует, что суд первой инстанции смягчающим наказанию осужденной С. признал явку с повинной. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится явка с повинной), и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

В соответствии с ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 УК РФ пожизненное лишение свободы и смертная казнь женщинам не назначаются.

Следовательно, с учетом требований ст. 62 УК РФ С. по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не могло быть назначено наказание, превышающее 13 лет 4 месяцев лишения свободы. Однако ей за указанное преступление назначено 14 лет лишения свободы. Не была исправлена допущенная ошибка и при рассмотрении уголовно-дела судом кассационной инстанции.

Кроме того, при назначении в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы суд первой инстанции ошибочно указал на запрет С. выезжать за пределы территории муниципального образования - г. Новосибирска, поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденная должна будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор и кассационное определение в отношении С. и смягчил ей наказание по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ до 13 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года, установив в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующие ограничения: не изменять место жительства или пребывания, а также не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в специализированный государственный орган для регистрации два раза в месяц.

Постановление Президиума
Верховного Суда
Российской Федерации
N 6-П17

2. Если установленное в санкции статьи дополнительное наказание в виде штрафа или ограничения свободы не является обязательным, то суд в описательно-мотивировочной части приговора должен привести основания их назначения.

По приговору суда, постановленному с участием присяжных заседателей, К. осужден по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) к 11 годам лишения свободы со штрафом в размере 500 000 руб. с ограничением

свободы сроком на 1 год, по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ) к 14 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев, по ч. 2 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ) к 3 годам лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено 18 лет лишения свободы со штрафом в размере 500 000 руб., с ограничением свободы сроком на 2 года, запрещено изменять место жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области, на него возложена обязанность являться в специализированный государственный орган для регистрации четыре раза в месяц.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения в части назначенного К. наказания по следующим основаниям.

Суд первой инстанции, квалифицировав действия осужденного по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, помимо основного наказания в виде лишения свободы назначил ему дополнительные наказания в соответствии с санкцией этой нормы в виде штрафа в размере 500 000 руб. и ограничения свободы сроком на 1 год с установлением указанных в приговоре ограничений.

Однако, как следует из редакции данной статьи уголовного закона, назначение дополнительных наказаний в виде штрафа и ограничения свободы не является обязательным, их применение возможно по усмотрению суда. Между тем суд, назначив по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы, в описательно-мотивировочной части приговора данное решение не мотивировал.

При таких обстоятельствах Президиум исключил из судебных решений дополнительные наказания в виде штрафа в размере 500 000 руб. и ограничения свободы, назначенные К. по ч. 3 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Также из судебных решений исключено указание на запрет К. выезжать за пределы территории г. Подольска Московской области при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. N 377-ФЗ), поскольку исходя из положений ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ наименование муниципального образования определяется той уголовно-исправительной инспекцией, в которой осужденный должен будет встать на учет после отбывания лишения свободы.

Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации N 191-П16

3. В соответствии с ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Определениями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации адвокатам А. и В. выплачено вознаграждение за осуществление защиты осужденных М. и Ч. в суде апелляционной инстанции соответственно в размере 21 600 и 25 200 руб. из средств федерального бюджета. Процессуальные издержки в размере 21 600 и 25 200 руб. взысканы в доход федерального бюджета с осужденных.

Осужденные в надзорных жалобах просили отменить указанные определения в части взыскания с них процессуальных издержек, поскольку от услуг адвокатов они отказались.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил из определений указания о взыскании с осужденных процессуальных издержек, мотивировав свое решение следующим.

Согласно ч. 4 ст. 132 УПК РФ, если подозреваемый, обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению, то расходы на оплату труда адвоката возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Из материалов уголовного дела следует, что осужденный М. отказался от услуг адвоката А. при рассмотрении дела в апелляционном порядке, указав на это в соответствующей расписке, подтвердив отказ в заседании суда апелляционной инстанции.

Однако для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен адвокат А., которому выплачено вознаграждение в размере 21 600 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного М. в доход федерального бюджета.

Осужденный Ч. также отказался от услуг адвоката В. при рассмотрении дела в апелляционном порядке в письменном виде, подтвердив отказ в судебном заседании суда апелляционной инстанции. Несмотря на это, для осуществления защиты осужденного в суде апелляционной инстанции был назначен адвокат В., которому выплачено вознаграждение в размере 25 200 руб. за осуществление защиты осужденного. Указанная сумма взыскана с осужденного Ч. в доход федерального бюджета.

При таких обстоятельствах, когда осужденные М. и Ч. отказались от услуг защитников при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, однако их отказ не был удовлетворен и защитники участвовали при рассмотрении дела по назначению суда, на осужденных не может быть возложена обязанность по возмещению расходов, связанных с оплатой труда адвокатов.

Постановление Президиума
Верховного Суда
Российской Федерации
N 196-П16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

4. Восстановление жилого помещения после пожара не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности.

К. обратился в суд к С. с иском о прекращении права общей долевой собственности на жилой дом, признании права собственности на оставшуюся после пожара часть жилого дома, об обязанности устранить нарушения противопожарных требований, допущенных при возведении жилого дома. В обоснование иска К. указал, что он и А. являлись собственниками жилого дома и земельного участка. В соответствии с договором реального раздела земельного участка и жилого дома и сложившимся порядком пользования часть дома находилась в пользовании А., а другая часть находилась в пользовании К. После пожара, уничтожившего жилой дом, А. продал свой участок.

С. снес сохранившуюся после пожара часть дома, находившуюся в пользовании А., и в настоящее время возводит на ее месте новый объект. К. отказано в государственной регистрации права на принадлежащую ему часть жилого дома, хотя она является объектом капитального строительства, он принимает меры к ее полному восстановлению. К. полагал, что при возведении жилого дома ответчиком нарушены градостроительные и противопожарные нормы.

С учетом изложенного К. просил суд прекратить право общей долевой собственности на спорный жилой дом, признать за ним право собственности на сохранившуюся после пожара часть жилого дома, а также обязать С. устранить нарушения противопожарных требований, допущенные при возведении нового жилого дома.

Решением суда исковые требования К. удовлетворены.

Апелляционным определением данное решение суда отменено в части удовлетворения исковых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, об обязанности С. устранить нарушения противопожарных требований, в указанной части принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судом установлено, что на основании договора купли-продажи 1993 года К. и А. принадлежали на праве общей долевой собственности по 1/2 доли жилого дома.

18 сентября 2008 г. между К. и А. заключен договор реального раздела земельного участка с жилым домом, согласно которому часть жилого дома площадью 85,6 м² и земельный участок площадью 1167 м² принадлежат А., часть жилого дома площадью 166,8 м² и земельный участок площадью 1150,5 м² принадлежат К.

На основании указанного договора К. выдано свидетельство о государственной регистрации права от 16 сентября 2013 г. на земельный участок площадью 1136 м², на часть жилого дома свидетельство не выдано.

16 декабря 2009 г. в жилом доме, принадлежащем К. и А., произошел пожар, в результате пожара сгорели внутренние помещения по всей площади, кровля по всей площади, мансарда по всей площади, выгорели потолочные и напольные перекрытия.

Решением суда от 25 октября 2011 г. с А. в пользу К. в счет возмещения ущерба, причиненного пожаром, взыскана денежная сумма.

По договору купли-продажи от 11 июня 2013 г. А. продал, а С. купил земельный участок площадью 1167 м².

Постановлением главы местной администрации от 22 августа 2014 г. земельному участку присвоен новый адрес.

С. оставшаяся после пожара часть дома демонтирована.

3 сентября 2014 г. местной администрацией С. выдано разрешение на строительство жилого дома.

Возведенное С. строение представляет собой жилой дом с мансардным этажом общей площадью 280,1 м².

Сохранившаяся после пожара часть здания, расположенная на земельном участке К., не демонтирована, состоит из цокольного этажа.

Разрешая спор, суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о том, что поскольку жилой дом, который принадлежал сторонам на праве общей долевой собственности, сгорел, на земельном участке ответчика часть оставшегося дома демонтирована, то право собственности на этот объект следует считать прекратившимся.

При этом судебная коллегия указала, что в результате произведенного К. строительства жилого дома на земельном участке, правообладателем которого он является, фактически создан новый объект недвижимости, который в силу п. 1 ст. 222 ГК РФ является самовольной постройкой, доказательств, что указанное строение возведено с соблюдением строительных норм и правил, норм пожарной безопасности, не угрожает жизни и здоровью граждан, материалы дела не содержат, в связи с чем пришла к выводу о том, что не имеется оснований для удовлетворения исковых требований К. о признании права собственности на часть жилого дома, не завершено строительство, степень готовности 30%.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу данного федерального закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной этим федеральным законом. Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей.

Таким образом, право собственности К. на сохранившуюся после пожара часть жилого дома хоть и не было зарегистрировано, но являлось действительным,

и в соответствии со ст. 209 ГК РФ истцу принадлежало право на восстановление имущества, пострадавшего при пожаре.

Согласно п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

По смыслу приведенной правовой нормы, основанием прекращения права собственности на вещь являются в том числе гибель или уничтожение имущества, влекущие полную и безвозвратную утрату такого имущества.

При этом восстановление объекта не является созданием нового объекта, на который необходимо признание права собственности.

Как установлено судом, в результате произошедшего пожара сохранилась часть жилого дома, находившегося в общей долевой собственности истца и ответчика. Однако в нарушение требований ст. 198 ГК РФ данному обстоятельству суд оценку не дал.

Отказ собственника от права собственности является одним из оснований прекращения права собственности в соответствии с п. 1 ст. 235 ГК РФ.

Гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество (ст. 236 ГК РФ).

Совершение собственником действий по устранению от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на него влечет прекращение его права собственности на это имущество.

Судом установлено, что ответчиком построен отдельный жилой дом на принадлежащем ему земельном участке, каких-либо действий в отношении оставшейся после пожара части жилого дома им не осуществлялось и каких-либо притязаний в отношении этого объекта не заявлялось, ответчик в возражениях на иск исходил из отсутствия у него права собственности на оставшийся после пожара объект.

Однако судом не была дана правовая квалификация данных обстоятельств, не установлено, отказывался ли С. от принадлежащего ему права собственности на сохранившийся после пожара жилой дом, было ли его право собственности прекращено в установленном законом порядке.

Как разъяснено в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации N 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», положения ст. 222 ГК РФ не распространяются на отношения, связанные с созданием самовольно возведенных объектов, не являющихся недвижимым имуществом, а также на перепланировку, переустройство (переоборудование)

недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект недвижимости.

Лица, право собственности или законное владение которых нарушается сохранением таких объектов, могут обратиться в суд с иском об устранении нарушения права, не соединенного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ).

В случаях, когда самовольно возведенный объект, не являющийся новым объектом или недвижимым имуществом, создает угрозу жизни и здоровью граждан, заинтересованные лица вправе на основании п. 1 ст. 1065 ГК РФ обратиться в суд с иском о запрете деятельности по эксплуатации данного объекта.

При таких обстоятельствах суду надлежало установить, является ли строение, о признании права собственности на которое ставил вопрос К., восстановленным имуществом либо вновь созданным, соответствует ли данный объект требованиям, предъявляемым к нему законом.

Данное обстоятельство является существенным для правильного разрешения спора, поскольку при рассмотрении дела установлено, что на смежных земельных участках, принадлежащих истцу и ответчику, существуют два строения, расположение которых относительно друг друга не соответствует требованиям градостроительного законодательства и безопасности.

В силу диспозитивности гражданского законодательства возведение нового строения и последующее возникновение прав на него не должны умалять уже существующие права третьих лиц, добросовестно их реализовавших. Таким образом, разрешение вопроса о том, является ли строение, находящееся на земельном участке К., существовавшим до строительства дома, принадлежащего С., либо вновь созданным по отношению к нему, необходимо для правильного определения правоотношений сторон и законного разрешения возникшего между ними спора, от чего суд уклонился.

В случае возникновения вопросов, требующих наличия специальных знаний, суд на основании положений ст. 79 ГПК РФ мог назначить соответствующую экспертизу, чего также сделано не было.

Определение N 33-КГ16-12

Разрешение споров, связанных с заключением обеспечительных сделок

5. Если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет стоимости заложенного имущества погашаются прежде всего требования кредитора-залогодержателя.

Банк, С., П., О., В. обратились в суд с иском к Л.Л., Л. о признании наследниками, взыскании долгов наследодателя с наследников, взыскании задолженности по кредитным договорам и об обращении взыскания на заложенное имущество.

В обоснование исковых требований банк указал, что между Л.В. и банком были заключены кредитные договоры. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и Л.В. заключены также договоры залога недвижимого имущества,

согласно которым в залог банку переданы земельный участок и жилой дом.

Кроме того, в обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между банком и супругой заемщика Л. заключены договоры поручительства.

В связи со смертью Л.В. (заемщика) банк просил суд признать наследниками умершего его отца Л.Л. и супругу Л., солидарно взыскать с наследников задолженность по кредитным договорам, обратит взыскание на заложенное имущество (жилой дом и земельный участок) путем его продажи с публичных торгов, взыскать сумму оплаченной государственной пошлины.

С., П., О. и В. - третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, просили взыскать с ответчиков денежные средства по сделкам, заключенным с Л.В. и не исполненным им.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично. Наследником Л.В. признан его отец Л.Л. В пользу банка с Л.Л. взыскана задолженность по кредитному договору-1 в размере 1 242 005,41 руб. Также в пользу банка солидарно с Л.Л. и Л. взыскана задолженность по кредитному договору-2 в размере 1 242 465,92 руб. Обращено взыскание на заложенное имущество (земельный участок и жилой дом) путем его продажи с публичных торгов с начальной продажной стоимостью в 1 129 480 руб. для жилого дома и 2 246 954,40 руб. для земельного участка. С Л.Л. в пользу банка также взысканы расходы на уплату госпошлины в размере 14 311,81 руб., с Л. - в размере 10 311,18 руб.

С Л.Л. также взысканы денежные суммы: в пользу О. - в размере 2 45 914,31 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5659,14 руб.; в пользу П. - в размере 234 401,47 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 5544,02 руб.; в пользу С. - в размере 784 254,83 руб. и расходы на оплату государственной пошлины в размере 11 042,55 руб.; в пользу В. - в размере 856 094,94 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по кассационной жалобе представителя правления банка отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судом, 18 августа 2006 г. между Л.В. и банком заключен кредитный договор, по условиям которого Л.В. предоставлен кредит в размере 3 200 000 руб. сроком до 17 августа 2011 г. Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г.

22 июля 2008 г. между Л.В. и банком заключен кредитный договор, по условиям которого Л.В. предоставлен кредит в размере 2 800 000 руб. сроком до 22 июля 2013 г. Дополнительным соглашением к кредитному договору от 27 августа 2013 г. срок исполнения обязательств по возврату заемных денежных средств продлен до 23 июля 2016 г.

В обеспечение исполнения обязательств по заключенным кредитным договорам с заемщиком заключе-

ны договоры залога недвижимого имущества - земельного участка площадью 1444,30 кв. м и жилого дома общей площадью 76,60 кв. м, а с его супругой Л.И. - договоры поручительства.

В связи с ненадлежащим исполнением обязательств по возврату заемных денежных средств у Л.В. перед банком образовалась задолженность в сумме 4 933 486,63 руб.

16 марта 2014 г. Л.В. умер. В наследственную массу после его смерти вошло указанное выше недвижимое имущество, а также 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру.

С заявлением о принятии наследства обратился наследник первой очереди Л.Л. (отец наследодателя), которым было принято наследство умершего. Супруга Л.В. - Л. и его дочь с заявлением о принятии наследства не обращались.

В ходе разбирательства по делу судом была назначена судебная экспертиза по оценке принадлежащего Л.В. имущества.

Согласно заключению эксперта рыночная стоимость жилого дома составила 1 411 850 руб., земельного участка - 2 808 693 руб.

Рыночная стоимость доли в праве общей долевой собственности на квартиру была определена исходя из ее кадастровой стоимости и составила 384 593,86 руб.

Разрешая спор, суд исходил в том числе из того, что статус залогодателя не дает банку преимущества перед другими кредиторами наследодателя при определении размера денежных обязательств, удовлетворяемых за счет имущества наследника.

Между тем согласно п. 1 ст. 334 ГК РФ (здесь и далее статьи Гражданского кодекса Российской Федерации приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных отношений) в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом.

Залог земельных участков, предприятий, зданий, сооружений, квартир и другого недвижимого имущества (ипотека) регулируется законом об ипотеке. Общие правила о залоге, содержащиеся в Кодексе, применяются к ипотеке в случаях, когда Кодексом или законом об ипотеке не установлены иные правила (п. 2 ст. 334 ГК РФ).

Аналогичная норма о преимущественном праве удовлетворения требований залогового кредитора перед остальными кредиторами содержится в Федеральном законе от 16 июля 1998 г. N 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», п. 1 ст. 1 которого предусмотрено, что по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона - залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны - залогодателя преимущественно перед другими кредиторами залого-

дателя, за изъятиями, установленными федеральным законом.

Таким образом, если залогодатель является должником по двум или более обязательствам и не исполняет их, то за счет заложенного имущества удовлетворяются интересы прежде всего кредитора-залогодержателя.

Каких-либо исключений из этого правила положения части третьей «Наследственное право» Гражданского кодекса Российской Федерации не содержат.

Это судебными инстанциями учтено не было.

Как следует из материалов дела, одним из кредиторов наследодателя Л.В. является банк, заключивший с ним кредитные договоры, обязательства по которым к моменту смерти заемщика не были исполнены в полном объеме. В обеспечение исполнения обязательств по кредитным договорам между заемщиком и банком были заключены договоры залога недвижимого имущества.

Таким образом, банк, являясь залоговым кредитором, имел преимущественное право перед другими кредиторами на погашение всей имеющейся задолженности за счет залогового имущества - земельного участка и жилого дома.

Согласно п. 3 ст. 334 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, при недостаточности суммы, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество, для погашения требования залогодержатель вправе удовлетворить свое требование в непогашенной части за счет иного имущества должника, не пользуясь преимуществом, основанным на залоге.

В связи с этим, а также учитывая, что стоимость залогового имущества являлась недостаточной для погашения задолженности наследодателя Л.В. перед банком в полном объеме, суду следовало определить долю банка для удовлетворения оставшейся части его требований за счет иного имущества наследодателя - 1/9 доли в праве общей долевой собственности на квартиру наравне с другими кредиторами.

Указанные выше требования закона не были учтены судебными инстанциями при разрешении данного спора, что привело к нарушению прав и законных интересов заявителя.

Определение N 46-КГ16-20

Разрешение споров, возникающих в связи с реализацией права требования страхового возмещения владельцами транспортных средств

6. По договору ОСАГО страховщик обязан выплатить страховое возмещение собственнику поврежденного автомобиля независимо от того, снял ли данное транспортное средство с регистрационного учета его прежний владелец.

Ч. обратился в суд с иском к страховой организации, в которой была застрахована гражданская ответственность владельца транспортного средства З., о взыскании страхового возмещения в размере 105 234 руб., компенсации морального вреда в размере 20 000 руб., штрафа, судебных расходов. В обоснование Ч. указал на причинение ущерба его автомобилю

в результате дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине З.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, искивые требования Ч. оставлены без удовлетворения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления в кассационном порядке, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Согласно п. 1 ст. 931 ГК РФ по договору страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена.

В силу ст. 1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее - Закон об ОСАГО) договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств - это договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховую выплату) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Судом установлено, что 22 ноября 2014 г. в результате дорожно-транспортного происшествия с участием автомашины под управлением Ч. и автомашины под управлением З. автомобилю истца причинены механические повреждения. Виновной в этом дорожно-транспортном происшествии признана З.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из отсутствия доказательств права собственности Ч. на поврежденный автомобиль. При этом суд указал, что в паспорте транспортного средства в качестве собственника указана П., с регистрационного учета автомобиль не снят, а договор купли-продажи данного автомобиля от 19 ноября 2014 г., по условиям которого П. продала его Ч., не может являться доказательством, подтверждающим право собственности истца на данное транспортное средство. Указанные обстоятельства, по мнению суда, свидетельствуют об отсутствии у Ч. права на получение страховой выплаты на основании Закона об ОСАГО.

С выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Между тем судебными инстанциями не было учтено следующее.

Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществ-

ляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии с п. 2 ст. 218 ГК РФ право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества.

По общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 223 ГК РФ, моментом возникновения права собственности у приобретателя вещи по договору является момент ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором.

В случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом (п. 2 ст. 223 ГК РФ).

Государственной регистрации в силу п. 1 ст. 131 ГК РФ подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение.

К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) п. 1 ст. 130 ГК РФ относит земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания.

В п. 2 ст. 130 ГК РФ установлено, что вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законе.

Согласно п. 1 ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Транспортные средства не отнесены законом к объектам недвижимости, в связи с чем относятся к движимому имуществу.

Следовательно, при отчуждении транспортного средства действует общее правило относительно момента возникновения права собственности у приобретателя - момент передачи транспортного средства.

В соответствии с п. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» допуск транспортных средств, предназначенных для участия в дорожном движении на территории Российской Федерации, за исключением

транспортных средств, участвующих в международном движении или ввозимых на территорию Российской Федерации на срок не более шести месяцев, осуществляется согласно законодательству Российской Федерации путем регистрации транспортных средств и выдачи соответствующих документов.

Согласно п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. N 938 «О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации» собственники транспортных средств либо лица, от имени собственников владеющие, пользующиеся или распоряжающиеся на законных основаниях транспортными средствами, обязаны в установленном порядке зарегистрировать их или изменить регистрационные данные в Государственной инспекции, или военных автомобильных инспекциях (автомобильных службах), или органах гостехнадзора в течение срока действия регистрационного знака «Транзит» или в течение 10 суток после приобретения, выпуска в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством Российской Федерации о таможенном деле, снятия с учета транспортных средств, замены номерных агрегатов или возникновения иных обстоятельств, потребовавших изменения регистрационных данных.

Аналогичные положения также содержатся в п. 4 приказа МВД России от 24 ноября 2008 г. N 1001 «О порядке регистрации транспортных средств».

Приведенными выше законоположениями предусмотрена регистрация самих транспортных средств, обуславливающая допуск транспортных средств к участию в дорожном движении.

При этом регистрация транспортных средств носит учетный характер и не служит основанием для возникновения на них права собственности.

Гражданский кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы не содержат норм, ограничивающих правомочия собственника по распоряжению транспортным средством в случаях, когда это транспортное средство не снято им с регистрационного учета.

Отсутствуют в законодательстве и нормы о том, что у нового приобретателя транспортного средства по договору не возникает на него право собственности, если прежний собственник не снял его с регистрационного учета.

Однако это не было учтено судебными инстанциями при разрешении данного спора, в частности при рассмотрении вопроса о наличии у истца права собственности на поврежденное транспортное средство и права на получение страхового возмещения со страховой компании, в которой застрахована гражданская ответственность виновного в названном дорожно-транспортном происшествии.

Определение N 41-КГ16-25

7. Сумма страхового возмещения, излишне выплаченная страхователю, недобросовестно заявившему размер установленного ущерба в большем размере, подлежит возврату как неосновательное обогащение.

Страховая организация обратилась в суд с иском к О. о взыскании суммы неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами.

В обоснование исковых требований указала, что 12 августа 2013 г. между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства, принадлежащего О., на условиях КАСКО по риску «хищение», «ущерб».

Страховая сумма по договору составила 2 400 000 руб. 15 июля 2014 г. представитель О. обратился в страховую организацию с заявлением о наступлении страхового случая в виде повреждения автомобиля, который произошел 14 июля 2014 г. Однако в установленный срок страховое возмещение обществом выплачено не было.

В связи с этим О. обратилась в суд с требованием о взыскании страхового возмещения. Во время судебного разбирательства страховая организация произвела выплату страхового возмещения в размере 747 733 руб. на основании составленного по ее инициативе экспертного заключения о стоимости устранения повреждений автомобиля, а также заявила ходатайство о назначении судебной автотехнической экспертизы с целью установления реальной стоимости ремонта автомобиля с учетом повреждений, полученных 14 июля 2014 г. Согласно выводам эксперта стоимость восстановительного ремонта автомобиля составила 76 166 руб.

Решением суда по ранее рассмотренному делу О. отказано во взыскании суммы страхового возмещения в связи с тем, что выплаченное страховое возмещение, связанное со страховым случаем от 14 июля 2014 г., в размере 747 733 руб. значительно превышает стоимость восстановительного ремонта автомобиля, определенную судебной экспертизой.

Истец, полагая, что у ответчика возникло неосновательное обогащение, составляющее разницу между выплаченной суммой страхового возмещения в размере 747 733 руб. и суммой восстановительного ремонта, установленной экспертным заключением в размере 76 166 руб., просил суд взыскать сумму неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами, а также судебные издержки.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично: с О. в пользу общества взыскана сумма неосновательного обогащения в размере 671 566 руб., а также судебные издержки.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя исковые требования, руководствовался ст. 1102 ГК РФ и исходил из того, что страховой случай имел место 14 июля 2014 г., поэтому у общества в силу договора страхования возникло обязательство по выплате страхового возмещения в рамках данного страхового случая. Решением суда по другому делу установлен размер ущерба по указанному страховому случаю в сумме 76 166 руб. и именно в таком размере обязана возместить ущерб страховая компания. Обязанность выплатить сумму страхового возмещения, превышающую размер установленного ущерба, ни договором страхования, ни правилами страхования автотранспортных

средств не предусмотрена. В связи с этим ранее выплаченная сумма страхового возмещения, превышающая реальный ущерб, является неосновательным обогащением ответчика и подлежит взысканию с нее.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано.

Принимая новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд второй инстанции указал на то, что выплаченное страховой компанией по договору страхования от 12 августа 2013 г. страховое возмещение не может считаться неосновательным обогащением, поскольку его выплата была произведена в рамках договорных отношений. Одновременно судебная коллегия, ссылаясь на п. 4 ст. 1109 ГК РФ, пришла к выводу, что страховщик не мог не знать, что выплата страхового возмещения производится им при отсутствии обязательства, а потому сумма неосновательного обогащения не подлежала возврату.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязан возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного кодекса.

В силу ст. 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством.

Из названной нормы права следует, что неосновательным обогащением следует считать не то, что исполнено в силу обязательства, а лишь то, что получено стороной в связи с этим обязательством и явно выходит за рамки его содержания.

Согласно п. 4 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

По смыслу данной нормы, не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения денежная сумма, предоставленная во исполнение несуществующего обязательства.

В обжалуемом апелляционном определении судебная коллегия областного суда установила, что между сторонами был заключен договор добровольного страхования транспортного средства.

В связи с этим при наступлении страхового случая 14 июля 2014 г. у страховой организации возникло обязательство по выплате страхового возмещения, которое было исполнено путем перечисления на имя О. 747 733 руб. При этом, перечисляя страховое возмещение

в указанном размере, истец исходил из экспертного заключения, сделанного по заказу общества.

Впоследствии решением суда было установлено, что ответчику надлежало выплатить страховое возмещение в меньшем размере, а именно в сумме 76 166 руб., поскольку не все имевшиеся на машине повреждения были связаны со страховым случаем.

При таких обстоятельствах, когда обязанность по выплате страхового возмещения была исполнена в большем размере, чем было необходимо, излишне выплаченная сумма подлежала возврату как неосновательное обогащение, а положения п. 4 ст. 1109 ГК РФ были применены судом апелляционной инстанции необоснованно.

Как указала Судебная коллегия, суд первой инстанции правильно разрешил дело, надлежащим образом применил нормы материального права, каких-либо нарушений процессуальных норм им не допущено, в связи с чем решение суда первой инстанции признано законным и обоснованным.

Определение N 1-КГ16-23

Разрешение споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей

8. На граждан, использующих исключительно для личных бытовых нужд товар, который им был отчужден другими гражданами, распространяется законодательство о защите прав потребителей.

К. обратился в суд с иском к обществу (продавец) о замене автомобиля ненадлежащего качества на автомобиль этой же марки (модели, артикула) надлежащего качества, а при отсутствии такового - замене на автомобиль другой марки (модели, артикула) с перерасчетом покупной цены.

В обоснование заявленных требований К. указал, что 6 июня 2015 г. он приобрел у Р. автомобиль, который 30 ноября 2012 г. был продан ответчиком с установлением гарантийного срока продолжительностью 3 года. После приобретения автомобиля истец в пределах гарантийного срока неоднократно обращался в дилерский центр в связи с обнаружением в автомобиле недостатков, однако часть из них не устранена. В замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества ответчик К. отказал.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления, как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права, указав следующее.

Судом установлено, что 30 ноября 2012 г. между обществом (продавцом) и З. (покупателем) был заключен договор купли-продажи автомобиля, на который установлен гарантийный срок 3 года.

5 апреля 2014 г. З. продал данный автомобиль Р.

6 июня 2015 г. автомобиль был продан Р. истцу.

В период эксплуатации автомобиля К. неоднократно обращался в автосалон в целях устранения различных недостатков автомобиля.

28 сентября 2015 г. истец обратился к обществу (продавцу) с требованием о замене автомобиля на аналогичный товар надлежащего качества либо на товар другой марки (модели, артикула), однако ответ на указанное обращение К. получен не был.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что между истцом и ответчиком отсутствуют договорные правоотношения, в связи с чем К. не вправе предъявлять к обществу предусмотренные п. 1 ст. 18 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон о защите прав потребителей) требования.

Между тем в преамбуле Закона о защите прав потребителей установлено, что потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а продавцом - организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору купли-продажи.

Согласно разъяснению, содержащемуся в подп. «а» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», правами, предоставленными потребителю Законом о защите прав потребителей и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами, а также правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации пользуется не только гражданин, который имеет намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий товары (работы, услуги), но и гражданин, который использует приобретенные (заказанные) вследствие таких отношений товары (работы, услуги) на законном основании (наследник, а также лицо, которому вещь была отчуждена впоследствии, и т.п.). При этом следует иметь в виду предусмотренные Законом о защите прав потребителей случаи, когда ответственность продавца (исполнителя) возникает только перед гражданином, заключившим с ним договор (например, согласно п. 1 ст. 12 названного закона потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, вправе только тот потребитель, которому было отказано в предоставлении возможности незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, работе или услуге).

Следовательно, гражданин, на законном основании использующий товар исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, которому такой товар был отчужден другим гражданином, также пользуется правами потребителя, если законом не предусмотрено иное.

Как установлено судом, требования К. основаны на том, что переданный ответчиком автомобиль имеет существенные недостатки, препятствующие истцу использовать этот автомобиль по назначению.

Согласно п. 1 ст. 18 Закона о защите прав потребителей в случае обнаружения в технически сложном товаре недостатков по истечении пятнадцати дней со дня передачи такого товара потребителю его требования об отказе от исполнения договора купли-продажи и возврате уплаченной за товар суммы либо о его замене на товар этой же марки (модели, артикула) или на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены подлежат удовлетворению в случаях обнаружения существенного недостатка товара, нарушения установленных данным законом сроков устранения недостатков товара либо невозможности использования товара в течение каждого года гарантийного срока в совокупности более чем тридцать дней вследствие неоднократного устранения его различных недостатков.

Отказывая в иске, судебные инстанции доводы истца о наличии в автомобиле существенных недостатков не исследовали, основываясь только на ошибочном выводе об отсутствии у истца прав потребителя по отношению к ответчику.

Поскольку отказ в иске основан только лишь на приведенном выше ошибочном толковании судебными инстанциями положений Закона о защите прав потребителей, а остальные обстоятельства дела не исследовались, Судебная коллегия отменила состоявшиеся судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение N 24-КГ16-13

9. Обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена на застройщика.

М. обратилась в суд с иском к обществу о взыскании неустойки и отмене акта приема-передачи квартиры.

В обоснование заявленных требований М. указала, что 12 сентября 2012 г. заключила с ответчиком договор участия в долевом строительстве многоквартирного дома, по условиям которого ответчик обязался в четвертом квартале 2012 года окончить строительство этого дома и не позднее двух месяцев после ввода дома в эксплуатацию передать истцу в собственность квартиру, а истец обязался уплатить ответчику определенную денежную сумму. Истец свои обязательства по данному договору выполнила в полном объеме.

Многоквартирный дом был сдан в эксплуатацию 27 июня 2013 г., в то время как квартира должна была быть передана истцу по условиям договора не позднее 1 марта 2013 г.

Извещение о завершении строительства с предложением произвести осмотр квартиры и принять ее поступило от ответчика 17 августа 2013 г.

17 августа 2013 г. истцом и ответчиком подписан акт осмотра объекта долевого строительства, содержащий указания на ряд недостатков объекта долевого строительства (техническое отверстие в потолке, отсутствие горячей воды и др.). Указанным актом установлен срок устранения недостатков - до 10 сентября 2013 г. Кроме того, ответчик сообщил истцу об увеличении площади

квартиры на 0,6 кв. м и о необходимости в связи с этим произвести доплату обществу.

Между тем в сентябре 2013 года филиалом федерального бюро технической инвентаризации (далее - БТИ) произведены обмеры, которые показали, что площадь квартиры не превышает площадь, указанную в договоре долевого участия в строительстве, в связи с чем требования ответчика являлись неправомерными. 15 января 2014 г. ответчик направил истцу односторонний передаточный акт объекта долевого строительства, в котором указана общая площадь квартиры, превышающая фактическую площадь квартиры, с чем истец не согласилась.

С учетом изложенного М. просила взыскать с ответчика неустойку, рассчитав ее за период с 1 марта по 2 октября 2013 г., а также признать недействительным односторонний акт о передаче ей квартиры площадью 91,3 кв. м, исходя из которого следует ее обязанность произвести доплату.

Общество предъявило встречный иск к М. о взыскании задолженности в размере доплаты за увеличение площади объекта долевого строительства на 0,6 кв. м, ссылаясь на то, что такое увеличение подтверждается техническим паспортом, выданным БТИ 24 апреля 2013 г.

Решением суда исковые требования М. удовлетворены частично, с общества взысканы неустойка, расходы на оказание юридической помощи, штраф за нарушение прав потребителя, расходы на оплату экспертизы. Отменен односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 г. В удовлетворении встречного иска общества к М. отказано. С общества взыскана государственная пошлина.

Апелляционным определением решение суда отменено в части взыскания в пользу М. неустойки и штрафа за нарушение прав потребителя, а также в части отмены одностороннего акта приема-передачи объекта долевого строительства. В указанной части принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании неустойки и штрафа. Также постановлено абзац третий резолютивной части решения изложить в следующей редакции: «Признать односторонний акт приема-передачи объекта долевого строительства от 15 января 2014 года недействительным в части указания площади переданной квартиры». В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

В силу п. 1 ст. 453 ГК РФ при изменении договора обязательства сторон сохраняются в измененном виде.

В случае изменения или расторжения договора обязательства считаются измененными или прекращенными с момента заключения соглашения сторон об изменении или о расторжении договора, если иное не вытекает из соглашения или характера изменения договора, а при изменении или расторжении договора в судебном порядке - с момента вступления в закон-

ную силу решения суда об изменении или о расторжении договора (п. 3 ст. 453 ГК РФ).

Следовательно, по общему правилу, изменение договора влечет изменение соответствующих обязательств сторон лишь на будущее время и не освобождает стороны от ответственности за нарушение обязательств, возникших до такого изменения.

Согласно ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон N 214-ФЗ) в случае нарушения предусмотренного договором срока передачи участнику долевого строительства объекта долевого строительства застройщик уплачивает участнику долевого строительства неустойку (пени) в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства, от цены договора за каждый день просрочки. Если участником долевого строительства является гражданин, предусмотренная этой частью неустойка (пеня) уплачивается застройщиком в двойном размере.

В соответствии с ч. 3 ст. 6 названного выше закона в случае, если строительство (создание) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости не может быть завершено в предусмотренный договором срок, застройщик не позднее чем за два месяца до истечения указанного срока обязан направить участнику долевого строительства соответствующую информацию и предложение об изменении договора. Изменение предусмотренного договором срока передачи застройщиком объекта долевого строительства участнику долевого строительства осуществляется в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

По смыслу приведенной нормы закона, согласие на изменение договора в части переноса срока передачи объекта для участника долевого строительства является правом, а не обязанностью.

Как установлено судом, по условиям договора долевого участия в строительстве от 12 октября 2012 г., заключенного М. и обществом, завершение строительства многоквартирного дома планировалось в четвертом квартале 2012 года, а объект долевого строительства подлежал передаче истцу не позднее 1 марта 2013 г.

Поскольку к 1 марта 2013 г. объект долевого строительства не был передан истцу, то с указанной даты подлежала начислению и выплате неустойка.

Уведомление истца о нарушении срока строительства с предложением изменить договор произведено ответчиком с нарушением установленного законом срока - уже после нарушения сроков окончания строительства.

Дополнительное соглашение, которым изменен срок передачи истцу объекта долевого строительства, было заключено М. и обществом 1 июня 2013 г., то есть после истечения предусмотренного договором долевого участия в строительстве срока создания и передачи квартиры, с которым закон связывает начало начисления неустойки.

При этом указанное дополнительное соглашение не содержит условий об освобождении общества от исполнения возникшего до его заключения обязательства по уплате М. неустойки.

При таких обстоятельствах основания для освобождения общества от обязательства по уплате неустойки за нарушение срока передачи объекта долевого строительства истцу за период с 1 марта до 1 июня 2013 г. отсутствовали.

В соответствии с п. 4 ст. 12 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее - Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) освобождается от ответственности за неисполнение обязательств или за ненадлежащее исполнение обязательств, если докажет, что неисполнение обязательств или их ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы, а также по иным основаниям, предусмотренным законом.

Согласно разъяснению, содержащемуся в абзаце первом п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23.1, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ).

Следовательно, освобождение застройщика от ответственности за неисполнение обязательств перед участником долевого строительства по основаниям, предусмотренным законом, допускается судом только в том случае, если наличие таких оснований доказано застройщиком.

В силу ч. 6 ст. 8 Закона N 214-ФЗ, если иное не установлено договором, при уклонении участника долевого строительства от принятия объекта долевого строительства в установленный срок или при отказе участника долевого строительства от принятия объекта долевого строительства (за исключением случая, когда составлен акт, в котором указывается несоответствие объекта долевого строительства установленным требованиям) застройщик по истечении двух месяцев со дня, предусмотренного договором для передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства, вправе составить односторонний акт или иной документ о передаче объекта долевого строительства (за исключением случая досрочной передачи объекта долевого строительства). Указанные меры могут применяться только в случае, если застройщик обладает сведениями о получении участником долевого строительства сообщения о завершении строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости в соответствии с договором и о готовности объекта

долевого строительства к передаче либо оператором почтовой связи заказное письмо возвращено с сообщением об отказе участника долевого строительства от его получения или в связи с отсутствием участника долевого строительства по указанному им почтовому адресу.

По смыслу приведенной нормы, право застройщика составить односторонний акт о передаче объекта долевого строительства возникает в случае неправомерного отказа или уклонения участника долевого строительства от принятия объекта.

Между тем вопрос о том, имело ли место неправомерное уклонение истца от подписания передаточного акта, не был поставлен на обсуждение судом апелляционной инстанции.

Судом апелляционной инстанции не учтено, что предложение осмотреть и принять квартиру поступило истцу от ответчика 17 августа 2013 г. В этот же день объект долевого строительства был осмотрен истцом, о чем был составлен акт осмотра, содержащий указания на недостатки квартиры, в частности на наличие технического отверстия в потолке, на отсутствие горячей воды и счетчиков на воду и т.д.

Сведения об устранении ответчиком указанных недостатков, а также о том, что после такого устранения ответчик предложил истцу принять приведенный в надлежащее состояние объект долевого участия в строительстве, в материалах дела отсутствуют.

Кроме того, принятие квартиры застройщиком неправомерно было обусловлено подписанием акта, в котором указана площадь квартиры, превышающая фактическую, а также уплатой денежной суммы за не существующее в действительности превышение проектной площади.

Факт завышения ответчиком площади квартиры в одностороннем акте судом апелляционной инстанции установлен.

Согласно п. 1 ст. 10 Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора. По отдельным видам товаров (работ, услуг) перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Таким образом, обязанность обеспечить достоверное указание площади объекта долевого строительства возложена на застройщика.

Оценивая поведение истца как недобросовестное, суд апелляционной инстанции не учел, что отказ принять квартиру и подписать акт приема-передачи был вызван нарушениями и недобросовестным поведением со стороны ответчика, в частности недостатками, обнаруженными при осмотре квартиры, завышением в документах площади построенной квартиры, неправомерными требованиями об оплате несуществующей площади.

Кроме того, апелляционное определение содержит противоречивые выводы. Так, в резолютивной части определения содержится указание об отмене решения суда в части, в том числе в части отмены односторон-

него акта приема-передачи объекта долевого строительства.

Далее говорится о принятии нового решения в этой части - об отказе в иске, затем - об изложении абзаца третьего резолютивной части решения - об отмене одностороннего акта приема-передачи - в иной редакции, то есть фактически об изменении решения в той части, в которой постановлено его отменить.

Определение N 4-КГ16-37

Разрешение споров, возникающих в связи с отнесением имущества к общему имуществу супругов

10. На имущество, приобретенное в период брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, режим общей совместной собственности супругов не распространяется.

У. обратился в суд с иском к П. о разделе совместно нажитого имущества, ссылаясь на то, что состоял в браке с П. В период брака по договору купли-продажи супругами в совместную собственность приобретена квартира. Поскольку брачный договор между сторонами не заключался, соглашение о разделе совместно нажитого имущества не достигнуто, У. просил произвести раздел квартиры между ним и П. и признать за ним право собственности на 1/2 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру.

Ответчик П. искивные требования не признала, просила признать за истцом право собственности на 1/15 доли в праве общей долевой собственности на спорную квартиру, а за ней - право собственности на 14/15 доли, учитывая приобретение квартиры на личные средства ответчика в сумме 1 750 000 руб.

Судом установлено, что с 23 декабря 2010 г. У. состоял с П. в браке.

В период брака на основании договора купли-продажи от 11 февраля 2011 г. супругами приобретена квартира, право совместной собственности на которую зарегистрировано за ними 10 марта 2011 г.

Цена приобретенной квартиры составила 1 995 000 руб.

Как было установлено в ходе рассмотрения дела и сторонами не оспаривалось, часть денежных средств в размере 1 750 000 руб., потраченных на приобретение указанной квартиры, была получена П. в дар от П.Л. (матери П.) по договору дарения от 11 февраля 2011 г.

Данная сумма выручена матерью П. от продажи принадлежавшей ей на праве собственности квартиры.

Все названные выше сделки были совершены в один день - 11 февраля 2011 г.

Брак между У. и П. расторгнут 9 октября 2014 г.

Раздел имущества супругов после расторжения брака между сторонами не производился.

Разрешая спор и удовлетворяя искивные требования о разделе спорной квартиры между супругами в равных долях, суд первой инстанции исходил из того, что между сторонами было достигнуто соглашение о приобретении квартиры в общую совместную собственность и поскольку полученные в дар денежные средства были внесены П. по ее усмотрению на общие нужды супругов - покупку квартиры, то на данное

имущество распространяется режим совместной собственности супругов.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы судов сделаны с нарушением норм материального права.

В соответствии со ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В соответствии с п. 1 ст. 36 СК РФ имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью.

Как установлено судом, источником приобретения спорной квартиры являлись средства, полученные П. по безвозмездной сделке, а также частично совместно нажитые средства супругов.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абзаце четвертом п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. N 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», не является общим совместным имуществом, приобретенное хотя и во время брака, но на личные средства одного из супругов, принадлежавшие ему до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования, за исключением драгоценностей и других предметов роскоши.

Из приведенных выше положений следует, что юридически значимым обстоятельством при решении вопроса об отнесении имущества к общей собственности супругов является то, на какие средства (личные или общие) и по каким сделкам (возмездным или безвозмездным) приобреталось имущество одним из супругов во время брака. Имущество, приобретенное одним из супругов в браке по безвозмездным гражданско-правовым сделкам (например, в порядке наследования, дарения, приватизации), не является общим имуществом супругов. Приобретение имущества в пе-

риод брака, но на средства, принадлежавшие одному из супругов лично, также исключает такое имущество из режима общей совместной собственности.

Вместе с тем судом такое юридически значимое обстоятельство, как использование для приобретения спорной квартиры средств, принадлежавших лично П., ошибочно было оставлено без внимания.

Делая вывод о том, что спорная квартира относится к совместно нажитому имуществу супругов, суд исходил из отсутствия в договоре о ее покупке условий о распределении долей в квартире.

При этом суд не учел, что полученные П. в дар денежные средства в размере 1 750 000 руб. и потраченные на покупку квартиры являлись личной собственностью П., поскольку совместно в период брака с истцом не приобретались и не являлись общим доходом супругов.

Внесение этих средств для покупки квартиры не меняет их природы личного имущества П.

Таким образом, доли сторон в праве собственности на квартиру подлежали определению пропорционально вложенным личным денежным средствам ответчика и совместным средствам сторон.

Это судебными инстанциями учтено не было и повлекло за собой вынесение незаконных судебных постановлений.

Определение N 45-КГ16-16

Разрешение споров, связанных с жилищными отношениями

11. На реконструкцию помещения, влекущую уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, в том числе и земельного участка, на котором расположен этот дом, требуется согласие всех собственников помещений многоквартирного дома.

А. обратилась в суд с иском к В. и местной администрации о признании постановления администрации и разрешения на строительство недействительными, прекращении строительства, приведении земельного участка в состояние, предшествующее началу выполнения работ.

В обоснование заявленных требований А. ссылалась на то, что она является собственником жилого помещения в многоквартирном доме. Ответчик В. перевел принадлежащую ему на праве собственности квартиру, расположенную в том же многоквартирном доме, что и квартира истца, в нежилое помещение. Местная администрация (ответчик) выдала В. разрешение на реконструкцию указанного нежилого помещения со строительством пристройки под парикмахерскую. Истцом согласия на проведение такой реконструкции и строительство пристройки не давалось.

Судом установлено, что 26 ноября 2003 г. спорный земельный участок под многоквартирным домом поставлен на государственной кадастровый учет.

27 октября 2009 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности В. на квартиру, расположенную в указанном доме.

Постановлением местной администрации от 1 июня 2010 г. ответчику предоставлено разрешение на услов-

но разрешенный вид использования (пристроенные к жилым многоквартирным домам объекты общественного питания, торговли, обслуживания населения общей площадью до 1000 кв. м) земельного участка площадью 4408 кв. м, расположенного по тому же адресу.

5 декабря 2011 г. в ЕГРП зарегистрировано право собственности А. на квартиру, расположенную в указанном многоквартирном доме.

Согласно протоколу от 25 ноября 2013 г. внеочередного общего собрания собственников помещений многоквартирного дома 74,6 % из них дали согласие на реконструкцию принадлежащей В. квартиры под парикмахерскую со строительством пристройки и входного узла.

Постановлением местной администрации от 29 августа 2014 г. помещения принадлежащей ответчику квартиры переведены в нежилые помещения с целью реконструкции в парикмахерскую с последующей выдачей ему разрешений на такую реконструкцию и на строительство пристройки.

Решением районного суда иски требования удовлетворены частично. Разрешение на строительство, выданное В. местной администрацией, признано недействительным, на В. возложена обязанность в течение трех месяцев со дня вступления решения суда в законную силу снести пристройку и восстановить (рекультивировать) территорию, на которой осуществлялось строительство.

Частично удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции исходил из того, что возводимая ответчиком пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка, являющегося общим имуществом собственников помещений многоквартирного дома, а проектом реконструкции также предусматривается вырез подоконной части наружной стены до отметки пола, что свидетельствует об уменьшении общего имущества собственников помещений многоквартирного дома и требует получения согласия каждого из них. Между тем такое согласие В. получено не было.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции сослался на то, что разрешения на проведение реконструкции принадлежащего В. нежилого помещения были получены им в установленном законом порядке. Суд также указал, что реконструкция данного помещения не требует присоединения к нему части общего имущества в многоквартирном доме, а занятие части придомовой территории является использованием земельного участка, находящегося в общей долевой собственности, в связи с чем для такого использования необходимо принятие решения общим собранием собственников помещений многоквартирного дома большинством не менее 2/3 голосов. Такое согласие В. было получено.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты. Границы и размер земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, определяются в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности.

В соответствии с ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. N 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее - Вводный закон) с момента формирования земельного участка и проведения его государственного кадастрового учета земельный участок, на котором расположены многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, переходит бесплатно в общую долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 66 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации N 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», если земельный участок под многоквартирным домом был сформирован до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации и в отношении его проведен государственный кадастровый учет, право общей долевой собственности на него у собственников помещений в многоквартирном доме считается возникшим в силу закона с момента введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 16 Вводного закона). В силу чч. 2 и 5 ст. 16 Вводного закона земельный участок под многоквартирным домом переходит в общую долевую собственность собственников помещений в таком доме бесплатно. Каких-либо актов органов власти о возникновении права общей долевой собственности у собственников помещений в многоквартирном доме не требуется.

Как установлено судом, возводимая ответчиком пристройка к принадлежащему ему нежилому помещению занимает часть земельного участка под многоквартирным домом, который был сформирован и в отношении которого был произведен кадастровый учет в 2003 году, то есть до введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации, а потому указанный земельный участок находится в общей долевой собственности собственников помещений данного дома.

Таким образом, осуществляемая В. реконструкция влечет фактическое уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме, а именно земельного участка, на котором расположен этот дом.

Согласно ч. 3 ст. 36 ЖК РФ уменьшение размера общего имущества в многоквартирном доме возможно только с согласия всех собственников помещений в данном доме путем его реконструкции.

Если реконструкция, переустройство и (или) перепланировка помещений невозможны без присоединения к ним части общего имущества в многоквартирном доме, на такие реконструкцию, переустройство и (или) перепланировку помещений должно быть получено согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 40 ЖК РФ).

Приведенные правовые нормы свидетельствуют о том, что согласие всех собственников помещений многоквартирного дома требуется на осуществление любой реконструкции, фактически влекущей уменьшение размера общего имущества многоквартирного дома.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что производимая В. реконструкция нежилого помещения не требует получения согласия всех жильцов многоквартирного дома, признан Судебной коллегией основанным на неверном применении норм материального права.

Определение N 83-КГ16-10

12. Приобретение нанимателем служебного жилого помещения или членами его семьи другого жилого помещения в собственность не является основанием для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения.

Администрация муниципального района обратилась в суд с иском к Р.А., Р.О., Р.Д. и Р.Ю. о расторжении договора найма служебного жилого помещения, выселении из служебного жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, снятии с регистрационного учета.

В обоснование своих требований истец указал, что на основании договора найма жилого помещения от 1 февраля 2008 г. администрацией муниципального района Р.А. было предоставлено служебное жилое помещение, находящееся в муниципальной собственности. Данное жилое помещение предоставлено на период трудовых отношений Р.А. с муниципальным учреждением здравоохранения.

14 мая 2013 г. семье Р. была предоставлена социальная выплата на приобретение жилого помещения в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011 - 2015 годы. С использованием ипотечного кредита семья Р. приобрела в долевую собственность двухкомнатную квартиру.

В связи с приобретением в собственность другого жилья в адрес ответчиков истцом 3 марта 2015 г. было направлено требование об освобождении служебного жилого помещения в течение 14 календарных дней с момента получения уведомления, но семья Р. отказалась добровольно освободить служебное жилое помещение и продолжает в нем проживать до настоящего времени.

По мнению истца, поскольку спорное жилое помещение включено в число служебных, а ответчики приобрели в собственность другое жилое помещение, то законных оснований для сохранения за ними права пользования служебным жилым помещением не имеется и они подлежат выселению из него.

Ответчики иск не признали, сославшись на то, что до настоящего времени Р.А. состоит в трудовых отношениях с муниципальным учреждением здравоохранения и оснований для расторжения договора найма служебного жилого помещения с ним не имеется. Приобретение в собственность другого жилого помещения в другом населенном пункте таким основанием, по мнению ответчиков, не является.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что спорное жилое помещение имеет статус служебного, было предоставлено Р.А. на период трудовых отношений с муниципальным учреждением здравоохранения, с которым Р.А. состоит в трудовых отношениях по настоящее время, в связи с чем правовых оснований для расторжения с ним договора найма служебного жилого помещения не имеется.

При этом суд указал на то, что действующее жилищное законодательство не содержит такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда было отменено и вынесено новое решение о выселении ответчиков Р.А., Р.О. и их несовершеннолетних детей Р.Ю. и Р.Д. из специализированного (служебного) жилого помещения без предоставления другого жилого помещения.

Отменяя решение суда первой инстанции, судебная коллегия исходила из того, что приобретение в собственность иного жилого помещения является безусловным основанием для расторжения договора найма служебного жилого помещения в связи с утратой нуждаемости работника в жилом помещении.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Право на жилище относится к основным правам и свободам человека и гражданина и гарантируется ст. 40 Конституции Российской Федерации. При этом никто не может быть произвольно лишен жилища.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В связи с этим основания и порядок выселения граждан из жилого помещения должны определяться федеральным законом и только на их основании суд может лишить гражданина права на жилище.

Расторжение договора найма специализированного жилого помещения по инициативе наймодателя регламентирует ст. 101 ЖК РФ, в силу которой договор найма специализированного жилого помещения может быть расторгнут в судебном порядке по требованию наймодателя при неисполнении нанимателем и проживающими совместно с ним членами его семьи

обязательств по договору найма специализированного жилого помещения, а также в иных предусмотренных ст. 83 ЖК РФ случаях.

Прекращение договора найма специализированного жилого помещения предусмотрено ст. 102 ЖК РФ, согласно которой названный договор прекращается в связи с утратой (разрушением) жилого помещения, переходом права собственности на жилое помещение в общежитии либо его передачей в хозяйственное ведение или оперативное управление другому юридическому лицу за исключением случаев, установленных указанной статьей.

Последствиями расторжения и прекращения договора найма жилого помещения, в том числе специализированного, могут являться утрата нанимателем и всеми членами его семьи одновременно права пользования жилым помещением и возможность их выселения из жилого помещения.

В связи с этим ст. 103 ЖК РФ предусмотрено, что в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам.

В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 указанной статьи.

Между тем ни ст. 101 и 102 ЖК РФ, ни ч. 4 ст. 83 ЖК РФ не содержат такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность.

Ссылка суда апелляционной инстанции на иные положения ст. 83 ЖК РФ также является неправильной.

Положениями чч. 2 и 3 ст. 83 ЖК РФ, которые подлежат применению и к отношениям по пользованию специализированным жилым помещением, установлено право нанимателя и членов его семьи на одностороннее расторжение договора социального найма, то есть на односторонний отказ от исполнения договора.

В случае выезда кого-либо из участников договора социального найма жилого помещения в другое место жительства и тем самым отказа в одностороннем порядке от исполнения названного договора этот договор в отношении его считается расторгнутым со дня выезда.

В связи с этим юридически значимыми и подлежащими доказыванию при разрешении данного спора должны были являться факты добровольного и фактического выезда ответчиков из служебного жилого помещения в другое место жительства, отказ от прав и обязанностей в отношении указанного помещения.

Однако таких обстоятельств судом по данному делу установлено не было, а из материалов дела следует, что семья Р. на момент вынесения обжалуемого апелляционного определения продолжала проживать в указанном служебном жилом помещении и оплачивать коммунальные и иные обязательные платежи, связанные с проживанием в нем.

Факт приобретения Р. в собственность иного жилого помещения в другом населенном пункте сам по себе не может свидетельствовать ни о выбытии ответчиков из ранее занимаемого жилого помещения, ни об их отказе от прав на это жилое помещение. Приобретение другого жилого помещения в собственность нанимателем по договору найма специализированного жилого помещения не имеет абсолютного значения и должно оцениваться судом с учетом других доказательств, свидетельствующих о намерении лица выехать в другое место жительства.

Запрет на предоставление специализированного жилого помещения гражданам, которые обеспечены жилым помещением в соответствующем населенном пункте (ч. 2 ст. 99 ЖК РФ), не означает запрета на пользование таким жилым помещением, если впоследствии у нанимателя или членов его семьи, которым оно было предоставлено, окажется в собственности другое жилое помещение по основаниям, допускаемым законом.

С учетом изложенного оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение N 3-КГ16-2

13. Действие договора найма служебного жилого помещения не прекращается автоматически в момент увольнения работника.

В силу этого оснований для применения к отношениям по выселению из занимаемого служебного жилого помещения срока исковой давности, исчисляемого с даты увольнения работника, не имеется.

Прокурор обратился в суд с заявлением в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц к Ш.В., Ш.Л., Ш.Д. о выселении из служебного жилого помещения. В обоснование иска прокурор указал, что 7 июня 2010 г. с Ш.В. на период его работы в квартирно-эксплуатационной части Минобороны России (далее - КЭЧ) заключен договор найма служебного жилого помещения. Квартира предоставлена на состав семьи из трех человек, включая Ш.В., его жену и дочь. 25 октября 2010 г. Ш.В. уволен из КЭЧ по собственному желанию, однако предоставленное служебное жилое помещение Ш.В. и члены его семьи не освободили.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований прокурора, суд первой инстанции по заявлению ответчика применил к спорным правоотношениям срок исковой давности. При этом суд исходил из того, что трехлетний срок исковой давности для предъявления требований о выселении ответчиков из служебного жилого помещения исчисляется со дня увольнения Ш.В. - 25 октября 2010 г. - и на момент обращения прокурора в суд с заявлением является пропущенным.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные акты, указала на ошибочность выводов судов.

Как установлено судом, на момент рассмотрения дела в суде спорная двухкомнатная квартира, закрепленная за Министерством обороны Российской Федерации, находилась на балансе ФГКУ «Дальневосточное территориальное управление имущественных отношений». До 2011 года указанное жилое помещение находилось на балансе КЭЧ.

С 20 ноября 2007 г. по 25 октября 2010 г. Ш.В. состоял в трудовых отношениях с КЭЧ.

7 июня 2010 г. между КЭЧ и Ш.В. на период его работы в КЭЧ заключен договор найма служебного жилого помещения. Данное жилое помещение предоставлено на состав семьи из трех человек.

Приказом начальника КЭЧ от 25 октября 2010 г. Ш.В. уволен из КЭЧ по собственному желанию.

Как следует из поквартирной карточки и выписки из финансово-лицевого счета, ответчики проживают в спорном служебном жилом помещении.

Заявление прокурором подано в суд в мае 2015 года. 8 соответствии со ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Общий срок исковой давности в соответствии с п. 1 ст. 196 ГК РФ составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 названного кодекса.

Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Применяя по заявлению ответчика исковую давность, суд исходил из того, что права собственника жилого помещения являются нарушенными со дня прекращения трудовых отношений Ш.В. с КЭЧ, поскольку с указанного момента договор найма служебного жилья считается прекращенным, а у наймодателя возникает право требовать выселения ответчика и членов его семьи из незаконно занимаемой квартиры.

Между тем данный вывод суда не основан на законе.

В соответствии с ч. 3 ст. 104 ЖК РФ договор найма служебного жилого помещения заключается на период трудовых отношений, прохождения службы либо нахождения на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности. Прекращение трудовых отношений либо пребывания на государственной должности Российской Федерации, государственной должности субъекта Российской Федерации или на выборной должности, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения.

Согласно ч. 1 ст. 103 ЖК РФ в случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам. В случае отказа освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 102 и ч. 2 ст. 103 данного кодекса.

По смыслу приведенных выше норм права, прекращение трудовых отношений с работодателем, пре-

доставившим жилое помещение, служит лишь основанием для прекращения договора найма служебного жилого помещения, но не влечет за собой автоматическое прекращение договора в момент увольнения сотрудника. Договор найма служебного жилого помещения сохраняет свое действие вплоть до его добровольного освобождения нанимателем, при отказе от которого гражданин подлежит выселению в судебном порядке с прекращением прав и обязанностей в отношении занимаемого жилья.

С учетом того, что возникшие между сторонами правоотношения, регулируемые нормами жилищного законодательства, носят длящийся характер, а договор найма служебного жилого помещения, на основании которого Ш.В. совместно с членами семьи продолжает занимать жилое помещение, не прекратил своего действия, оснований для исчисления срока исковой давности с даты увольнения Ш.В. из КЭЧ, а равно и применения исковой давности в рассматриваемом споре у суда не имелось.

Поскольку в связи с принятием решения об отказе в удовлетворении заявления прокурора исключительно по мотиву пропуска срока исковой давности фактические обстоятельства дела судом первой инстанции не исследовались и не устанавливались, Судебная коллегия направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение N 56-КГ16-8

14. Вынужденный выезд в несовершеннолетнем возрасте из жилого помещения, в которое данное лицо было вселено по договору социального найма, не является основанием признания такого лица утратившим право пользования данным жилым помещением по достижении им совершеннолетнего возраста.

Б. обратился в суд с иском к С.И. о признании утратившей право пользования жилым помещением со снятием с регистрационного учета.

В обоснование иска Б. указал, что в 2011 году после смерти его дяди С.Б., являвшегося нанимателем спорного жилого помещения, к истцу перешли права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма. Кроме истца в жилом доме с 2000 года по месту жительства зарегистрирована С.И., 1996 года рождения, которая не является членом семьи истца. С.И. является дочерью С.Б. и была вселена в спорный жилой дом по месту жительства ее родителей. В 2003 году мать С.И. добровольно выехала из жилого помещения в другое место жительства, забрав с собой несовершеннолетнюю дочь, и с указанного времени не участвовала в расходах на содержание жилого помещения и оплату коммунальных услуг. По мнению истца, С.И. утратила право пользования спорным жилым помещением, ее регистрация носит формальный характер.

С.И. обратилась в суд со встречным иском заявлением к Б. о вселении в указанное жилое помещение, об устранении препятствий и определении порядка пользования жилым помещением, ссылаясь на то, что ее отсутствие в жилом помещении носит вынужденный характер в связи с конфликтными отношениями

с Б. и созданием с его стороны препятствий в пользовании жилым помещением. Намерений отказаться от права пользования жилым помещением С.И. не имеет, после достижения совершеннолетия предпринимала попытки вселиться в жилой дом, оплачивает коммунальные услуги.

Решением суда в удовлетворении иска Б. отказано, встречный иск С.И. удовлетворен частично, на Б. возложена обязанность не чинить С.И. препятствий в пользовании спорным жилым помещением, в удовлетворении остальной части встречного иска отказано.

Разрешая спор, суд первой инстанции исходил из того, что С.И. приобрела равное с нанимателем право пользования спорным жилым помещением, которое было определено ей в качестве места жительства соглашением родителей. Суд указал, что выезд С.И. из жилого помещения не может быть признан добровольным, так как в силу возраста она была лишена возможности самостоятельно реализовать свое право на проживание в нем, а после достижения ответчиком совершеннолетия жилой дом находился в состоянии, непригодном для проживания, отсутствовал доступ в жилое помещение, что свидетельствует о временном и вынужденном отсутствии ответчика в жилом доме.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об удовлетворении исковых требований Б. и об отказе в удовлетворении встречного иска С.И., суд апелляционной инстанции исходил из того, что местом жительства С.И. являлось место жительства ее матери, выехавшей вместе с несовершеннолетней дочерью из спорного жилого помещения, непроживание ответчика в жилом помещении носит постоянный характер, С.И. добровольно отказалась от своих прав и обязанностей по договору социального найма.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судом, между муниципальным образованием (наймодатель) и С.Б. (наниматель) 1 февраля 2011 г. заключен договор социального найма жилого помещения общей площадью 37,5 кв. м.

Согласно договору совместно с нанимателем в качестве членов его семьи в жилое помещение вселены его дочь С.И. и племянник Б.

С.Б. был зарегистрирован по месту жительства в спорном жилом доме с 8 сентября 1994 г.

Регистрация несовершеннолетней С.И. в указанном жилом помещении была произведена 24 января 2000 г. по месту жительства ее родителей - С.Б. и С.Н.

Вступившим в законную силу решением районного суда от 26 июля 2010 г. С.Н. признана утратившей право пользования спорным жилым помещением в связи с выездом в другое место жительства.

Решением районного суда от 13 декабря 2010 г., вступившим в законную силу, С.Б. отказано в удовлетворении требований о признании несовершеннолетней С.И. утратившей право пользования спорным жилым домом. В рамках данного дела суд установил, что выезд С.И. из жилого помещения носил вынужденный характер.

После смерти С.Б. (6 мая 2011 г.) права и обязанности нанимателя жилого помещения по договору социального найма перешли к Б.

На момент рассмотрения дела в суде в жилом помещении зарегистрированы по месту жительства с 24 января 2000 г. С.И., с 22 марта 2011 г. - Б., которые указаны в качестве членов семьи нанимателя в заключенном 1 февраля 2011 г. договоре социального найма жилого помещения, при этом С.И. в доме не проживает.

Согласно ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в случае выезда нанимателя и членов его семьи в другое место жительства договор социального найма жилого помещения считается расторгнутым со дня выезда.

Временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма, кого-либо из проживающих совместно с ним членов его семьи или всех этих граждан не влечет за собой изменение их прав и обязанностей по договору социального найма (ст. 71 ЖК РФ).

Указанные положения закона подлежат применению с учетом разъяснений, содержащихся в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», согласно которым, разрешая споры о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения утратившими право пользования жилым помещением по договору социального найма вследствие их постоянного отсутствия в жилом помещении по причине выезда из него, судам надлежит выяснять: по какой причине и как долго ответчик отсутствует в жилом помещении, носит ли его выезд из жилого помещения вынужденный характер (конфликтные отношения в семье, расторжение брака) или добровольный, временный (работа, обучение, лечение и т.п.) или постоянный (вывез свои вещи, переехал в другой населенный пункт, вступил в новый брак и проживает с новой семьей в другом жилом помещении и т.п.), не чинились ли ему препятствия в пользовании жилым помещением со стороны других лиц, проживающих в нем, приобрел ли ответчик право пользования другим жилым помещением в новом месте жительства, исполняет ли он обязанности по договору по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и др.

При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о добровольном выезде ответчика из жилого помещения в другое место жительства и об отсутствии препятствий в пользовании жилым помещением, а также о его отказе в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, иск о признании его утратившим право на жилое помещение подлежит удовлетворению на основании ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в связи с расторжением ответчиком в отношении себя договора социального найма.

Между тем приведенных обстоятельств, свидетельствующих об отказе ответчика в одностороннем порядке от прав и обязанностей по договору социального найма, судом первой инстанции установлено не было.

В силу п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или

граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей - родителей, усыновителей или опекунов.

В соответствии с положениями ст. 69 ЖК РФ члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма имеют равные с нанимателем права и обязанности (ч. 2). Члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма должны быть указаны в договоре социального найма жилого помещения (ч. 3).

По смыслу указанных норм права, несовершеннолетние дети приобретают право на жилую площадь, определяемую им в качестве места жительства соглашением родителей, форма которого законом не установлена. Заключение такого соглашения, одним из доказательств которого является регистрация ребенка в жилом помещении, выступает предпосылкой приобретения ребенком права пользования конкретным жилым помещением, возникающего независимо от факта вселения ребенка в такое жилое помещение, в силу того, что несовершеннолетние дети не имеют возможности самостоятельно реализовать право на вселение.

Как установлено судом первой инстанции, С.И. в несовершеннолетнем возрасте была зарегистрирована в жилом доме по месту жительства своим отцом, вместе с родителями была вселена в него в 2000 году, проживала в нем, в 2003 году совместно с матерью выехала из дома в период, когда С.И. была несовершеннолетней и не имела возможности самостоятельно осуществлять свои права по пользованию жилым помещением.

Само по себе проживание С.И. совместно с матерью в жилом помещении, не являющемся местом жительства, которое было определено ребенку соглашением родителей, не может служить основанием для признания С.И. утратившей право пользования спорным жилым помещением.

Судом первой инстанции установлено и не опровергнуто судом апелляционной инстанции то, что от права пользования жилым помещением после наступления совершеннолетия С.И. не отказывалась, несла расходы по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, а также то, что имелись препятствия в пользовании жилым помещением.

Однако данные обстоятельства, исходя из подлежащих применению к отношениям сторон приведенных выше норм материального права, не получили должной правовой оценки суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что суд первой инстанции правильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, и дал толкование норм материального права, подлежащих применению к отношениям сторон, на основании чего, учитывая наличие в материалах дела сведений о конфликтных отношениях между истцом и ответчиком, чинении ответчику препятствий в пользовании жилым помещением, невозможности пользоваться им, несении С.И. расходов по содержанию жилого помещения и оплате коммунальных услуг, пришел к правомерному выводу о временном и вынужденном характере ее отсутствия в жилом помещении.

При таких обстоятельствах оснований для отмены решения суда первой инстанции у суда апелляционной инстанции не имелось.

Определение N 74-КГ16-30

Разрешение споров, связанных с трудовыми и пенсионными отношениями

15. Работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, средний месячный заработок в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения сохраняется при наличии совокупности условий: факта обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, нетрудоустройства этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличия исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного.

Общество обратилось в суд с заявлением к органу государственной службы занятости населения (далее - центр занятости населения) о признании незаконными и подлежащими отмене решений о сохранении за Н. среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня его увольнения.

В обоснование заявленных требований общество указало, что Н. состоял в трудовых отношениях с данным обществом, работал в должности авиатехника на станции техобслуживания, расположенной в районе Крайнего Севера (Ханты-Мансийский автономный округ - Югра).

Приказом работодателя от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работодателя в случае сокращения численности или штата работников организации). В связи с увольнением работодателем Н. выплачены все причитающиеся при расчете суммы, включая выходное пособие и выплату среднего месячного заработка в течение трех месяцев со дня увольнения.

Решениями центра занятости населения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. за Н. признано право на сохранение средней заработной платы в течение соответственно четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения.

Указанные решения общество считает незаконными, поскольку центром занятости населения в нарушение требований Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. N 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» не был применен весь комплекс предусмотренных законом мер по содействию занятости Н., направлений на работу ему не выдавалось. Кроме того, центр занятости населения при решении вопроса о сохранении за уволенным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения не

установил обстоятельств, которые в данном конкретном случае могли бы быть признаны исключительными по смыслу положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ и являлись бы основанием для принятия органом службы занятости населения оспариваемых решений.

Представитель органа государственной службы занятости населения и третье лицо Н. в суде заявленные требования не признали.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных обществом требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Судом по делу установлено, что Н. работал в обществе авиатехником на станции техобслуживания, расположенной в поселке, который отнесен к районам Крайнего Севера.

Приказом общества (работодателя) от 13 января 2015 г. Н. уволен с работы 18 января 2015 г. по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение численности или штата работников организации).

4 февраля 2015 г. Н. обратился в центр занятости населения с заявлениями о содействии в поиске подходящей работы и о предоставлении государственной услуги по информированию о положении на рынке труда.

В течение шести месяцев Н. регулярно (дважды в месяц) обращался в центр занятости населения за сведениями о наличии вакансий, однако не был трудоустроен; соответствующих направлений на работу ему не выдавалось в связи с отсутствием вариантов подходящей для него работы.

18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г. Н. обращался в центр занятости населения с заявлениями о выдаче ему решений о сохранении средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения.

18 мая, 19 июня и 20 июля 2015 г., в том числе по заявлениям Н., были проведены заседания комиссии центра занятости населения по рассмотрению оснований для выдачи (либо отказе в выдаче) решения о сохранении среднего заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, оформленные протоколами, по результатам которых приняты решения от 18 мая 2015 г., от 19 июня 2015 г. и от 20 июля 2015 г. о сохранении за Н. средней заработной платы соответственно за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения.

В соответствии с информацией, предоставленной центром занятости населения 30 сентября 2015 г., Н. состоял на учете в центре занятости населения в качестве гражданина, ищущего работу, с 4 февраля по 21 августа 2015 г. С 21 августа 2015 г. Н. снят с учета по причине «длительная (более месяца) неявка в органы социальной защиты без уважительной причины».

Из материалов дела также следует, что Н. является получателем страховой пенсии по старости.

Особенности регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, установлены гл. 50 ТК РФ (ст. 313 - 327).

Согласно ч. 1 ст. 313 ТК РФ государственные гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаются данным кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Дополнительные гарантии и компенсации указанным лицам могут устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами исходя из финансовых возможностей соответствующих субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и работодателей (ч. 2 названной статьи).

Государственные гарантии работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, определены ст. 318 ТК РФ.

Так, работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации (п. 1 части первой ст. 81 ТК РФ) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 части первой ст. 81 ТК РФ), выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия) (ч. 1 ст. 318 ТК РФ).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за указанным работником в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в месячный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен (ч. 2 ст. 318 ТК РФ).

Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка и сохраняемого среднего месячного заработка, предусмотренных частями первой и второй названной выше статьи, производится работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя (ч. 3 ст. 318 ТК РФ).

Из приведенных норм закона следует, что в случае увольнения работника из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации ему безусловно выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка и за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения.

Основанием для сохранения за указанным работником среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяца со дня увольнения является принятие органом службы занятости населения соответствующего решения, которое обусловлено на-

личием исключительного случая, касающегося увольнения работника.

Таким образом, сохранение среднего заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев после увольнения, как установлено ч. 2 ст. 318 ТК РФ, производится не в качестве общего правила, а в исключительных случаях.

По смыслу данной нормы закона, своевременное обращение уволенного работника в орган службы занятости населения и факт его нетрудоустройства этим органом являются предпосылкой для реализации права на сохранение за работником, уволенным из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения. Реализация же такого права связана с наличием исключительных случаев, подлежащих установлению соответствующим органом службы занятости населения при решении вопроса о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы с момента увольнения.

Отсутствие в норме закона перечня исключительных случаев не может служить основанием для принятия органом службы занятости населения решения о сохранении за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый, шестой месяцы со дня увольнения при наличии лишь факта соблюдения таким работником и самим органом службы занятости населения установленного порядка по предоставлению государственной услуги по содействию в поиске подходящей работы.

Ввиду изложенного к юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению при разрешении споров, связанных с предоставлением работнику, уволенному в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата сотрудников организации, государственной гарантии в виде сохранения среднего месячного заработка в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения (ч. 2 ст. 318 ТК РФ), относятся: факт обращения такого работника в месячный срок после увольнения в соответствующий орган службы занятости населения, нетрудоустройство этого работника указанным органом в течение трех месяцев со дня увольнения и наличие исключительного случая, касающегося уволенного работника и связанного с его социальной незащищенностью, отсутствием у него средств к существованию, наличием у него на иждивении нетрудоспособных членов семьи и тому подобного.

Однако названные обстоятельства в связи с неправильным применением судами первой и апелляционной инстанций норм материального права не вошли в предмет доказывания, не были вынесены на обсуждение сторон спора и, соответственно, не получили правовой оценки.

Судебные инстанции вследствие ошибочного толкования положений ч. 2 ст. 318 ТК РФ пришли к неправильному выводу о том, что к исключительным случаям сохранения за работником среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со

дня увольнения относятся необходимые условия для реализации этого права - факт обращения работника в месячный срок со дня увольнения в орган службы занятости населения и факт нетрудоустройства такого работника указанным органом.

Судами первой и апелляционной инстанций были допущены также существенные нарушения норм процессуального права.

Из положений ст. 56, 195 ГПК РФ и разъяснений по их применению, содержащихся в пп. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. N 23 «О судебном решении», а также в пп. 5 и 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. N 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», следует, что выводы суда об установленных им фактах должны быть основаны на доказательствах, исследованных в судебном заседании. При этом бремя доказывания юридически значимых обстоятельств между сторонами спора подлежит распределению судом на основании норм материального права, регулирующих спорные отношения, а также требований и возражений сторон.

Также в силу положений ст. 67, 71, 195 - 198 ГПК РФ суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости.

В противном случае нарушаются задачи и смысл судопроизводства, установленные ст. 2 названного кодекса.

Эти требования закона судами первой и апелляционной инстанций выполнены не были, обстоятельства, связанные с наличием исключительного случая при принятии органом службы занятости населения решения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения, судами не были определены в качестве юридически значимых и не устанавливались, бремя их доказывания между сторонами не распределялось.

Кроме того, как следует из материалов дела, на территории Ханты-Мансийского автономного округа - Югры распоряжением Департамента труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 14 февраля 2014 г. N 17-р-39 в целях единообразного применения положений ст. 178, 318 ТК РФ, ч. 3.2 ст. 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» утверждены Методические рекомендации по порядку выдачи решения органом службы занятости населения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации (далее - Методические рекомендации).

В п. 7 Методических рекомендаций предусмотрено, что при рассмотрении комиссией вопроса о выдаче

решения о сохранении среднего месячного заработка дополнительно учитываются представленные гражданами документы, в том числе подтверждающие самостоятельный поиск работы (скриншоты отправленных резюме в организации, отметка о приеме резюме организацией, отметка об отказе работодателя от предлагаемой кандидатуры и т.д.), подтверждающие наличие исключительных обстоятельств, в связи с которыми они могли бы претендовать на сохранение среднего месячного заработка в период трудоустройства (отсутствие средств к существованию, тяжелая болезнь, требующая дорогостоящего лечения, наличие нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию, и т.п.).

Методические рекомендации, устанавливающие правила выдачи органом службы занятости населения решения о сохранении среднего месячного заработка за работниками, уволенными из организации в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации, а также гражданскими служащими, уволенными из государственного органа, расположенного в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с сокращением должности гражданской службы в государственном органе или упразднением государственного органа, по решению органа службы занятости населения (п. 2 Методических рекомендаций), в нарушение приведенных выше норм процессуального права и разъяснений по их применению при проверке законности решений центра занятости населения о сохранении за Н. среднего месячного заработка за четвертый, пятый и шестой месяцы со дня увольнения судами первой и второй инстанций во внимание приняты не были, правовая оценка оспариваемым решениям с учетом данных методических рекомендаций, основанных на положениях в том числе ч. 2 ст. 318 ТК РФ, судами не дана.

Определение N 69-КГ16-14

16. Право на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, имеют бывшие работники этих организаций, имеющие соответствующий стаж работы в организациях угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

Ш. обратился в суд с иском к управлению Пенсионного фонда Российской Федерации (далее - пенсионный орган) о признании права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии.

В обоснование заявленных требований указал, что является получателем досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. N 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (далее также - Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. N 173-ФЗ) в связи с наличием 25-летнего стажа работы на подземных и открытых

горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников. 4 марта 2015 г. он обратился в пенсионный орган с заявлением о назначении ежемесячной доплаты к пенсии на основании Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ «О дополнительном социальном обеспечении отдельных категорий работников организаций угольной промышленности» (далее - Федеральный закон от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ). Решением пенсионного органа от 17 марта 2015 г. ему отказано в назначении ежемесячной доплаты к пенсии по причине отсутствия необходимого стажа работы. При этом в стаж, дающий право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, ответчиком не был включен период его работы на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г.

Ш. полагал, что порядок исчисления стажа для назначения доплаты к пенсии, предусмотренный Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, идентичен порядку исчисления стажа для назначения досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ. Поскольку период с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. был учтен пенсионным органом в специальном стаже, дающем право на досрочную трудовую пенсию по старости, постольку этот период подлежит включению в стаж для назначения ежемесячной доплаты к пенсии. Считая, что отказ пенсионного органа в назначении ежемесячной доплаты к пенсии является неправомерным и нарушает его права, Ш. просил суд возложить на пенсионный орган обязанность зачесть в стаж, дающий право на установление ежемесячной доплаты к пенсии, период его работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины, признать за ним право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ, и обязать ответчика назначить ему данную доплату с 1 марта 2015 г.

Представитель ответчика в суде иск не признал.

Решением суда исковые требования удовлетворены. За Ш. признано право на назначение ежемесячной доплаты к пенсии, предусмотренной Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ. В стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии, зачтены периоды работы Ш. с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины. На пенсионный орган возложена обязанность назначить Ш. ежемесячную доплату к пенсии с 4 марта 2015 г.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено в части даты назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии. Постановлено считать датой назначения Ш. ежемесячной доплаты к пенсии 1 мая 2015 г. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления и приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска по следующим основаниям.

Дополнительной гарантией в области социального обеспечения работникам, занятым на работах с опасными и (или) вредными условиями труда по добыче (переработке) угля (горючих сланцев), является доплата к пенсии, условия, порядок назначения и выплаты которой определены Федеральным законом от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. № 84-ФЗ лица, работавшие в организациях угольной промышленности непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий - горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин и получающие пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации (далее - работники организаций угольной промышленности), имеют право на ежемесячную доплату к пенсии (далее - доплата к пенсии) за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности (далее - плательщики взносов) в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату доплаты к пенсии (далее - взносы). В стаж работы, дающей право на доплату к пенсии лицам, указанным в названной статье, включаются периоды работы, засчитываемые в стаж на соответствующих видах работ, дающих право на досрочное назначение страховой пенсии по старости в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее - Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ). Исчисление стажа работы, дающей право на доплату к пенсии, производится в порядке, предусмотренном при назначении страховой пенсии по старости досрочно в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ.

Пунктом 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ определено, что страховая пенсия по старости назначается ранее достижения возраста, установленного ст. 8 данного федерального закона, при наличии величины индивидуального коэффициента в размере не менее 30 лицам, непосредственно занятым полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля, сланца, руды и других полезных ископаемых и на строительстве шахт и рудников, независимо от возраста, если они работали на указанных работах не менее 25 лет, а работникам ведущих профессий - горнорабочим очистного забоя, проходчикам, забойщикам на отбойных молотках, машинистам горных выемочных машин, если они проработали на таких работах не менее 20 лет.

Аналогичные положения в части стажа работы были предусмотрены подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», действовавшего на момент назначения пенсии Ш.

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утративши-

ми силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О страховых пенсиях» и «О накопительной пенсии» ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. N 84-ФЗ дополнена ч. 2, согласно которой условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения, предусмотренные названным федеральным законом, распространяются на лиц, работавших в организациях угольной промышленности Российской Федерации, а также на лиц, работавших в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

В соответствии со ст. 35 Федерального закона от 21 июля 2014 г. N 216-ФЗ указанные изменения вступили в силу с 1 января 2015 г.

Статьей 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. N 84-ФЗ определено, что финансовое обеспечение расходов на выплату доплаты к пенсии, включая расходы на организацию работы по ее выплате и доставке, производится за счет взносов, поступивших от плательщиков взносов, сумм пеней, начисленных за несвоевременную уплату взносов, и штрафов за неправомерные действия, связанные с реализацией указанного федерального закона.

По смыслу приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи, правом на доплату к пенсии, которая формируется за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации, обладают бывшие работники организаций угольной промышленности, имеющие соответствующий стаж работы в организациях угольной промышленности Российской Федерации и в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г., а именно работавшие в организациях угольной промышленности непосредственно полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт не менее 25 лет либо не менее 20 лет в качестве работников ведущих профессий - горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин.

Между тем при разрешении спора требования указанных норм материального права судами не учтены, а к спорным правоотношениям не применен закон, подлежащий применению, - ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 10 мая 2010 г. N 84-ФЗ.

Вывод судов о том, что спорный период работы Ш. был учтен ему ответчиком при назначении досрочной трудовой пенсии по старости по подп. 11 п. 1 ст. 27 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. N 173-ФЗ и потому подлежит включению в стаж, дающий право на установление доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. N 84-ФЗ, основан на ошибочном толковании и применении норм материального права, регулирующих порядок и условия назначения доплаты к пенсии за стаж работы в угольной промышленности, которыми прямо предусмотрено, что условия, нормы и порядок дополнительного социального обеспечения работников организаций угольной промышленности в виде доплаты к пенсии распро-

страняются только на бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации и лиц, работавших в организациях угольной промышленности бывшего Союза ССР до 1 декабря 1991 г.

Кроме того, по смыслу ст. 1, 5 Федерального закона от 10 мая 2010 г. N 84-ФЗ, источником финансирования доплаты к пенсии за стаж работы в угольной промышленности являются страховые взносы, дополнительно (сверх установленного тарифа) уплачиваемые в Пенсионный фонд Российской Федерации организациями угольной промышленности на выплату именно доплаты к пенсии работникам угольной отрасли Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 6 названного закона для плательщиков взносов установлен тариф взносов в размере 6,7 процента выплат и иных вознаграждений, начисленных в пользу работников, непосредственно занятых полный рабочий день на подземных и открытых горных работах (включая личный состав горноспасательных частей) по добыче угля и сланца и на строительстве шахт, и работников ведущих профессий - горнорабочих очистного забоя, проходчиков, забойщиков на отбойных молотках, машинистов горных выемочных машин.

Частью 3 ст. 6 Федерального закона от 10 мая 2010 г. N 84-ФЗ определено, что объектом обложения и базой для начисления взносов являются объект обложения и база для начисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в Пенсионный фонд Российской Федерации, которые установлены чч. 1, 3 и 4 ст. 7 и чч. 1, 3 и 6 ст. 8 Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Из изложенных норм закона следует, что дополнительные страховые взносы (сверх установленного тарифа), уплачиваемые организациями угольной промышленности Российской Федерации в целях предоставления такой социальной гарантии бывшим работникам организаций угольной промышленности как доплата к пенсии, не участвуют в формировании размера страховой пенсии, который обеспечивается за счет взносов на обязательное пенсионное страхование, а имеют иное целевое назначение - расходуются только на дополнительное материальное обеспечение бывших работников угольной промышленности Российской Федерации и угольной промышленности бывшего СССР до 1 декабря 1991 г.

Таким образом, порядок установления пенсии работникам угольной промышленности и порядок установления доплаты к ней различны по своему характеру и имеют самостоятельное правовое регулирование. То, что исчисление стажа для назначения доплаты к пенсии бывшим работникам угольной промышленности производится в том же порядке, что и для исчисления пенсии по п. 11 ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. N 400-ФЗ, не означает, что право на доплату определяется в том же порядке, что и право на установление пенсии.

Ссылка судов первой и апелляционной инстанций на Соглашение стран СНГ от 13 марта 1992 г. «О га-

рантиях прав граждан государств-участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» несостоятельна, поскольку данное соглашение регулирует вопросы пенсионного обеспечения, а не вопросы дополнительного социального обеспечения работников угольной промышленности, получающих пенсию в соответствии с законодательством Российской Федерации, и осуществляемого за счет взносов, уплачиваемых организациями угольной промышленности в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату доплаты к пенсии.

Также неправомерно суд апелляционной инстанции привел в обоснование вывода о включении периода работы Ш. после 1 декабря 1991 г. на шахте «Алмазная» Министерства угольной промышленности Украины в стаж для назначения доплаты к пенсии правовую позицию, изложенную в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2007 г. N 9-П, поскольку предметом проверки Конституционного Суда являлись нормы Федерального закона от 17 декабря 2001 г. N 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (п. 1 ст. 10) и абзац третий п. 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 июня 2002 г. N 407, регулирующие условия приобретения застрахованными лицами, работавшими по трудовому договору, права на трудовую пенсию и размер ее страховой части.

При таких обстоятельствах выводы судов первой и апелляционной инстанций о распространении условий и норм дополнительного социального обеспечения бывших работников организаций угольной промышленности Российской Федерации в виде доплаты к пенсии на лицо, которое имеет стаж работы в организациях угольной промышленности иностранного государства, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала основанными на неправильном применении и толковании норм материального права.

Как следует из материалов дела, имеющаяся у Ш. без учета спорного периода работы с 1 декабря 1991 г. по 20 июля 1998 г. продолжительность стажа работы в угольной промышленности Российской Федерации и бывшего СССР до 1 декабря 1991 г. составляет 18 лет 9 месяцев 18 дней, что не дает ему права на назначение ежемесячной доплаты к пенсии в соответствии с Федеральным законом от 10 мая 2010 г. N 84-ФЗ.

Определение N 58-КГ16-14

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

17. Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о признании компании банкротом, ссылаясь на то, что решением суда общей юрисдикции подтверждено наличие задолженности компании по выплате ему выходного пособия.

На дату судебного заседания по рассмотрению обоснованности этого требования задолженность погашена обществом (третьим лицом) путем внесения денежных средств на депозит нотариуса.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, отказано во введении в отношении компании процедуры наблюдения, заявление гражданина оставлено без рассмотрения. Суды руководствовались ст. 313 и 327 ГК РФ, ст. 33 и п. 3 ст. 48 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве) и пришли к выводу об отсутствии оснований для введения процедуры наблюдения, поскольку задолженность погашена в полном объеме.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что общество злоупотребило правом (ст. 10 ГК РФ). Погасив задолженность, общество лишило гражданина статуса заявителя по делу о банкротстве.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника прежде всего состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели. Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной судом процедуры (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию.

После получения полного удовлетворения своих требований у гражданина отпал подлежащий защите правовой интерес как в предложении кандидатуры арбитражного управляющего, так и в самом участии в деле о банкротстве.

Сам по себе факт погашения задолженности в полном объеме до введения первой процедуры несостоятельности не свидетельствует о злоупотреблении правом со стороны общества. В обоснование действий по погашению задолженности перед гражданином общество привело убедительные доводы о том, что его поведение не направлено на причинение вреда вовлеченным в процесс несостоятельности лицам, а обусловлено предотвращением банкротства, контролируемого

самим должником, что в целом является ожидаемым от любого разумного участника гражданского оборота и соответствует стандарту добросовестности. Гражданин, напротив, получив полное удовлетворение своих требований, утратил разумный мотив в обжаловании судебных актов по настоящему обособленному спору.

Определение N 305-ЭС16-15945

18. Запрет на распоряжение имуществом должника, наложенный в судебном или ином установленном законом порядке в пользу кредитора, не предоставляет последнему прав, предусмотренных ст. 18.1 и 138 Закона о банкротстве.

При рассмотрении иска общества к компании определением арбитражного суда приняты обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество компании. Во исполнение указанного определения судебный пристав-исполнитель постановлениями наложил аресты на конкретное имущество компании. Решением суда по этому делу требования общества к компании удовлетворены.

Впоследствии арбитражным судом принято заявление о признании компании банкротом, в ее отношении введена процедура наблюдения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование общества к компании признано обоснованным и включено в реестр требований кредиторов должника с удовлетворением в третью очередь как обеспеченное залогом имущества должника. Суды пришли к выводу, что залог возник в соответствии с п. 5 ст. 334 ГК РФ со дня вступления в силу решения суда по иску общества к компании.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части, касающейся признания требования общества обеспеченным залогом имущества должника и отказала обществу в во включении в реестр требований кредиторов должника его требования как обеспеченного залогом имущества должника по следующим основаниям.

Из положений ст. 174.1 и п. 5 ст. 334 ГК РФ следует, что права залогодержателя предоставлены кредитору, в интересах которого был наложен арест, прежде всего с целью его защиты в ситуации неправомерно отчуждения должником арестованного имущества третьему лицу. Такая защита обеспечивается наличием у кредитора возможности обратить взыскание на арестованную вещь после того, как она была отчуждена (право следования).

Вместе с тем возникновение у кредитора прав в силу п. 5 ст. 334 ГК РФ связано с регулируемым процессуальными нормами механизмом принятия решения государственным органом об основаниях введения запрета на распоряжение имуществом и о составе конкретного имущества, в отношении которого будет принят запрет на распоряжение. Принцип равенства кредиторов, требования которых относятся к одной категории выплат (п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве), не допускает введение судом, рассматривающим дело

о несостоятельности, различного режима удовлетворения одной и той же выплаты в зависимости от процедурных критериев, то есть в зависимости от того, как будет разрешено ходатайство о наложении ареста.

Таким образом, из системного толкования названных норм права, а также ст. 2, 18.1, 138 Закона о банкротстве следует, что преимуществом по отношению к другим кредиторам в деле о несостоятельности (залоговый приоритет) обладают кредиторы, обязательства должника перед которыми обеспечены залогом в соответствии с п. 1 ст. 334.1 ГК РФ, то есть ординарным залогом.

Определение N 301-ЭС16-16279

19. Отсутствие у гражданина имущества, за счет которого возможно пропорционально удовлетворить требования кредиторов, само по себе не является основанием для прекращения производства по делу о банкротстве этого гражданина.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, прекращено производство по делу о банкротстве гражданина. Суды исходили из того, что отсутствие у гражданина имущества исключает введение банкротной процедуры реализации его имущества, так как не достигается ее цель - пропорциональное удовлетворение требований кредиторов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В процедуре реализации имущества финансовый управляющий осуществляет действия, направленные на формирование конкурсной массы - анализирует сведения о должнике, выявляет имущество гражданина, в том числе находящееся у третьих лиц, обрабатывается с исками о признании недействительными подозрительных сделок и сделок с предпочтением по основаниям, предусмотренным ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, об истребовании или о передаче имущества гражданина, истребует задолженность третьих лиц перед гражданином и т.п. (пп. 7 и 8 ст. 213.9, пп. 1 и 6 ст. 213.25 Закона о банкротстве).

На основании доказательств, полученных финансовым управляющим по результатам выполнения упомянутых мероприятий, а также доказательств, представленных должником и его кредиторами, в ходе процедуры реализации имущества суд оценивает причины отсутствия у должника имущества. При этом право гражданина на использование установленного государством механизма банкротства не может быть ограничено только на том основании, что у него отсутствует имущество, составляющее конкурсную массу. Один лишь факт подачи гражданином заявления о собственном банкротстве нельзя признать безусловным свидетельством его недобросовестности.

В ситуации, когда действительно будет установлено недобросовестное поведение должника, суд в соответствии со ст. 213.28 Закона о банкротстве и с учетом разъяснений, изложенных в постановлении Пленума

Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение правил об освобождении гражданина от исполнения долговых обязательств.

Кроме того, действующее законодательство исключает возможность банкротства испытывающего временные трудности гражданина, который в течение непродолжительного времени может исполнить в полном объеме свои обязательства исходя из размера его планируемых доходов (абзац седьмой п. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве).

Закрепленные в законодательстве о несостоятельности граждан положения о том, что недобросовестные должники не освобождаются от обязательств, а также о том, что банкротство лиц, испытывающих временные затруднения, недопустимо, направлены на исключение возможности получения должником несправедливых преимуществ, обеспечивая тем самым защиту интересов кредиторов.

Таким образом устанавливается баланс между социально-реабилитационной целью потребительского банкротства, достигаемой путем списания непосильных долговых обязательств гражданина с одновременным введением в отношении него ограничений, установленных ст. 213.30 Закона о банкротстве, и необходимостью защиты прав кредиторов. Следовательно, вывод судов о том, что процедура реализации имущества гражданина сведется лишь к формальной констатации отсутствия у него имущества, завершению этой процедуры и автоматическому освобождению от обязательств, является ошибочным.

Определение N 304-ЭС16-14541

Разрешение споров, возникающих из вещных правоотношений

20. При приобретении одним лицом всех помещений в многоквартирном доме оно становится единственным собственником земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, с момента государственной регистрации права собственности на последнее помещение. Последующая гибель многоквартирного дома не прекращает право собственности этого лица на земельный участок.

Общество выкупило и стало собственником восьми квартир, находящихся в восьмиквартирном жилом доме. После сноса названного дома общество обратилось в регистрирующий орган с заявлением о регистрации права собственности на сформированный под указанным домом земельный участок.

Регистрирующий орган отказал обществу в регистрации права собственности, сославшись на абзац десятый п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в редакции, действовавшей до 1 января 2017 г., мотивировав свой отказ отсутствием правовых оснований для регистрации частной (индивидуальной) собственности на общее имущество в многоквартирном доме за одним лицом.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным данного отказа и об обязанности регистрирующего органа осуществить государственную регистрацию права собственности общества на земельный участок.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано. Суды исходили из того, что общество, став собственником всех помещений в здании, не избрало правовой режим многоквартирного дома как единого объекта и не обратилось с заявлением к регистрирующему органу для регистрации права на указанный дом, поэтому его право собственности на здание в целом и, как следствие, на сформированный под этим зданием участок не возникло; ввиду сноса дома право собственности общества на расположенные в доме квартиры, также как и его право на земельный участок, на котором был расположен разрушенный дом, в силу п. 1 ст. 235 ГК РФ прекратилось.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 2 ст. 8.1 ГК РФ предусмотрено, что права на имущество, подлежащие регистрации (в том числе право собственности на недвижимое имущество), возникают, изменяются, прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом.

Положениями ст. 36 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее - ЖК РФ) и чч. 2 и 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. N 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее - Закон N 189-ФЗ) установлены иные моменты возникновения права общей долевой собственности у собственников жилых и нежилых помещений на общее имущество многоквартирного жилого дома, в том числе на земельный участок, сформированный под таким домом, а также момент перехода доли в праве на общее имущество - именно с даты государственной регистрации права собственности на квартиру.

Таким образом, покупатель квартиры с момента государственной регистрации права собственности на данный объект приобретает в силу закона и право на долю в общей долевой собственности на сформированный в установленном порядке земельный участок, на котором расположен данный дом.

По смыслу разъяснений, содержащихся в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. N 64 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» (далее - постановление N 64), в случае если одно лицо приобретает право собственности на все помещения в здании, то оно в силу закона также становится обладателем всех долей в праве собственности на земельный участок, расположенный под зданием. Из положений ст. 244 ГК РФ следует, что при указанных обстоятельствах существование долевой

собственности на имущество невозможно и она с учетом положений пп. 2 и 4 ст. 8.1 ГК РФ должна рассматриваться как индивидуальная собственность лица на недвижимую вещь. В этом случае, как указано в п. 4 ст. 8.1 ГК РФ, запись об изменении этого права вносится в государственный реестр по заявлению лица, для которого наступают такие правовые последствия, то есть в том числе и лица, которое в силу приобретения всех долей в праве собственности на недвижимое имущество является единоличным собственником вещи.

Согласно изложенным нормам права при приобретении одним лицом всех жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме, а следовательно, всех долей в праве общей долевой собственности на общее имущество, такое лицо с момента государственной регистрации права на последнюю квартиру или нежилое помещение в многоквартирном доме становится собственником всего земельного участка.

Вывод судов о том, что для приобретения права на земельный участок лицо, ставшее собственником всех помещений в здании (многоквартирном доме), должно преобразовать все помещения и общее имущество в единый объект, не основан на положениях законодательства, которым не предусмотрена также и возможность государственной регистрации права собственности на такой объект, как многоквартирный дом. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в абзаце третьем п. 8 постановления N 64, указанные действия являются правом, а не обязанностью лица.

Основания прекращения права собственности на земельный участок приведены в ст. 44 ЗК РФ. Такого основания для прекращения права собственности на земельный участок как гибель (уничтожение) здания, расположенного на земельном участке, названная норма не содержит.

В силу п. 6 ст. 36 ЗК РФ общество сохранило право собственности на земельный участок.

Вместе с тем суды не исследовали вопрос о том, когда был сформирован и поставлен на кадастровый учет земельный участок, в отношении которого общество просит зарегистрировать его право собственности, в том числе был ли он сформирован под ранее существовавшим многоквартирным домом с учетом территории, необходимой для его обслуживания и эксплуатации.

Определение N 305-КГ16-10570

Разрешение споров, возникающих из обязательственных правоотношений

21. Довод должника о том, что исполнение обязательства по предоставлению банковской гарантии в обеспечение исполнения обязательств по договору зависит от воли третьего лица (банка), не может являться основанием для отказа в удовлетворении требований кредитора об обязанности должника исполнить в натуре это обязательство и уплатить неустойку за его неисполнение.

По условиям договора поставки предприятие (поставщик) обязалось предоставить обществу (покупателю) обеспечение исполнения договора в виде банковской гарантии или поручительства.

Ссылаясь на то, что предприятие не предоставило обеспечение, общество обратилось в арбитражный суд с иском о понуждении предприятия к исполнению в натуре обязательства по предоставлению банковской гарантии и о взыскании предусмотренной договором неустойки за неисполнение данного обязательства.

Суд первой инстанции исковые требования общества удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции в части обязанности предприятия предоставить банковскую гарантию, отказал в этой части иска, а в части взыскания с ответчика неустойки оставил решение суда первой инстанции без изменения. Суд исходил из того, что обязательство по предоставлению банковской гарантии является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица (банка); требование покупателя о взыскании с предприятия неустойки обоснованно, поскольку договором установлена ответственность предприятия за непредоставление, нарушение порядка и срока предоставления обеспечения.

Арбитражный суд округа согласился с выводом суда апелляционной инстанции о том, что не подлежит удовлетворению требование покупателя об обязанности поставщика предоставить банковскую гарантию, но посчитал, что неустойка не может быть направлена на обеспечение неисполнимого обязательства, отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и отказал в удовлетворении исковых требований общества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 309 ГК РФ предприятие как сторона по гражданско-правовой сделке должно надлежащим образом соблюдать согласованные в ней условия, а также требования закона, иных нормативных актов. В п. 1 ст. 329 ГК РФ указано, что исполнение обязательства может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором.

Вывод суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа о том, что покупатель не вправе требовать от поставщика предоставления банковской гарантии, поскольку такое условие договора является неисполнимым, так как поставлено в зависимость от воли третьего лица, противоречит положениям ст. 416 ГК РФ.

По смыслу ст. 416 ГК РФ невозможность исполнения обязательства наступает в случае, если действие, являющееся содержанием обязательства, объективно не может быть совершено ни одним лицом.

Как указано в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», разрешая вопрос о допустимости понуждения должника испол-

нить обязанность в натуре, необходимо учитывать не только положения Гражданского кодекса Российской Федерации, иного закона или договора, но и существо соответствующего обязательства.

Выдача банковских гарантий коммерческим организациям является типичной банковской операцией, постоянно осуществляемой российскими банками и иными кредитными организациями с целью извлечения прибыли, поэтому обращение поставщика к тому или иному банку с просьбой предоставить банковскую гарантию не может нарушать права банка или налагать на него дополнительные обязательства.

В связи с тем, что предусмотренное договором поставки обязательство предприятия по предоставлению исполнения обязательства в виде банковской гарантии не относится к неисполнимым (объективно исполнимо) и может быть исполнено предприятием (субъективно исполнимо), отказ в удовлетворении заявленного обществом требования о присуждении к исполнению обязательства в натуре противоречит указанным положениям закона и сложившейся судебной практике их применения.

Поскольку согласно имеющейся в материалах дела выписке из Единого государственного реестра юридических лиц в уставном капитале общества доля участия Российской Федерации превышает пятьдесят процентов, заключение спорного договора осуществлялось по закупочной конкурсной процедуре, предусмотренной Федеральным законом от 18 июля 2011 г. N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», в силу которого поставщик обязан предоставить заказчику обеспечение (в том числе в виде банковской гарантии). Следовательно, условие спорного договора поставки о предоставлении поставщиком банковской гарантии соответствует как требованиям названного закона, так и положениям ст. 309, 310 и 329 ГК РФ.

В нарушение названных норм и условий заключенного сторонами договора предприятие в установленный договором срок не предоставило обществу обеспечение исполнения договора. Доказательства обращения предприятия в кредитные учреждения по вопросу выдачи банковской гарантии и наличия объективных обстоятельств, препятствующих ее получению, в деле отсутствуют.

В силу п. 1 ст. 329 и п. 1 ст. 330 ГК РФ обязательство предоставить банковскую гарантию, как и любое иное обязательство, в том числе дополнительное, может быть обеспечено неустойкой, поскольку гражданское законодательство не содержит исключений для данного вида обязательства и обеспечение неустойкой не является несовместимым с характером обязательства.

Поскольку договором стороны согласовали возможность начисления поставщику неустойки за непредоставление в установленные сроки обеспечения, является правомерным требование общества о взыскании неустойки с предприятия, нарушившего данное обязательство.

Отказ в удовлетворении требований о предоставлении банковской гарантии и взыскании согласованной сторонами неустойки за непредоставление банковской гарантии может стимулировать должников

к неисполнению принятых на себя обязательств, так как лицо, нарушившее обязательство, не будет нести за это гражданской ответственности, а лицо, в пользу которого должно быть исполнено это обязательство, не получит компенсации своих потерь, а кроме того, создает преимущественное положение для такого должника перед другими участниками закупки.

Определение N 305-ЭС16-14210

Практика применения законодательства о налогах и сборах

22. Утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения не влечет одновременную утрату им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы.

Предпринимателем применялась упрощенная система налогообложения с объектом в виде полученных доходов и патентная система налогообложения в отношении операций по сдаче в аренду недвижимого имущества.

По результатам камеральной налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу об утрате предпринимателем права на применение патентной системы налогообложения на основании п. 6 ст. 346.45 НК РФ и возникновении у него обязанности по уплате налогов, предусмотренных общей системой налогообложения, в частности налога на доходы физических лиц. В связи с этим доход предпринимателя от деятельности по сдаче имущества в аренду за соответствующий период был включен в налоговую базу по налогу на доходы физических лиц и налоговым органом принято решение о привлечении предпринимателя к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, которым ему предложено уплатить недоимку по названному налогу, суммы пеней и штрафа.

Ссылаясь на то, что спорные суммы дохода от сдачи имущества в аренду были учтены им при исчислении и уплате налога по упрощенной системе налогообложения, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования предпринимателя удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа названные судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 346.11 НК РФ упрощенная система налогообложения применяется индивидуальными предпринимателями наряду с иными режимами налогообложения, а патентная система налогообложения - в силу п. 2 ст. 346.43 НК РФ применяется в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности.

В случае применения патентной системы налогообложения в отношении отдельного вида предпринимательской деятельности вместо уплаты налога исходя из фактически полученной выручки от осуществления такой деятельности (п. 1 ст. 346.17 НК РФ) в бюджет уплачивается налог, определенный из денежного выражения потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода (ст. 346.48 НК РФ).

Пунктом 4 ст. 346.13 НК РФ также установлено, что в случае одновременного применения упрощенной и патентной систем налогообложения доходы, полученные от деятельности, в отношении которой налогоплательщиком был получен патент, суммируются с остальными полученными им доходами для целей определения суммового порога, необходимого для сохранения права на применение упрощенной системы налогообложения.

Таким образом, взаимосвязанные положения гл. 26.2 и 26.5 НК РФ позволяют сделать вывод о том, что упрощенная система налогообложения в случае ее применения индивидуальным предпринимателем является общей по отношению к патентной системе налогообложения, в рамках которой осуществляется налогообложение доходов лишь по отдельным видам деятельности налогоплательщика.

При этом гл. 26.5 НК РФ не содержит нормы, в силу которой утрата налогоплательщиком права на применение патентной системы налогообложения влекла бы одновременную утрату им права на применение упрощенной системы налогообложения либо изменение порядка исчисления налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы. Поскольку, как установлено судами первой и апелляционной инстанций, упрощенная система налогообложения применялась предпринимателем в спорный период, общая сумма полученных им доходов не превысила пороговое значение, установленное п. 4 ст. 346.13 НК РФ, то на основании п. 1 ст. 346.14 и п. 1 ст. 346.17 НК РФ при утрате права на применение патентной системы налогообложения предприниматель правомерно учел все полученные им доходы при исчислении налога по упрощенной системе налогообложения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отметила, что Федеральным законом от 30 ноября 2016 г. N 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» п. 6 ст. 346.45 НК РФ изложен в новой редакции, устранившей существующее противоречие действующего правового регулирования посредством указания на возможность перехода налогоплательщика на общий режим налогообложения, упрощенную систему налогообложения, систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (в случае применения налогоплательщиком соответствующего режима налогообложения).

Определение N 301-КГ16-16143

23. Должник, предоставивший отступное в целях прекращения обязательств по договору займа, обязан

исчислить налог на добавленную стоимость с этой реализации, а кредитор вправе принять налог к вычету.

Решением налогового органа обществу доначислен налог на добавленную стоимость (далее - НДС), начислены пени и применены налоговые санкции. Основанием доначисления налога послужил вывод налогового органа о неправомерном неначислении обществом НДС от реализации имущественных прав по соглашению, в соответствии с которым общество предоставило имущество компании взамен исполнения обязательства по договору займа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного решения налогового органа недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требования общества по следующим основаниям.

Согласно подп. 15 п. 3 ст. 149 НК РФ не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) НДС операции по предоставлению займов в денежной форме, а также оказание финансовых услуг по предоставлению займов в денежной форме. Аналогичным образом в соответствии с положениями ст. 146 НК РФ не является объектом налогообложения НДС возврат заемных денежных средств. Соответственно, от налогообложения НДС освобождаются именно займы в денежной, а не в иной форме.

В силу ст. 409 ГК РФ при подписании соглашения о предоставлении отступного обязательство по договору займа прекращается путем передачи имущества должника кредитору (заемщика займодавцу), то есть в собственность займодавца передается имущество в обмен на денежные средства. С предоставлением отступного меняется в целом способ исполнения договора займа, прекращаются обязательства сторон по первоначальному способу исполнения и на стороны возлагаются другие, новые обязательства, возникающие из соглашения об отступном (денежная форма возврата займа более не исполняется сторонами).

По смыслу пп. 1 и 3 ст. 38, п. 1 ст. 39 НК РФ, поскольку при передаче имущества в качестве отступного происходит передача права собственности на него на возмездной основе, данная передача признается реализацией, если иное прямо не предусмотрено НК РФ.

В силу подп. 1 п. 1 ст. 146 НК РФ реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, в том числе реализация предметов залога и передача товаров (результатов выполненных работ, оказание услуг) по соглашению о предоставлении отступного или новации, а также передача имущественных прав признаются объектом налогообложения по НДС.

Таким образом, передача имущества в качестве отступного в целях погашения обязательств по договору займа является реализацией имущества, в связи с чем передающая сторона обязана исчислить НДС с реализации, а получающая - вправе принять налог к вычету.

Определение N 309-КГ16-13100

Практика применения таможенного законодательства

24. В случае выявления таможенным органом признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товара, ввозимого по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, декларант должен представить документы и сведения, подтверждающие допустимость применения метода определения таможенной стоимости ввозимого товара по стоимости сделки с ним.

По результатам проведенных в отношении ввезенного обществом товара мероприятий таможенного контроля таможенным органом принято решение о корректировке таможенной стоимости и выставлено требование об уплате таможенных платежей. Основанием принятия указанного решения послужили выводы таможенного органа о том, что представленные декларантом документы не отвечают требованиям п. 4 ст. 65 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее - ТК ТС). Таможенным органом установлена заниженная стоимость контракта, по цене которого определена таможенная стоимость, и взаимосвязанность между обществом (покупателем) и продавцом товара. Однако на требование таможни предоставить документы и сведения, касающиеся взаимосвязи участников внешнеторгового контракта, запрашиваемые сведения представлены не были.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным требования об уплате таможенных платежей.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования общества удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

Как разъяснено в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. N 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» (далее - постановление N 18), судам необходимо учитывать, что одним из правил таможенной оценки является наделение таможенных органов правом убеждаться в достоверности декларирования таможенной стоимости исходя из действительной стоимости ввозимых товаров, которое реализуется при проведении таможенного контроля.

В силу п. 1 ст. 68 ТК ТС основанием для принятия решения о корректировке таможенной стоимости товаров является выявленный таможенным органом при осуществлении контроля таможенной стоимости как до, так и после выпуска товаров, факт недостоверного заявления сведений об их таможенной стоимости, в том числе в связи с неправильным выбором метода определения таможенной стоимости.

Из содержания п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 4 Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25 января 2008 г. «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещае-

мых через таможенную границу таможенного союза» (далее - Соглашение) следует, что метод определения таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними (первый метод) является приоритетным для таможенной оценки, но в ряде случаев использоваться не может, как неспособный правильно отразить действительную стоимость товаров. В частности, согласно пп. 1 и 3 ст. 4 Соглашения взаимосвязь сторон договора влечет невозможность применения первого метода определения таможенной стоимости, если она оказала влияние на цену, уплачиваемую или подлежащую уплате за товар. В связи с этим в п. 19 постановления N 18 указано следующее: в случае возникновения спора о правомерности применения первого метода на таможенном органе лежит бремя доказывания признаков того, что взаимосвязь сторон могла повлиять на цену (п. 4 ст. 4 Соглашения), а на декларанте - обязанность доказать, что фактически уплаченная или подлежащая уплате за товар цена была установлена в отсутствие влияния на нее взаимосвязи сторон сделки (пп. 4.1, 4.2 ст. 4 Соглашения). Таким образом, в случае выявления таможней признаков недостоверного декларирования таможенной стоимости товаров, ввозимых по сделке, совершенной между взаимосвязанными лицами, в порядке исключения из общего правила именно на декларанта возлагается бремя предоставления документов и сведений, подтверждающих допустимость применения первого метода определения таможенной стоимости.

Установленные на стадии таможенного контроля обстоятельства, касающиеся взаимосвязанности сторон контракта, признаков искажения стоимости сделки с ввозимыми товарами под влиянием взаимосвязанности, не были мотивированно оспорены обществом, которое отказалось от представления таможенному органу каких-либо дополнительных документов и сведений. В такой ситуации общество не могло применить первый метод определения таможенной стоимости товара.

Определение N 306-КГ16-13324

Практика применения законодательства о рекламе и о лицензируемой деятельности

25. Реклама метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации является надлежащей, если она не раскрывает их содержание и распространяется в составе рекламы медицинских услуг при соблюдении требований, установленных ч. 7 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ «О рекламе».

В газете «Ставропольский бизнес» была размещена реклама об использовании врачами общества метода диагностики - ЭКГ-исследования.

Усмотрев в действиях общества признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 14.3 КоАП РФ, поскольку указанная реклама нарушает положения ч. 8 ст. 24 Федерального закона от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ «О рекламе» (далее - Закон о рекламе), антимонопольный орган вынес постановление о привлечении общества к административной ответственности в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к антимонопольному органу о признании незаконным данного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Требования к рекламе лекарственных средств, медицинской техники, изделий медицинского назначения и медицинских услуг, в том числе методов лечения, установлены ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе, согласно которой реклама лекарственных средств, медицинских услуг, в том числе методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, медицинских изделий должна сопровождаться предупреждением о наличии противопоказаний к их применению и использованию, необходимости ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов. Эти требования не распространяются на рекламу, распространяемую в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий, а также в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях, и на иную рекламу, потребителями которой являются исключительно медицинские и фармацевтические работники.

Частью 8 ст. 24 Закона о рекламе установлено, что реклама лекарственных препаратов в формах и дозировках, отпускаемых по рецептам на лекарственные препараты, методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации, а также медицинских изделий, для использования которых требуется специальная подготовка, не допускается иначе как в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий и в предназначенных для медицинских и фармацевтических работников специализированных печатных изданиях.

Из приведенных положений следует, что ч. 7 ст. 24 Закона о рекламе допускает рекламу методов профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации в составе видов (перечня) медицинских услуг, оказываемых соответствующим медицинским учреждением, предусматривая лишь необходимость предупреждения о наличии противопоказаний к их применению и использованию, ознакомления с инструкцией по применению или получения консультации специалистов.

Вместе с тем реклама, в которой раскрывается содержание того или иного метода профилактики, способа или приема диагностики, лечения и медицинской реабилитации, подпадает под запрет, установленный ч. 8 ст. 24 Закона о рекламе.

В рассматриваемом случае объектом рекламирования была не реклама конкретного метода диагностики и лечения - ЭКГ, с раскрытием преимуществ данного метода и его эффективности, а реклама медицинской услуги.

Определение N 308-АД16-10650

26. Установление факта реализации заявителем алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии является достаточным основанием для отказа уполномоченного органа в предоставлении ему лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.

Общество обратилось в уполномоченный орган (далее - комитет) с заявлением о выдаче лицензии на розничную продажу алкогольной продукции.

Комитетом проведена внеплановая выездная проверка в отношении общества, в ходе которой установлено нарушение обществом п. 1 ст. 26 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» (далее - Закон N 171-ФЗ), поскольку общество на день проверки осуществляло оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии. Кроме того, в представленных обществом документах в нарушение подп. 1 п. 9 ст. 19 Закона N 171-ФЗ содержались недостоверные сведения, так как по указанному им адресу помимо объекта розничной торговли, расположен объект общественного питания, в котором осуществлялась торговля спиртосодержащей продукцией без лицензии.

Решением арбитражного суда по другому делу общество привлечено к административной ответственности в виде штрафа на основании ч. 3 ст. 14.17 КоАП РФ.

Указанные обстоятельства послужили основанием для принятия комитетом решения об отказе в предоставлении обществу лицензии на продажу алкогольной продукции.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением к комитету о признании указанного решения незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

В соответствии с подп. 6 п. 9 ст. 19 Закона N 171-ФЗ одним из оснований для отказа в выдаче лицензии является несоответствие заявителя иным лицензионным требованиям, установленным в соответствии с положениями ст. 2, 8, 9, 10.1, 11, 16, 19, 20, 25, 26 Закона N 171-ФЗ.

Пункт 1 ст. 26 Закона N 171-ФЗ устанавливает запрет на производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующих лицензий, а также передачу лицензии другому лицу и оказание услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности, другому лицу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Таким образом, положения п. 9 ст. 19 Закона N 171-ФЗ как устанавливающие основания для отказа в выдаче лицензии, должны применяться совместно с положениями указанных в нем статей, в том числе - с п. 1 ст. 26 Закона N 171-ФЗ.

Установленные факты реализации обществом алкогольной продукции без лицензии и, как следствие, привлечение общества к административной ответственности указывают на явное несоответствие общества требованиям, которые предусмотрены ст. 19, 26 Закона N 171-ФЗ для организаций, стремящихся получить соответствующую лицензию.

Определение N 306-КГ16-15245

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

27. Срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры исчисляется с момента представления в уполномоченный орган результатов соответствующей оценки.

Постановлением административного органа от 19 января 2016 г. автономная некоммерческая организация «Центр сертификации объектов, обеспечивающих авиационную безопасность» (далее - центр сертификации) привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 11.15.2 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Центр сертификации обратился в арбитражный суд с заявлением к административному органу о признании незаконным и отмене названного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, центру сертификации отказано в удовлетворении заявления. Суды установили, что являясь специализированной организацией в области обеспечения транспортной безопасности, аккредитованной в установленном порядке, центр сертификации провел дополнительную оценку уязвимости объекта транспортной инфраструктуры - аэропорта (далее - оценка уязвимости) с нарушением «Порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств», утвержденного приказом Минтранса России от 12 апреля 2010 г. N 87 (далее - Порядок проведения оценки уязвимости), что послужило основанием для отказа Федеральным агентством воздушного транспорта в утверждении результатов проведенной оценки уязвимости. Признавая соблюденным административным органом двухмесячный срок давности привлечения центра сертификации к административной ответственности, суды исходили из того, что совершенное центром сертификации правонарушение является длящимся и моментом его выявления (обнаружения) административным органом является 18 ноября 2015 г. - день получения административным органом, должностное лицо которого уполномочено составлять протокол об административном правонарушении, информации из Федерального агентства воздушного транспорта о нарушении центром сертификации установленного порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

Центр сертификации провел оценку уязвимости, результаты которой были оформлены в двух экземплярах на бумажном носителе и одном экземпляре на магнитном носителе.

В соответствии с требованиями п. 6 Порядка проведения оценки уязвимости результаты проведенной оценки уязвимости были представлены центром сертификации 12 октября 2015 г. в Федеральное агентство воздушного транспорта для рассмотрения и принятия решения об их утверждении либо отказе в утверждении.

Согласно п. 8 Порядка проведения оценки уязвимости решение об утверждении результатов проведенной оценки уязвимости либо об отказе в их утверждении принимается компетентным органом в срок, не превышающий 30 дней.

Таким образом, после представления 12 октября 2015 г. в компетентный орган результатов проведенной оценки уязвимости центр сертификации не имел возможности внести в эти результаты изменения в целях исправления каких-либо допущенных при проведении оценки уязвимости нарушений установленных требований порядка проведения такой оценки, а соответственно, не мог изменить последствия выявления компетентным органом допущенных центром сертификации нарушений требований законодательства при проведении упомянутой оценки. Следовательно, представив в компетентный орган для рассмотрения результаты оценки уязвимости, проведенной с нарушением требований порядка проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, центр сертификации совершил противоправное деяние.

Учитывая, что моментом совершения правонарушения в рассматриваемом случае является 12 октября 2015 г. и указанное правонарушение не является длящимся, то установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ двухмесячный срок давности привлечения к ответственности истек к моменту вынесения административным органом оспариваемого постановления от 19 января 2016 г. о привлечении к административной ответственности.

Определение N 305-АД16-14470

Процессуальные вопросы

28. Принятия прокурором обязательных мер по досудебному урегулированию, предусмотренному ч. 5 ст. 4 АПК РФ, до обращения в арбитражный суд с требованиями в защиту публичных интересов, прав и законных интересов других лиц не требуется.

Прокурор в интересах неопределенного круга лиц и муниципального образования обратился в арбитражный суд с иском к обществу и предприятию о признании заключенного между ними договора недействительным.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иско-

вое заявление возвращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ в связи с несоблюдением прокурором претензионного досудебного порядка урегулирования спора с ответчиками.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции для решения вопроса о принятии к производству иска по следующим основаниям.

В силу ч. 5 ст. 4 АПК РФ споры по отдельным категориям дел могут быть переданы на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер к досудебному урегулированию.

Досудебный порядок урегулирования экономических споров представляет собой взаимные действия сторон материального правоотношения, направленные на самостоятельное разрешение возникших разногласий. Лицо, считающее, что его права нарушены действиями другой стороны, обращается к нарушителю с требованием об устранении нарушения. Если получатель претензии находит ее доводы обоснованными, то он предпринимает необходимые меры к устранению допущенных нарушений, исключив тем самым необходимость судебного вмешательства. Такой порядок ведет к более быстрому и взаимовыгодному разрешению возникших разногласий и споров. Следовательно, на прокуроре лежит обязанность по принятию мер к досудебному урегулированию спора в случае, если орган прокуратуры участвует в деле в качестве стороны материально-правового спора.

Такая обязанность отсутствует при обращении прокурора в арбитражный суд в защиту чужих интересов с требованиями, предусмотренными ч. 1 ст. 52 АПК РФ, либо при вступлении в дело в целях обеспечения законности на основании ч. 5 ст. 52 АПК РФ. Наделение прокурора процессуальными правами и возложение на него процессуальных обязанностей истца (ч. 3 ст. 52 АПК РФ) не делает прокуратуру стороной материально-правового правоотношения и не налагает на прокурора ограничения, связанные с необходимостью принятия мер по досудебному урегулированию спора.

Определение 306-ЭС16-16518

29. Поскольку международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам между государствами отсутствуют, а заключенные международные договоры регламентируют исполнение судебных решений исключительно по частно-правовым спорам (сотрудничество в рамках международного гражданского процесса), арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части.

Арбитражный суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда полностью или в части также и ввиду того, что указанное решение нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества.

Решением иностранного суда - Специализированного межрайонного экономического суда Карагандинской области (Республика Казахстан) удовлетворены требования Департамента таможенного контроля по Карагандинской области Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан (далее - департамент) к федеральному бюджетному учреждению - войсковой части 26302 (далее - войсковая часть) о взыскании задолженности в бюджеты по таможенным платежам, налогам, пеням.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, удовлетворено заявление департамента о признании и приведении в исполнение указанного решения иностранного суда.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отозвала департаменту в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, поскольку оно противоречит публичному порядку Российской Федерации (п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ).

Требование таможенных органов Республики Казахстан, положенное в основу предъявленного к исполнению иностранного судебного решения, было выставлено войсковой части в результате таможенного контроля ввоза военного имущества, который осуществлялся на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве от 28 марта 1994 г. (далее - договор от 28 марта 1994 г.) и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке содержания и использования Узла Балхаш системы предупреждения о ракетном нападении, расположенного на территории Республики Казахстан, от 14 декабря 1994 г. Таким образом, Российская Федерация и Республика Казахстан заключили специальные международные договоры, регламентирующие правовой режим поставок вооружений, военной техники, материально-технических средств в интересах обеспечения вооруженных сил, объектов оборонного назначения и воинских формирований и устанавливающие, среди прочего, требования о том, что поставки осуществляются на беспрошленной основе, а в целом вопросы поставок продукции определяются специальными соглашениями (ст. 17 договора от 28 марта 1994 г.). Следовательно, все условия поставок военного оборудования, в том числе об уплате налогов, иных сборов от таких поставок, должны быть согласованы сторонами в нормах специальных соглашений. Нормы специальных соглашений, предусматривающих взыскание таможенных сборов или налогов от поставок военной продукции для обеспечения Узла Балхаш, отсутствуют. Таким образом, решение иностранного суда противоречит императивным нормам международного договора, а его исполнение ввиду такого противоречия будет нарушать публичный порядок Российской Федерации.

Кроме того, предъявленное к исполнению решение вынесено по публично-правовому спору, поскольку предполагает взыскание таможенных платежей, налогов, пеней в бюджет иностранного государства. Таким образом, указанное иностранное судебное решение не

направлено на защиту частного интереса, обеспечение которого является целью международного правового сотрудничества государств в рамках международного гражданского процесса и реализуется через заключение договоров о правовой помощи по гражданским, семейным, торговым (хозяйственным) делам. Из предмета таких соглашений исключены публично-правовые (налоговые, таможенные, иные административные дела), которые, в силу своей природы, направлены, прежде всего, на защиту интересов государства и обеспечение государственной власти соответствующей страны.

В силу принципа суверенного равенства государств оказание содействия со стороны судебной власти одного государства в формировании финансовой основы (бюджета) суверенной власти другого государства может осуществляться только при наличии явно выраженной воли государств на такое взаимодействие. Однако международные договоры, регламентирующие основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по таможенным и налоговым делам, между Российской Федерацией и Республикой Казахстан отсутствуют.

Предметом обложения таможенными платежами и налогами выступало военное имущество, которое традиционно в силу общих норм международного права, норм законодательства государств об иммунитетах иностранного государства и его имущества обладает судебным и фискальным иммунитетом, иммунитетом в отношении исполнения решения суда (например, ст. 16 Федерального закона Российской Федерации от 23 октября 2015 г. N 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»). Также и войсковая часть, являющаяся федеральным бюджетным учреждением и реализующая в спорных отношениях публичную функцию органа исполнительной власти Российской Федерации (Министерства обороны) по международному военному сотрудничеству обладает судебным иммунитетом от юрисдикции иностранного государства в силу указанного статуса и выполнения публично-правовой функции.

Исполнение решения иностранного суда, которое нарушает нормы о юрисдикционном иммунитете Российской Федерации и фискальном иммунитете ее имущества, противоречит публичному порядку Российской Федерации.

Определение N 305-ЭС16-13303

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

30. Совершенное путем обмана и злоупотребления доверием хищение чужого имущества у нескольких потерпевших при отсутствии единого умысла на совершение мошенничества в особо крупном размере не может расцениваться как продолжаемое преступление, а должно квалифицироваться как совокупность самостоятельных преступлений в зависимости от размера хищения в каждом отдельном случае.

Установлено, что в период 2012 - 2014 гг. П., злоупотребляя доверием потерпевших, убеждала их получить кредит либо добивалась передачи ей денег, обещая совершить в пользу потерпевших определенные действия (оказать помощь в приобретении автомобиля или жилья, получении статуса беженца). При этом П. знала, что погашать кредиты и совершать данные действия не будет. Помимо этого, П., похитив у потерпевшего Т. деньги и не желая их возвращать, организовала его похищение с целью получения выкупа.

Всего П. было похищено у потерпевших денежных средств в особо крупном размере на общую сумму 13 745 690 руб.

По приговору суда П. осуждена по ч. 4 ст. 159 УК РФ на 6 лет лишения свободы со штрафом в размере 400 000 руб. и по ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ на 7 лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений П. назначено 10 лет лишения свободы со штрафом в размере 400 000 руб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденной П., изменила приговор в части квалификации ее действий по ч. 4 ст. 159 УК РФ, указав следующее.

По смыслу уголовного закона, от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление.

Как хищение в особо крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которых превышает один миллион рублей, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в особо крупном размере.

Поскольку судом не установлен умысел П., направленный на хищение денежных средств потерпевших в особо крупном размере, а размер похищенных денежных средств ни у одного из них не превышает один миллион рублей, то действия П. нельзя признать мошенничеством, совершенным в особо крупном размере.

Более того, судом приведены в приговоре фактические обстоятельства, свидетельствующие о том, что каждый раз у П. возникал умысел на совершение мошенничества в разных суммах в отношении различных потерпевших.

Судом также установлено, что свои преступные действия, направленные на хищение чужого имущества в форме мошенничества, совершены П. разными способами: часть из них - путем обмана, часть - путем злоупотребления доверием.

При таких обстоятельствах содеянное П. не может расцениваться как продолжаемое преступление и данные действия образуют совокупность преступлений и подлежат перекалфикации с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, как мошенничество, совершенное с причинением значительного

ущерба гражданину, и, учитывая размер хищения, на ч. 3 ст. 159 УК РФ по каждому эпизоду преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, как мошенничество, совершенное в крупном размере.

При этом объем обвинения П. по данным эпизодам с учетом санкций указанных частей ст. 159 УК РФ не увеличен.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор и переквалифицировала действия П. с ч. 4 ст. 159 УК РФ по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 15 потерпевших, на ч. 2 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на 4 года, по эпизодам преступлений, совершенных в отношении 21 потерпевшего, на ч. 3 ст. 159 УК РФ, по которой назначила наказание за каждое из этих преступлений в виде лишения свободы сроком на 5 лет со штрафом в размере 60 000 руб. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности 15 преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ, а также 21 преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ, окончательно П. назначено 9 лет лишения свободы со штрафом в размере 100 000 руб.

Определение N 83-АПУ17-2

Назначение наказания

31. Лицо не может быть признано злостным нарушителем порядка отбывания наказания, если на момент вступления в силу акта об амнистии факт совершения им нового умышленного преступления в течение испытательного срока условного осуждения не был подтвержден вступившим в законную силу приговором.

По приговору суда от 14 сентября 2016 г. Б., ранее судимый 1 апреля 2009 г. мировым судьей, осужден по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. N 73-ФЗ), по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. N 73-ФЗ). На основании ч. 1 ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 1 апреля 2009 г., окончательно назначено 12 лет 6 месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и исключила указание на применение ч. 5 ст. 74 УК РФ и назначение наказания на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров, указав следующее.

Из материалов уголовного дела следует, что Б. по приговору мирового судьи от 1 апреля 2009 г. осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к 8 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 8 месяцев.

Назначая наказание по данному приговору, суд на основании ч. 5 ст. 74 УК РФ отменил Б. условное осуждение по приговору мирового судьи от 1 апреля 2009 г. и в соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров окончательно назначил ему 12 лет 6 месяцев лишения свободы.

С таким выводом суда первой инстанции согласиться нельзя.

Согласно положениям п. 4 и подп. 6 п. 13 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. N 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» условно осужденные подлежат освобождению от наказания, если они не являются злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

В соответствии с подп. 5 п. 19 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. N 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания при применении акта об амнистии следует считать осужденных, совершивших умышленные преступления в течение установленного судом испытательного срока.

При этом, по смыслу указанного подпункта, факт совершения осужденным нового умышленного преступления в течение установленного судом испытательного срока должен подтверждаться на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию либо вступившим в законную силу итоговым судебным решением (постановлением о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию или обвинительным приговором). При отсутствии на указанный день такого процессуального документа акт об амнистии подлежит применению <1>.

<1> Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. N 6576 ГД и 6578-6 ГД (по амнистии), утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 июля 2015 г.

Как видно из материалов данного уголовного дела, на день вступления в силу акта об амнистии (24 апреля 2015 г.) указанные выше процессуальные документы отсутствовали.

С учетом изложенного основания для применения при назначении наказания положений ч. 5 ст. 74 УК РФ и ст. 70 УК РФ не было.

Определение N 47-АПУ16-9

Процессуальные вопросы

32. Обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, не обладает процессуальным статусом свидетеля по основному уголовному делу и на него не распространяются требования ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответствен-

ности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.

Р. признан виновным в том, что, являясь должностным лицом (начальником управления по административному округу главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации), получил от З. взятку в особо крупном размере в виде денег, иного имущества и незаконного оказания услуг имущественного характера за совершение действий в пользу взяткодателя и осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ (в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 324-ФЗ).

Адвокаты осужденного в апелляционных жалобах просили об отмене приговора и оправдании Р. Защитники осужденного подвергали сомнению достоверность показаний свидетеля З. об обстоятельствах дела, указывая, что с З. было заключено соглашение о сотрудничестве и он был заинтересован в исходе дела. Кроме того, в судебном заседании как свидетель З. не предупреждался об уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, а апелляционные жалобы без удовлетворения по следующим основаниям.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. N 17-П обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, может по ходатайству стороны обвинения участвовать в судебном заседании по основному уголовному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в соучастии в том же преступлении. Такое лицо, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве связанное обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу, на него не распространяются требования ст. 307 и 308 УК РФ об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные Уголовно-процессуальным законом правила предупреждения допрашиваемого лица о такой ответственности.

Материалами дела подтверждается факт заключения с З. досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе относительно обстоятельств дачи им взятки Р.

Таким образом, суд первой инстанции обоснованно разъяснил З. его права, предусмотренные ст. 51 Конституции Российской Федерации, и обязанность исполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве без предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307 - 308 УК РФ. При этом показания З. в судебном заседании, изобличающие Р. в получении взятки, суд оценил в совокупности с другими доказательствами по делу и пришел к выводу об их достоверности, поскольку они подтверждены другим доказательствами, приведенными в приговоре.

Определение N 5-АПУ17-3С

33. В случае изготовления протокола судебного заседания по частям каждая его часть, как и весь протокол в целом, должна быть подписана председательствующим и секретарем. Отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и влечет отмену приговора.

Как усматривается из материалов уголовного дела в отношении Ц., протокол судебного заседания суда состоял из нескольких частей. Первая его часть, отражающая ход судебного разбирательства начиная с 16 января 2013 г. и до объявления перерыва, составлена секретарем К., затем с 25 января 2013 г. до объявления перерыва протокол судебного заседания вела секретарь В., а с 15 февраля 2013 г. - вновь К., которая вела протокол судебного заседания до 22 февраля 2013 г.

В судебных заседаниях с 16 января до 15 февраля 2013 г. были допрошены Ц., ряд свидетелей и исследованы доказательства по делу, положенные в основу приговора, по которому Ц. был осужден по ч. 1 ст. 228 УК РФ (в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. N 87-ФЗ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, отменила приговор по следующим основаниям.

Согласно ст. 245, 259 УПК РФ в судебном заседании ведется протокол судебного заседания, в котором излагаются действия и решения суда, а равно действия участников судебного разбирательства, полно и правильно отражаются все необходимые сведения о ходе рассмотрения дела. Полнота и правильность изготовления протокола должна быть заверена подписью председательствующего и секретаря судебного заседания. Протокол в ходе судебного заседания может изготавливаться по частям, которые, как и протокол в целом, подписываются председательствующим и секретарем.

В нарушение закона части протокола судебного заседания не были подписаны секретарями судебного заседания, которые их составляли, и председательствующим. Полнота и правильность изложения хода судебного заседания и исследования доказательств надлежаще не заверены.

Отсутствие протокола судебного заседания в том виде, в каком он должен быть оформлен и содержать необходимые реквизиты в соответствии с требованиями УПК РФ, свидетельствует о несоблюдении судом обязательной к исполнению процедуры фиксации уголовного процесса, что ставит под сомнение законность и обоснованность вынесенного приговора.

В силу п. 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ отсутствие в уголовном деле надлежаще оформленного протокола судебного заседания является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 266 УПК РФ председательствующий объявляет состав суда, сообщает, кто является обвинителем, защитником, потерпевшим, разъясняя сторонам право заявления отвода, а в соот-

ветствии с п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ подсудимый вправе заявить отвод государственному обвинителю.

Указанные требования закона при рассмотрении данного уголовного дела судом первой инстанции не выполнены, поскольку в ходе судебного разбирательства 5 февраля 2013 г. произошла замена государственного обвинителя и в нарушение положений ст. 47, 266 УПК РФ председательствующий не выяснил у стороны защиты наличие отводов государственному обвинителю К.

Из приговора следует, что уголовное дело рассмотрено с участием государственного обвинителя Ф., однако после замены государственного обвинителя 5 февраля 2013 г. протокол не содержит сведений о продолжении рассмотрения уголовного дела с ее участием.

Помимо изложенного, исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 11 и ч. 2 ст. 16 УПК РФ обязанность разъяснить обвиняемому его права и обязанности, а также обеспечить возможность реализации этих прав возлагается в ходе судебного производства на суд.

Между тем из протокола судебного заседания видно, что Ц. не разъяснялось право на участие в прениях сторон, слово в прениях ему не было предоставлено, и данных о том, что он отказался от участия в прениях, не имеется.

Судебная коллегия отменила приговор и последующие судебные решения в отношении Ц., а уголовное дело передала на новое судебное рассмотрение иным составом суда.

Определение N 46-УД17-3

34. Оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право указанных лиц на представление доказательств, в частности право стороны обвинения на допрос свидетеля.

По приговору суда, вынесенному с участием присяжных заседателей, Б. осужден по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158 и п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Он же оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, за непричастностью к его совершению.

В апелляционном представлении заместитель прокурора просил приговор отменить и направить дело на новое рассмотрение. По мнению прокурора, суд ограничил сторону обвинения в представлении доказательств, отказав в допросе свидетеля под псевдонимом «И», что повлияло на необоснованное оправдание Б. за убийство и переквалификацию его действий с разбоя на кражу.

Потерпевшая Г. в апелляционной жалобе также просила об отмене приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор в части осуждения Б. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и оправдания по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК

РФ, а уголовное дело передала на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом со стадии отбора кандидатов в присяжные заседатели.

Судебная коллегия мотивировала свое решение следующим.

Из протокола судебного заседания следует, что наряду с иными доказательствами по эпизоду обвинения Б. в разбойном нападении на П. и его убийстве стороны обвинения были представлены показания свидетеля, указанного в списке обвинительного заключения под псевдонимом «И», чьи анкетные данные в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ сохранены в тайне на основании постановления следователя.

Показания свидетеля приведены в обвинительном заключении как доказательство стороны обвинения. Сторона обвинения от допроса указанного свидетеля не отказывалась и ходатайствовала о его вызове и допросе в судебном заседании.

Вместе с тем судом было отказано в допросе названного свидетеля. При этом, как указал суд, «его показания не относятся к существу предъявленного Б. обвинения».

В то же время из содержания приведенных в обвинительном заключении показаний свидетеля «И» следует, что его показания имеют прямое и непосредственное отношение к существу предъявленного Б. обвинения. Недопустимым доказательством его показания не признавались.

При таких обстоятельствах отказ в допросе свидетеля под псевдонимом «И» повлек ограничение права стороны обвинения на представление доказательств, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, в связи с чем приговор в части оправдания Б. по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит отмене. Поскольку обвинение в указанном преступлении связано с обвинением по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, действия по которой с учетом вердикта присяжных заседателей судом переквалифицированы на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, приговор также подлежит отмене и в части осуждения Б. по указанному составу преступления.

При новом рассмотрении суду надлежит создать участникам процесса со стороны как защиты, так и обвинения необходимые условия для осуществления предусмотренных законом прав.

Определение N 33-АПУ17-1СП

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

35. При определении размера удержаний из пенсии, являющейся для должника-гражданина единственным источником дохода, следует исходить в том числе из принципа неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника и членов его семьи.

Судебным приставом-исполнителем в отношении должников С. и А. возбуждены исполнительные производства, предметом которых являлось взыскание в пользу банка денежных средств.

Также судебным приставом-исполнителем вынесены постановления о направлении копии исполнитель-

ного документа для исполнения в пенсионный орган с требованием осуществлять удержания из пенсии должников ежемесячно в размере пятидесяти процентов от дохода каждого.

С. и А. обратились к судебному приставу-исполнителю с ходатайством об установлении указанных удержаний в размере двадцати процентов, ссылаясь на тяжелое материальное положение.

В ответе старшего судебного пристава заявителям разъяснено право обратиться в суд с заявлением о предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения судебного акта, а также указано, что ст. 99 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 221-ФЗ «Об исполнительном производстве», устанавливая предельный размер удержаний (не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов), не ограничивает их фактическую сумму величиной прожиточного минимума.

С. и А. обратились в суд с административным иском заявлением об оспаривании ответа старшего судебного пристава и бездействия указанного должностного лица, выразившегося в ненаправлении им этого ответа и неразрешении в установленном порядке ходатайства о снижении размера удержаний. Просили возложить на судебного пристава-исполнителя обязанность установить минимальный размер удержаний, поскольку они являются инвалидами II группы, имеющийся в их распоряжении остаток денежных средств не позволяет приобретать жизненно важные медикаменты и продукты питания.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

При рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд проверяет законность решения, действия (бездействия) в части, которая оспаривается, и в отношении лица, которое является административным истцом.

При этом суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении о признании незаконными решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, и выясняет обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в полном объеме (ч. 8 ст. 226 КАС РФ).

Порядок рассмотрения заявления, ходатайства лиц, участвующих в исполнительном производстве, определяется ст. 64.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Должностное лицо службы судебных приставов по результатам рассмотрения заявления, ходатайства выносит постановление об удовлетворении полностью или частично либо об отказе в удовлетворении заявления, ходатайства, копия которого не позднее дня,

следующего за днем его вынесения, направляется заявителю, должнику, взыскателю, а также в суд, другой орган или должностному лицу, выдавшим исполнительный документ (чч. 5 и 7 указанной статьи).

Вместе с тем, судебный пристав-исполнитель приведенные предписания закона не исполнил, на ходатайство об установлении меньшего размера удержаний ответил письмом, поставленные заявителями вопросы по существу не рассмотрел.

В нарушение предписаний ч. 1 ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве», содержащей открытый перечень исполнительных действий, направленных на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе, судебный пристав-исполнитель не проверил и не оценил обстоятельства, на которые ссылались в ходатайстве административные истцы, ограничившись ссылкой на то, что законодательство об исполнительном производстве не предусматривает при обращении взыскания на заработную плату или иной ежемесячный доход должника обязательного учета такого критерия, как прожиточный минимум.

Исходя из положений ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве», при исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) допускается возможность удержания не более пятидесяти процентов заработной платы и иных доходов должника-гражданина.

Вместе с тем при совершении исполнительных действий судебный пристав-исполнитель не вправе игнорировать принципы исполнительного производства, закрепленные в ст. 4 названного закона, а именно принципы законности, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи.

Поскольку исполнение судебного решения не должно приводить к нарушению прав и законных интересов должника и осуществляться без учета основополагающих принципов исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель вправе устанавливать размер удержаний с учетом материального положения должника.

Определение N 45-КГ16-27

36. Правоотношения в сфере кадастрового учета носят публичный характер, в связи этим дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органа, осуществляющего государственный кадастровый учет недвижимого имущества, подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.

К. обратился в суд с административным иском заявлением к ФГБУ «ФКП Росреестра» об оспаривании действий, связанных с осуществлением кадастрового учета. В обоснование требований указал, что площадь принадлежащего ему на праве собственности земельного участка помимо его воли уменьшилась в результате внесения в государственный кадастр недвижимо-

сти изменений по инициативе собственника смежного земельного участка.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, производство по административному делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 128 и п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ. При этом суды исходили из того, что в результате осуществления кадастрового учета в связи с уточнением площади и местоположения границ земельных участков произошло существенное уменьшение площади земельного участка административного истца, в связи с чем имеется спор о праве на земельный участок, связанный с определением его границ, затрагивающий права и законные интересы собственников смежных земельных участков и подлежащий разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, которая в каждом конкретном деле осуществляется в одной из форм отправления правосудия, в том числе путем обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2).

В силу п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном данным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц, порядок производства по которым предусмотрен гл. 22 названного кодекса.

Положения ч. 1 ст. 218 КАС РФ предоставляют гражданину право обратиться в суд с требованиями об оспаривании действий (бездействия) органа государственной власти, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, если он полагает, что нарушены его права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов.

Пунктами 3, 6 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 2007 г. N 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» определен состав сведений государственного кадастра недвижимости об объекте недвижимости, включающий описание местоположения границ объекта недвижимости и площадь, если объектом недвижимости является земельный участок.

Постановка на учет объекта недвижимости, учет изменений объекта недвижимости, учет части объекта недвижимости, учет адреса правообладателя или снятие с учета объекта недвижимости осуществляется в случае принятия органом кадастрового учета соответствующего решения об осуществлении кадастрового учета (ч. 1 ст. 23 названного закона).

В силу пп. 4, 5.1.3 Положения о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2009 г. N 457, названный орган осуществляет государственный кадастровый учет недвижимого имущества, в том числе через подведомственные организации, которой является ФГБУ «ФКП Росреестра».

Анализ приведенных законоположений позволяет сделать вывод о том, что оспаривание решения государственного органа является одним из способов защиты права, выбор которого предоставлен лицу, обращающемуся за такой защитой.

К административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

Поскольку ФГБУ «ФКП Росреестра» реализует административные и иные публичные полномочия по исполнению и применению законов в сфере кадастрового учета, где отношения не основаны на равенстве сторон, требования об оспаривании решения названного органа об изменении сведений кадастрового учета в отношении принадлежащего административному истцу на праве собственности земельного участка вытекают из публичных правоотношений и подлежат рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства.

Определение N 11-КГ16-20

37. Вмешательство со стороны публичных властей в осуществление права на уважение личной и семейной жизни допускается лишь в случае, если такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, для охраны здоровья или нравственности, защиты прав и свобод других лиц.

Б. обратился в суд с административным иском заявлением о признании незаконным решения о не разрешении въезда в Российскую Федерацию. В обоснование требований указал, что оспариваемое решение принято без учета принципа соразмерности, а также фактических обстоятельств, связанных с его личной и семейной жизнью, длительностью пребывания в Российской Федерации и т.д.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен.

Суд апелляционной инстанции указанное решение отменил, принял новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила

в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Судами установлено, что Б., являясь гражданином Исламской республики Иран, проживает в Российской Федерации длительное время вместе с родителями и братьями, получил основное общее и высшее профессиональное образование, трудоустроен, женат на гражданке Российской Федерации.

Поскольку Б. семь раз привлекался к административной ответственности за совершение административных правонарушений в области дорожного движения (нарушение правил применения ремней безопасности, превышение установленной скорости движения и т.д.), уполномоченным органом принято оспариваемое решение.

В силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель, а также являться необходимым в демократическом обществе.

При этом суду при рассмотрении дела всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В силу положений статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Установленные судом первой инстанции обстоятельства дела свидетельствуют о том, что у административного истца фактически утрачены связи с Исламской республикой Иран, в связи с чем указанное решение уполномоченного органа свидетельствует о чрезмерном ограничении права на уважение частной жизни и является несоразмерным тяжести совершенных Б. административных правонарушений, характер которых не свидетельствует о проявлении крайнего неуважения к законодательству Российской Федерации.

В этой связи Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации признаны правомерными выводы суда первой инстанции о наличии оснований для удовлетворения административного искового заявления.

Определение N 25-КГ16-16

38. Действующее процессуальное законодательство наделяет прокурора правом на обращение в суд с административным иском о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке в интересах неопределенного круга лиц.

Прокурор обратился в суд в интересах неопределенного круга лиц с административным иском о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Определением судьи районного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в принятии административного искового заявления отказано, поскольку закон не наделяет прокурора правом обращения в суд с указанными требованиями.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила, направив материал в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия административного искового заявления к производству суда, указав следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 281 КАС РФ в отношении гражданина, больного заразной формой туберкулеза и неоднократно нарушавшего санитарно-противоэпидемический режим либо умышленно уклоняющегося от обследования в целях выявления туберкулеза или от лечения туберкулеза, может быть подано административное исковое заявление о его госпитализации в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

В соответствии с ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор вправе обратиться в суд с административным иском о защите прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а также в других случаях, предусмотренных федеральными законами.

Положения данной статьи об участии прокурора в административном деле являются общими и распространяют свое действие на производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке.

Согласно п. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства.

Административное исковое заявление о госпитализации П. в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке предъявлено прокурором в целях обеспечения и защиты конституционных прав граждан, поскольку П. страдает открытой формой туберкулеза и его уклонение от лечения создает угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц.

Поскольку указанное административное исковое заявление подано прокурором исходя из предостав-

ленных ему законом полномочий, правовых оснований для отказа в принятии этого административного искового заявления не имелось.

Определение N 78-КГПР16-67

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

39. Оставление судом без внимания положений закона, согласно которому присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении, повлекло отмену судебного акта.

Решением Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Е. в той части, в которой он просил возложить на начальника Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю (далее - Пограничное управление) обязанность по представлению административного истца к присвоению воинского звания «лейтенант», а также направлению необходимых документов для его назначения в Пограничном управлении на соответствующую его военно-учетной специальности воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

По делу установлено, что Е., проходивший обучение в Хабаровском Пограничном институте ФСБ России и заключивший контракт о прохождении военной службы на период его обучения и последующие 5 лет после окончания, отчислен за неуспеваемость с освобождением его от воинской должности курсанта, после чего он был переведен к новому месту военной службы в Пограничное управление, где заключил новый контракт о прохождении военной службы и назначен на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание «старший сержант».

В мае 2014 года Е. был командирован для сдачи итоговых экзаменов и приказом начальника Пограничного института допущен к пересдаче государственного междисциплинарного экзамена. По результатам итоговой аттестации ему выдан диплом специалиста - выпускника Пограничного института.

В ноябре 2015 года начальником Пограничного управления со ссылкой на разъяснения начальника Пограничного института в удовлетворении рапорта Е. о его представлении к присвоению первого воинского звания офицера - «лейтенант» отказано.

Удовлетворяя частично административное исковое заявление и признавая данный отказ должностного лица незаконным, гарнизонный военный суд, с выводами которого согласился флотский военный суд, исходил из того, что Е., не имевший воинского звания

офицера, продолжив службу в органах ФСБ России и успешно окончив высшее военно-учебное заведение с получением соответствующего диплома, приобрел право на присвоение воинского звания «лейтенант» и замещение вакантной офицерской должности в Пограничном управлении, соответствующей его военно-учетной специальности.

Эти выводы судов основаны на неправильном толковании и применении норм материального права.

В подп. «а» п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы определено, что воинское звание лейтенанта присваивается военнослужащему, не имеющему воинского звания офицера, либо военнослужащему, имеющему воинское звание младшего лейтенанта, независимо от срока военной службы в этом воинском звании, окончившему высшее или среднее военно-учебное заведение, - по окончании указанного заведения.

Согласно п. 17 гл. 2 Инструкции об организации работы по подготовке, оформлению и представлению документов к присвоению воинских званий военнослужащим органов федеральной службы безопасности, утвержденной приказом ФСБ России от 26 января 2013 г. N 36/ДСП, представление к присвоению первого воинского звания курсанту (слушателю) и выпускнику образовательного учреждения ФСБ России подписывается начальником этого образовательного учреждения.

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении.

Как усматривается из материалов дела, Е., будучи отчисленным из Пограничного института, впоследствии был допущен лишь к пересдаче одного из итоговых государственных экзаменов, однако в институте установленным порядком он не восстанавливался, курсантом данного образовательного учреждения не являлся, соответствующий контракт о прохождении военной службы утратил силу, а его аттестация на предмет присвоения первого звания офицера не проводилась.

Таким образом, истец требованиям законодательства, предъявляемым к кандидатам на присвоение по окончании учебной организации первого звания офицера, на момент его обращения с соответствующим рапортом не отвечал, а начальник Пограничного управления не являлся компетентным лицом в решении этого вопроса.

Кроме того, Е. в Пограничном управлении проходил военную службу на воинской должности, для которой штатом предусмотрено звание «старший сержант».

Следовательно, у начальника этого управления, исходя из содержания п. 2 ст. 21 Положения о порядке прохождения военной службы, не имелось оснований ходатайствовать перед вышестоящим командованием о присвоении Е. первого офицерского звания, что допускается лишь при замещении военнослужащим не имеющим офицерского воинского звания воинской должности офицера.

С учетом изложенного выводы судов о возникшем у Е. праве на присвоение воинского звания «лейтенант» являются ошибочными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 г. и апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 г. по административному исковому заявлению Е. в части удовлетворения требований об оспаривании действий начальника Пограничного управления и приняла по делу в этой части новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

Определение N 211-КГ16-33

40. Неоднократные нарушения военнослужащим воинской дисциплины могут явиться основанием для его увольнения в связи с несоблюдением условий контракта о прохождении военной службы.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении административного искового заявления А., в котором она просила признать незаконным заключение аттестационной комиссии воинской части от 8 июня 2015 г. о целесообразности увольнения ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и приказ командира воинской части от 16 июня 2016 г. о ее увольнении по указанному основанию и исключении в связи с этим из списков части.

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 17 марта 2016 г. решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования А. удовлетворены.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение окружного военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что А. проходила военную службу по контракту в пограничных органах ФСБ России на воинской должности контролера контрольно-пропускного пункта отдела (пограничной комендантуры).

В период с декабря 2014 года по апрель 2015 года А. трижды привлекалась к дисциплинарной ответственности: 15 января 2015 г. ей объявлен выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона; 3 февраля 2015 г. - выговор за отсутствие 31 декабря 2014 г. доклада о прибытии с лечения, грубое и некорректное обращение с начальником подразделения; 10 апреля 2015 г. - строгий выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона.

Неоднократные нарушения воинской дисциплины, а также то, что принимаемые командованием в отношении административного истца меры дисциплинарного воздействия воспитательного эффекта не имели, послужило основанием для оценки ее служебной деятельности аттестационной комиссией, которая пришла к выводу, что А. перестала удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, прохо-

дящим военную службу по контракту, в связи с чем ходатайствовала об увольнении ее с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командира воинской части от 16 июня 2015 г. А. уволена с военной службы в связи с невыполнением ею условий контракта и исключена из списков личного состава воинской части.

Отказывая в удовлетворении требований А., суд первой инстанции исходил из того, что процедура увольнения административного истца с военной службы командованием соблюдена, а неоднократное ее привлечение в период прохождения военной службы к дисциплинарной ответственности свидетельствует о систематических нарушениях с ее стороны условий контракта.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд в том числе указал, что совершенные А. дисциплинарные проступки грубыми не являются, данных о совершении ею уголовного или административного проступков в материалах дела не имеется.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном толковании закона.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее - Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе») условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно пп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Аналогичные положения закреплены в пп. «в» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Досрочное увольнение А. с военной службы было произведено вследствие невыполнения ею условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к служебным обязанностям, в том числе в совершении ряда дисциплинарных проступков при наличии неснятых дисциплинарных взысканий, а также подтвержденного неудовлетворительными оценками по предметам оперативно-боевой подготовки, отрицательной характеристикой по службе. Приведенные обстоятельства обоснованно послужили поводом для постановки вопроса о ее соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии негативных последствий проступков А. и об их незначительности для военной службы не может быть признан правомерным, поскольку решение этих вопросов относится к дискреционным полномочиям воинских должностных лиц.

Согласно ст. 81 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом

Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. N 1495 (далее - Дисциплинарный устав), определение вины и степени тяжести совершенного военнослужащим дисциплинарного проступка находится в компетенции должностных лиц, уполномоченных проводить разбирательство и привлекать виновного военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Решение по вопросу досрочного увольнения А. с военной службы было принято в пределах полномочий воинских должностных лиц и с соблюдением процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы.

Оснований для сомнений в правильности действий административных ответчиков в процессе проведения аттестации А. не имеется.

Приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что заключение аттестационной комиссии о несоответствии А. занимаемой должности и целесообразности в связи с этим ее досрочного увольнения с военной службы, а также приказ командира воинской части в части досрочного увольнения административного истца с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков части являются законными.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение окружного военного суда Судебной коллегией по делам военнослужащих было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Определение N 204-КГ16-7

41. Поскольку истец по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Решением Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 27 апреля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 21 июля 2016 г., Е. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным сообщение врио руководителя Федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России (далее - ФГКУ «Востокрегионжилье») от 29 февраля 2016 г. об отсутствии оснований для выплаты ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, как участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а также возложить на руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» обязанность по повторному рассмотрению его заявления с принятием решения о выплате указанных денежных средств.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Е., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что

при рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Е. в ноябре 2000 года был вселен в качестве члена семьи в квартиру, принадлежащую на праве собственности его родителям и находящуюся в г. Наро-Фоминске Московской области.

После поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение, дислоцированное в г. Смоленске, Е. выселился из указанной квартиры, а после окончания военно-учебного заведения он проходил военную службу в воинских частях, дислоцированных в г. Коврове Владимирской области, г. Ельне Смоленской области и с. Домна Забайкальского края.

В июне 2013 года истец приобрел в собственность в г. Наро-Фоминске Московской области квартиру как участник накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а в декабре 2015 года обратился в ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением о выплате ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, указав, что он не является нанимателем или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, собственником либо членом семьи собственника жилого помещения.

Приказами воинских должностных лиц от 24 декабря 2015 г. и от 26 декабря 2015 г. Е. уволен в отставку по состоянию здоровья - в связи с признанием его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе, и исключен из списков части.

1 февраля 2016 г. истец снялся с регистрационного учета из квартиры родителей и зарегистрировался по адресу квартиры, принадлежащей ему на праве собственности.

Сообщением врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» от 29 февраля 2016 г. заявление Е. о выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, было оставлено без удовлетворения ввиду того, истец в 2000 году вселен в жилое помещение, расположенное в г. Наро-Фоминске Московской области, как член семьи основного квартиросъемщика (собственника) жилого помещения, право пользования которым им не утрачено.

Признавая отказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что наличие у Е. права пользования жилым помещением, принадлежащим его отцу, является прямым основанием для отказа в выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, окружной военный суд дополнительно указал, что непроживание Е. в квартире родителей не свидетельствует о том, что он не является членом их семьи, поскольку истец дал родителям согласие на приватизацию и до момента снятия с регистрационного учета за ним сохранялось право пользования этим жилым помещением.

Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона.

Согласно пунктам 1 и 15 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»

обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, жилыми помещениями может быть реализовано в форме предоставления им денежных средств в рамках накопительно-ипотечной системы, условия и порядок участия в которой установлены Федеральным законом от 20 августа 2004 г. N 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее - Закон о накопительно-ипотечной системе).

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы осуществляется посредством формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений, предоставления целевого жилищного займа и выплаты денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы могла бы составить двадцать лет.

Выплата денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, в силу ч. 2 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, производится военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договору социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе.

Из изложенного следует, что установление принадлежности истца к членам семьи собственников жилого помещения имеет существенное значение для дела, на что правильно указано в судебных актах.

Вместе с тем, признавая Е. членом семьи собственников жилого помещения - своих родителей, суды оставили без внимания, что истец после поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение выселился из этого жилого помещения и никогда туда больше не вселялся, а после окончания военной службы поселился и зарегистрировался в квартире, приобретенной в собственность за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

Это обстоятельство является юридически значимым.

В соответствии с абзацем одиннадцатым п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования)

сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения, лишь на первые пять лет военной службы.

О сохранении за ними права на жилые помещения, занимаемые до поступления на военную службу, на более длительный срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не содержит, а по общему правилу, в силу ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, обязательным условием отнесения супруга собственника жилого помещения, а также его детей и родителей к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание.

Поскольку по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения Е. в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Сохранение истцом в период военной службы регистрации в квартире, принадлежащей на праве собственности его родителям, - с учетом фактического выселения из этой квартиры в 2004 году, отсутствия ведения с этого времени общего хозяйства с ними и приобретения в собственность отдельного жилья, - не может свидетельствовать о продолжении отнесения его к членам семьи собственников жилого помещения.

Что касается дачи Е. согласия на приватизацию квартиры своим родителям, то данное обстоятельство могло иметь юридическое значение в случае его фактического проживания в жилом помещении после дачи такого согласия, поскольку согласно чч. 2 и 4 ст. 69 ЖК РФ (до 1 марта 2005 г. - ст. 53 ЖК РСФСР) равные права с нанимателем жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, имеют члены семьи нанимателя и бывшие члены семьи нанимателя, продолжающие проживать в занимаемом жилом помещении.

Не усматривается в действиях истца, связанных с выселением из жилого помещения, принадлежащего на праве собственности его родителям, признаков злоупотребления правом.

При таких данных распространение на Е. ограничений для получения денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, установленных ч. 2 ст. 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, а именно отнесение его к членам семьи собственника жилого помещения, нарушает его права.

С учетом изложенного сообщение врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилье» об отсутствии оснований для выплаты истцу денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, и выводы судов о правомерности такого сообщения на законе не основаны.

Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита нарушен-

ных жилищных прав истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных актов и принятия по делу нового решения об удовлетворении заявления.

Определение N 201-КГ17-16

42. Не считаются командировками поездки военнослужащих на учебные сборы по подготовке к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования

Решением Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконным отказ руководителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республике Саха (Якутия)» (далее - ФКУ УФО) в производстве выплаты командировочных расходов для прохождения предварительного и профессионального отборов приемной комиссией для зачисления в военную образовательную организацию высшего образования в качестве слушателя.

В кассационной жалобе руководитель ФКУ УФО, указав на то, что поездки истца для предварительного и профессионального отборов не являлись служебными командировками, и были обусловлены поступлением в военно-учебное заведение, просил судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела усматривается, что подполковник З. был направлен в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж, после чего обратился за компенсацией командировочных расходов. Получив отказ в их компенсации, З. обратился в суд.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суды исходили из того, что направление З. для прохождения предварительного и профессионального отборов осуществлялось в соответствии с приказами командира воинской части, изданными на основании поступивших от вышестоящих воинских должностных лиц указаний и плана служебных командировок Военно-воздушных сил на 2015 год, с выдачей последнему командировочного удостоверения. В этой связи суды, руководствуясь п. 20 и 36 приказа Министра

обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. N 185, пришли к выводу о том, что положения подп. «г» и «д» п. 125 Порядка, утвержденного Приказом N 2700 (в редакции, действовавшей на момент спорных отношений), не распространяют свое действие на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения, а поэтому З. в феврале и мае 2015 года пребывал в служебной командировке и вправе претендовать на возмещение командировочных расходов.

Между тем такой вывод основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализующих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения.

Порядок и условия приема в образовательные организации высшего образования, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утверждены приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. N 185 (далее - Порядок).

Согласно п. 8, 20, 30 Порядка прием на обучение в вузы включает комплекс мероприятий по отбору кандидатов на обучение слушателями и курсантами, соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и условиям, предусмотренных Порядком (далее - предварительный отбор), а также определению их способности осваивать образовательные программы соответствующего уровня и направленности (далее - профессиональный отбор). Предварительный отбор кандидатов из числа офицеров, поступающих в вузы на обучение слушателями, в соответствии с частными планами предварительного отбора организуется командирами воинских частей и осуществляется в целях направления в вуз для прохождения профессионального отбора наиболее подготовленных офицеров. Профессиональный отбор кандидатов из числа офицеров проводится ежегодно с 15 по 30 мая года приема в вуз приемными комиссиями высших военно-учебных заведений, в целях определения способности поступающих осваивать образовательные программы соответствующего уровня.

Исходя из изложенного, предварительный и профессиональный отборы являются неотъемлемой частью единого процесса приема в образовательные организации высшего образования.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в соответствии с п. 125 приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. N 2700 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений) не считаются командировками поездки военнослужащих при выездах, связанных с поступлением на обучение

и обучением в заочных федеральных государственных профессиональных образовательных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, заочной адъюнктуры, а также при выездах на учебные сборы по подготовке военнослужащих к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования.

Эти положения, вопреки выводу судов, распространяют свое действие также на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения.

Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в военно-учебные заведения военнослужащим предоставляются учебные отпуска по основаниям и в порядке, предусмотренном п. 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Кроме того, в соответствии с абз. 4 п. 2 Инструкции о планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 мая 2012 г. N 1055, при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с направлением военнослужащего по распоряжению командира (начальника), на определенный срок, в другую местность и для выполнения конкретного служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временно-го расквартирования воинской части (подразделения), в которой военнослужащий проходит военную службу.

Только при наличии всех вышеперечисленных условий можно сделать вывод о нахождении военнослужащего в служебной командировке.

Из материалов же дела не усматривается, что направление З. в период с 4 по 14 февраля 2015 г. для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 г. для прохождения профессионального отбора приемной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж было обусловлено выполнением служебного задания.

При таких данных прохождение З. предварительного и профессионального отборов в период с 4 по 14 февраля и с 13 по 26 мая 2015 г. является неотъемлемой частью единого процесса поступления в вуз и не было обусловлено выполнением им служебного задания, в связи с чем не может быть признано служебной командировкой.

С учетом этого оснований для компенсации З. командировочных расходов не имелось, а действия руководителя ФКУ УФО являются законными и обоснованными.

Применение судами п. 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. N 185 к вопросу оплаты командировочных расходов является ошибочным, поскольку данные правоотношения регламентируются иными нормами материального права - приказами Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. N 2700, а также от 2 мая 2012 г. N 1055 «О планировании служебных

командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий».

Приведя указанные доводы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 г. по заявлению З. и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении его требований.

Определение N 208-КГ16-42

43. Лицо, указавшее в ходе следствия место хранения им оружия, боеприпасов и взрывного устройства, подлежало освобождению от уголовной ответственности по статьям 222 и 222.1 УК РФ, поскольку до сообщения о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 25 ноября 2016 г. Т. признан виновным в том числе в незаконном хранении и ношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывного устройства, совершенных организованной группой, и осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 222 УК РФ и ч. 3 ст. 222.1 УК РФ.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: на основании примечания к ст. 222.1 УК РФ в части осуждения Т. по ч. 3 ст. 222.1 УК РФ приговор отменила и уголовное дело прекратила; на основании примечания к ст. 222 УК РФ исключила из обвинения Т. по ч. 3 ст. 222 УК РФ указание о признании его виновным в ношении и хранении автомата АК-74, 26 патронов к нему, ручной гранаты Ф-1, изъятых при проверке его показаний; смягчила Т. наказание по ч. 3 ст. 222 УК РФ и по совокупности других преступлений.

В обоснование Судебная коллегия по делам военнослужащих привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Т. 12 апреля 2015 г. получил от руководителя незаконного вооруженного формирования автомат АК-74, боеприпасы - пять магазинов, снаряженных 150 патронами, ручную гранату Ф-1 и взрывное устройство УЗРГМ-2. Автомат и патроны Т. незаконно хранил и носил при себе до октября 2015 г., после чего дополнительно получил у иного участника банды автомат АК-74 и 31 патрон к нему, которые незаконно хранил и носил при себе до 16 октября 2015 г.

Один автомат АК-74, 26 патронов к нему, 5 гильз, ручную гранату Ф-1 и запал к ней УЗРГМ-2 были изъяты 16 июня 2016 г. в ходе проверки показаний Т.

Таким образом, один автомат АК-74 и боеприпасы - пять магазинов, снаряженных 150 патронами, полученные Т. от руководителя незаконного вооруженного формирования 12 апреля 2015 г., с обвинением в ношении и хранении которых в составе организованной группы он согласился, им добровольно не сданы, что не оспаривается в апелляционной жалобе. В связи с этим оснований для освобождения Т. от уголовной

ответственности по всему объему обвинения по ч. 3 ст. 222 УК РФ не имеется.

Вместе с тем доводы апелляционной жалобы о необходимости исключения из осуждения Т. на основании примечаний к ст. 222 и 222.1 УК РФ обвинения в ношении и хранения предметов, изъятых органами предварительного следствия 16 июня 2016 г. в месте, указанном Т. в ходе допроса в качестве обвиняемого (оружия и боеприпасов - одного автомата АК-74, 26 патронов к нему, гранаты Ф-1 и взрывного устройства - запала УЗРГМ-2), являются обоснованными.

Судом установлено, что до сообщения Т. о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осужденный мог продолжать их хранение.

При таких данных оснований для непризнания указанного сообщения добровольной сдачей этих предметов и для отказа в исключении из приговора указания об осуждении Т. за их ношение и хранение не имеется.

Тот факт, что названные предметы были изъяты в ходе проверки показаний Т., не исключает возможности применения примечаний к ст. 222 и 222.1 УК РФ, поскольку производство данного следственного действия стало возможным лишь в результате сообщения осужденного о месте их хранения, то есть после совершения действий по добровольной выдаче.

Также не препятствует применению примечания к ст. 222 и 222.1 УК РФ то обстоятельство, что данную информацию Т. довел до органов предварительного следствия после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как действующее законодательство не содержит указаний о недопустимости освобождения лица от уголовной ответственности по данному основанию после удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения.

Апелляционное определение N 205-АПУ17-7

44. Если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 г. К. признан виновным и осужден за склонение двух граждан в совершение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, и за покушение на участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля У., данные им в ходе предварительного расследования.

Как усматривается из протокола судебного заседания, показания свидетеля У., несмотря на возражения стороны защиты, были оглашены по ходатайству государственного обвинителя по причине заболевания свидетеля и нахождения его на больничном. В дальнейшем сторона защиты неоднократно ходатайствовала о вызове и непосредственном допросе У. в судебном заседании, однако в удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Между тем в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля допускается в случае тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, а нахождение свидетеля У. на больничном к такому случаю не относится.

Кроме того, согласно ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Поскольку К. в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена такая возможность, то предусмотренных законом оснований для оглашения показаний свидетеля У. в судебном заседании не имелось, а поэтому они подлежат исключению из приговора.

Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании доказательствах, отвечающих требованиям закона.

Апелляционное определение N 205-АПУ17-4

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. Вправе ли заказчик требовать от подрядчика возмещения расходов на устранение недостатков работ в случае, когда договором подряда не предусмотрено право заказчика их устранять, а подрядчик уклонился от исполнения соответствующего требования заказчика?

ОТВЕТ. В силу п. 1 ст. 723 ГК РФ в случаях, когда работа выполнена подрядчиком с отступлениями от договора подряда, ухудшившими результат работы, или с иными недостатками, которые делают его не пригодным для предусмотренного в договоре использования либо при отсутствии в договоре соответствующего условия непригодности для обычного использования, заказчик вправе, если иное не установлено законом или договором, по своему выбору потребовать от подрядчика: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; соразмерного уменьшения установленной за работу цены; возмещения своих расходов на устранение недостатков, когда право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда (ст. 397).

Содержащееся в п. 1 ст. 723 ГК РФ указание на то, что названные расходы возмещаются, когда право

заказчика устранять недостатки предусмотрено в договоре, направлено на защиту интересов подрядчика от действий заказчика по изменению результата работ без привлечения подрядчика, а также на уменьшение расходов заказчика, поскольку предполагается, что именно подрядчик, выполнивший работы, имеет полную информацию об их результате и, соответственно, может устранить возникшие недостатки наименее затратным способом.

Следовательно, заказчик вправе требовать возмещения расходов на устранение недостатков работ своими силами или силами третьего лица не обращаясь к подрядчику, лишь в случае, когда такое право установлено договором подряда.

При этом п. 1 ст. 723 ГК РФ не может быть истолкован как ограничивающий право заказчика на возмещение расходов на устранение недостатков в случае, если он, действуя добросовестно, предпринял меры по привлечению подрядчика к устранению недостатков, то есть направил последнему требование об их устранении в срок предусмотренный законом, иным нормативным актом или договором, а при его отсутствии - в разумный срок (в том числе незамедлительно, если это требовалось по характеру недостатков), однако подрядчик уклонился от устранения недостатков работ. В таком случае расходы заказчика на устранение недостатков работ подлежат возмещению (ст. 15, 393, 721 ГК РФ).

ВОПРОС 2. Соответствует ли закону условие договора субподряда о том, что срок оплаты выполненных субподрядчиком строительных работ исчисляется с момента сдачи генеральным подрядчиком результата этих работ заказчику или с момента получения генеральным подрядчиком оплаты от заказчика?

ОТВЕТ. Согласно п. 1 ст. 746 ГК РФ оплата выполненных подрядчиком строительных работ производится заказчиком в размере, предусмотренном сметой, в сроки и в порядке, которые установлены законом или договором строительного подряда. При отсутствии названных указаний в законе или договоре оплата работ производится в соответствии со ст. 711 ГК РФ.

По общему правилу установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить (ст. 190 ГК РФ).

Вместе с тем согласно п. 1 ст. 314 ГК РФ исчисление срока исполнения обязательства допускается в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Подобным же образом, в силу ст. 327.1 ГК РФ, исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несвершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

Таким образом, само по себе не противоречит указанным нормам условие договора субподряда о том, что срок оплаты выполненных субподрядчиком строительных работ исчисляется с момента сдачи генеральным подрядчиком результата этих работ заказчику по договору или с момента получения генеральным подрядчиком оплаты от заказчика.

При этом следует учитывать разъяснения, содержащиеся в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» о защите прав стороны обязательства, начало течения срока исполнения которого обусловлено наступлением определенных обстоятельств, предусмотренных договором.

ВОПРОС 3. Может ли арбитражный суд апелляционной инстанции или арбитражный суд кассационной инстанции, образованный в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. N 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», установив, что апелляционная (кассационная) жалоба, содержащая ходатайство о восстановлении пропущенного срока ее подачи, подана в суд с нарушением требований, установленных ст. 260, 277 АПК РФ, указать на восстановление срока в определении об оставлении жалобы без движения?

Возможно ли рассмотрение ходатайства о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы, если жалоба, содержащая такое ходатайство, не подписана лицом, ее подавшим?

ОТВЕТ. По правилам ч. 3 ст. 259, ч. 3 ст. 276 АПК РФ ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной или кассационной жалобы рассматривается, соответственно, арбитражным судом апелляционной инстанции или арбитражным судом кассационной инстанции, образованным в силу Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. N 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (далее - арбитражный суд апелляционной (кассационной) инстанции), в порядке, предусмотренном ст. 117 АПК РФ.

Согласно требованиям ч. 3 ст. 259, ч. 3 ст. 276 АПК РФ во взаимосвязи с ч. 4 ст. 117 АПК РФ, с учетом положений ст. 261, 264, 278, 281 АПК РФ, п. 35 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. N 99 «О процессуальных сроках», ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы рассматривается судьей единолично без извещения лиц, участвующих в деле, одновременно с решением вопроса о принятии жалобы к производству в пятидневный срок со дня его поступления в суд. Ходатайство о восстановлении срока оставлению без движения не подлежит.

Проверка апелляционной (кассационной) жалобы на соответствие требованиям ст. 260, 277 АПК РФ о форме и содержании апелляционной (кассационной) жалобы проводится в случае удовлетворения ходатайства о восстановлении пропущенного срока.

Таким образом, установлена последовательность действий судьи: сначала рассматривается ходатайство о восстановлении пропущенного срока, а затем жалоба проверяется на соответствие требованиям АПК РФ к ее форме и содержанию.

В зависимости от того, соблюдены эти требования или нет, апелляционная (кассационная) жалоба может быть принята к производству арбитражного суда апелляционной (кассационной) инстанции (ст. 261, 278 АПК РФ) или оставлена без движения (ст. 263, 280 АПК РФ).

Положения ч. 4 ст. 259, ч. 4 ст. 276 АПК РФ о том, что на восстановление пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы суд указывает в определении о принятии апелляционной (кассационной) жалобы к производству, следует применять к ситуациям, когда при рассмотрении вопроса о принятии жалобы к производству суд установит, что она подана с соблюдением требований, предъявляемых АПК РФ к ее форме и содержанию.

Если суд удовлетворяет ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной (кассационной) жалобы, но устанавливает, что жалоба подана с нарушением требований, предусмотренных ст. 260, 277 АПК РФ, и подлежит оставлению без движения, на восстановление пропущенного срока суд вправе указать в определении об оставлении жалобы без движения.

В случае когда ходатайство о восстановлении пропущенного срока содержится в тексте поданной с пропуском срока апелляционной (кассационной) жалобы, не подписанной лицом, ее подавшим, такое ходатайство не может быть рассмотрено судом. В связи с этим апелляционная (кассационная) жалоба подлежит возвращению судьей на основании п. 3 ч. 1 ст. 264, п. 2 ч. 1 ст. 281 АПК РФ, как поданная по истечении срока подачи жалобы и не содержащая ходатайство о его восстановлении.

ВОПРОС 4. Какой срок давности привлечения к административной ответственности подлежит применению при совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.33 КоАП РФ?

ОТВЕТ. В соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее - Закон о техническом регулировании) законодательство Российской Федерации о техническом регулировании состоит из данного Закона, принимаемых в соответствии с ним федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

На основании Закона о техническом регулировании и требований технических регламентов органы государственного контроля (надзора) вправе требовать от изготовителя (продавца, лица, выполняющего функции иностранного изготовителя) предъявления декларации о соответствии или сертификата соответствия, подтверждающих соответствие продукции требованиям технических регламентов, или их копий либо регистрационный номер декларации о соответствии или сертификата соответствия, если применение таких документов предусмотрено соответствующим

техническим регламентом (п. 1 ст. 34 Закона о техническом регулировании).

Данное право корреспондирует обязанности лица предъявлять в органы государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов, а также заинтересованным лицам документы, свидетельствующие о подтверждении соответствия продукции требованиям технических регламентов (декларацию о соответствии, сертификат соответствия или их копии) либо регистрационный номер сертификата соответствия или декларации о соответствии (п. 2 ст. 28 Закона о техническом регулировании).

Непредставление либо уклонение изготовителя, исполнителя (лица, выполняющего функции иностранного изготовителя), продавца от представления образцов продукции, документов или сведений, необходимых для осуществления государственного контроля (надзора) в сфере технического регулирования, за исключением случаев, предусмотренных ст. 8.23, ч. 2 ст. 13.4, ст. 13.8 и 14.37 КоАП РФ влечет административную ответственность такого лица по ст. 19.33 КоАП РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о техническом регулировании составляет один год.

Таким образом, поскольку непредставление лицом документов или сведений, необходимых для осуществления государственного контроля (надзора) в сфере технического регулирования (которыми в частности являются декларация о соответствии или сертификат соответствия) нарушает обязанность, предусмотренную Законом о техническом регулировании, то срок давности за данное правонарушение, предусмотренное ст. 19.33 КоАП РФ, составляет один год.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

1. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 г. N 6-П положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают - исходя из принципа полного возмещения вреда - возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

В связи с вступлением в силу указанного постановления <2> из обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации подлежат исключению:

<2> Опубликовано 15 марта 2017 г. на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), номер опубликования: 0001201703150006.

ответ на вопрос о возможности взыскания с непосредственного причинителя вреда стоимости необходимых для восстановления автотранспортного средства деталей, узлов и агрегатов без учета износа, опубликованный в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г.;

пункт 22 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 июня 2016 г.).

2. Из Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 февраля 2014 г., исключается раздел «2. Компенсации работнику, увольняемому в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников организации».

3. В связи с принятием определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2017 г. N 309-ЭС16-10730 об исправлении опечаток в тексте определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. N 309-ЭС16-10730 по делу N А07-12906/2015 Арбитражного суда Республики Башкортостан внести в п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2017 г., следующие изменения:

В восьмом абзаце п. 20 после слов «В решениях по делам» вместо слов «Лингенс против Австрии» от 8 июня 1986 г., «Гринберг против Российской Федерации» от 21 июня 2005 г.» читать «Лингенс против Австрии» от 8 июля 1986 г., «Гринберг против Российской Федерации» от 21 июля 2005 г.».

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 - 33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов <3>

<3> Комитет ООН по правам инвалидов (далее - Комитет) действует на основании Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. (далее - Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора.

Сообщение: Майкл Локри против Австралии. Сообщение N 13/2013. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее - Комитет) 1 апреля 2016 г.

Тема сообщения: участие глухих лиц в составе жюри присяжных.

Вопрос существа: равенство и недискриминация; разумное приспособление; равенство перед законом; свобода выражения мнения; участие в политической жизни.

Правовые позиции Комитета: [о]пределение дискриминации по признаку инвалидности, содержащееся в статье 2 Конвенции, четко указывает, что «она включает все формы дискриминации, в том числе отказ в разумном приспособлении»... Комитет напоминает, что дискриминация может быть следствием дискриминационного применения какого-либо правила или меры, которые на первый взгляд являются нейтральными или не направлены на дискриминацию, но при этом несоразмерно затрагивают интересы инвалида <4>. Помимо этого, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать равенство всех лиц перед законом и по нему и их право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и в соответствии с пунктом 3 статьи 5 государства-участники обязаны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления для поощрения равенства и устранения дискриминации (пункт 8.3 Соображения).

По состоянию на 1 апреля 2017 г. Российская Федерация не признавала компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушений положений Конвенции.

<4> См. сообщение N 10/2013, С.К. против Бразилии, Решение о неприемлемости от 2 октября 2014 г., пункт 6.4.

Комитет напоминает, что согласно статье 2 Конвенции «разумное приспособление» означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод <5>. Комитет считает, что при оценке обоснованности и соразмерности шагов по обеспечению приспособления государства-участники пользуются определенной свободой толкования <6>. Однако они обязаны обеспечивать проведение обстоятельной и объективной оценки с учетом всех имеющих отношение к делу элементов до принятия решения о том, что соответствующая поддержка и адаптивные меры могли бы стать несоразмерным или необоснованным бременем для государства-участника <7> (пункт 8.4 Соображения).

<5> См. сообщение N 5/2011, Юнгелин против Швеции, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.4.

<6> Там же, пункт 10.5.

<7> Там же, пункт 10.6.

Комитет напоминает, что, согласно этому положению, государства-участники обязаны принимать надлежащие меры «чтобы наделить инвалидов возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни»... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является важным аспектом общественной жизни по смыслу пункта 1 статьи 9 [Конвенции] как одно из проявлений гражданской позиции... Комитет также напоминает, что согласно его [3] замечанию общего порядка N 2 (2014 год) по статье 9 [Конвенции]: «доступность», обязательство обеспечивать доступность является безусловным <8>, и что крайне важно подходить к вопросу о доступности с учетом всех его аспектов, включая вопросы общения. Подобным образом доступ должен эффективно обеспечиваться наравне с другими в соответствии с запретом дискриминации, а отказ в доступе следует считать дискриминационным актом (пункт 8.6 Соображения).

<8> См. пункт 25.

Комитет напоминает, что согласно пункту b) статьи 21 Конвенции государства-участники принимают все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы инвалиды могли пользоваться правом на свободу выражения мнения и убеждений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи наравне с другими, пользуясь по своему выбору всеми формами общения, на основе признания и поощрения использования различных средств и форматов общения в рамках официальных сношений. Комитет... напоминает, что согласно статье 2 Конвенции, «общение» включает языки и альтернативные методы, способы и форматы общения, в число которых, разумеется, входит субтитрование (пункт 8.8 Соображения).

Комитет напоминает, что согласно статье 13 [Конвенции] государства-участники обязаны обеспечивать

эффективный доступ к правосудию инвалидов наравне с другими в целях содействия выполнению ими эффективной роли «прямых и косвенных участников во всех стадиях юридического процесса», в том числе путем обеспечения процессуальных и соответствующих возрасту коррективов... Комитет... напоминает, что пункт b) статьи 29 [Конвенции] требует от государств активно способствовать созданию обстановки, в которой инвалиды могли бы эффективно и всесторонне участвовать в управлении государственными делами без дискриминации и наравне с другими, и поощрять их участие в государственных делах. В этой связи следует уделять внимание участию инвалидов в деятельности системы правосудия не только в качестве истцов, жертв или обвиняемых, но и, в том числе, в форме выполнения обязанностей члена жюри присяжных наравне с другими (пункт 8.9 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению жалобу автора на то, что отказ предоставить ему услуги по субтитрованию, с помощью которого он мог бы выполнять обязанности члена жюри присяжных, является дискриминационным, поскольку он равнозначен отказу в обеспечении разумного приспособления в нарушение пунктов 1 и 3 статьи 5 Конвенции. Комитет также принимает во внимание утверждение государства-участника об отсутствии какого-либо нарушения прав автора по статье 5 [Конвенции], поскольку применимое национальное законодательство не является дискриминационным, а предусмотренное Законом о жюри присяжных дифференцированное обращение законно. Государство-участник... заявляет, что его законодательство и политика обеспечивают разумное приспособление в соответствии с требованиями Конвенции (пункт 8.2 Соображения).

[А]втор был трижды вызван повесткой для выполнения обязанностей члена жюри присяжных, в том числе два раза после того, как он сообщил, что хотел бы участвовать в процессе отбора и что при этом он будет нуждаться в субтитровании. Комитет... отмечает, что, отказывая автору в просьбе о предоставлении услуг по субтитрованию, шериф порекомендовала ему представить медицинское заключение о том, что он страдает глухотой, и сообщила, что в противном случае ему грозит штраф в размере 1 100 долл. США за неисполнение обязанности выполнять функции члена жюри присяжных. Кроме того, Управление шерифа прямо проинформировало автора о том, что он не может выполнять обязанности члена жюри присяжных в силу того, что является глухим, и при этом мотивировало свой отказ обеспечить субтитрование разделом 48 Закона о жюри присяжных 1977 года, считая, что нахождение в совещательной комнате лица, не являющегося членом жюри присяжных, будет несовместимо с принципом конфиденциальности обсуждений в жюри присяжных (пункт 8.3 Соображения).

В настоящем случае Комитет отмечает, что предоставленные государством-участником услуги коррективного характера для поддержки лиц с расстройствами слуха не позволили бы автору участвовать в работе жюри присяжных наравне с другими. Он также отмечает, что вопреки утверждениям государства-участни-

ка о том, что привлечение стенографов повлияло бы на сложность, стоимость и продолжительность судебных процессов, оно не представило никаких данных или аналитических выкладок в подтверждение того, что это явилось бы несоразмерным или необоснованным бременем. К тому же, хотя принцип конфиденциальности совещаний жюри присяжных безусловно подлежит соблюдению, государство-участник не представило аргументов в обоснование невозможности принятия каких-либо коррективных мер, в частности приведения присяжных к присяге перед судом, чтобы позволить лицу, оказывающему услуги по субтитрованию, выполнять свои функции, не ставя под угрозу конфиденциальность совещаний в жюри присяжных. Комитет в заключение отмечает, что субтитрование не является каким-либо новшеством и что некоторые судьи и адвокаты с расстройствами слуха действительно выполняют свои повседневные функции с помощью таких устройств <9>. Исходя из имеющейся информации, Комитет считает, что государство-участник не приняло необходимых мер для обеспечения для автора разумного приспособления, и приходит к выводу о том, что отказ в предоставлении услуг по субтитрованию без надлежащей оценки вопроса о том, будет ли такая мера представлять собой несоразмерное или необоснованное бремя, равнозначен дискриминации по признаку инвалидности в нарушение прав автора по пунктам 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

В данном случае, отказавшись предоставить услуги по субтитрованию, государство-участник не приняло надлежащих мер для того, чтобы позволить автору выполнять обязанности члена жюри присяжных, и тем самым воспрепятствовало его участию в одном из очевидных «аспектов жизни» в нарушение его прав по пункту 1 статьи 9 [Конвенции], рассматриваемому отдельно или в совокупности со статьями 2 и 4 и с пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.6 Соображения).

Относительно жалобы автора по статье 21 Конвенции Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что в настоящем случае штат Новый Южный Уэльс выполнил положение о «признании и поощрении использования жестовых языков» и других средств общения и что обязательства по статье 21 [Конвенции] будут выполняться поэтапно. Комитет также отмечает мнение автора о том, что статья 21 [Конвенции] не содержит прав и обязательств, которые должны выполняться поэтапно, и что меры, которые, как утверждает государство-участник, оно приняло в плане создания глухим лицам возможностей для участия в работе жюри присяжных, не были адаптированы к его потребностям (пункт 8.7 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что присяжный заседатель является лицом, которое несет публичную ответственность за отправление правосудия «в рамках взаимодействия с другими лицами», включая других членов жюри присяжных и судебных чиновников, и что такое взаимодействие поэтому представляет собой «официальные сношения» по смыслу статьи 21 [Конвенции]. В свете

вышесказанного Комитет считает, что отказ в предоставлении автору такого формата общения, в котором он нуждается для выполнения им обязанностей члена жюри присяжных, и для выражения им таким образом своего мнения в рамках официальных сношений, равнозначен нарушению пункта b) статьи 21 [Конвенции], рассматриваемого отдельно и в совокупности со статьями 2, 4 и пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 8.8 Соображения).

По поводу жалоб автора по пункту 1 статьи 13 и статье 29 Конвенции Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что эта жалоба не имеет под собой оснований, поскольку оно считает, что под «эффективным доступом к правосудию» имеется в виду доступность системы правосудия и что термин «прямые» и «косвенные» участники не распространяется на присяжных заседателей. Государство-участник также утверждает, что положение о «разумном приспособлении» не применимо к статье 13 [Конвенции]. В свою очередь автор заявляет, что выражение «прямые и косвенные участники» касается лиц, принимающих участие в деятельности системы правосудия, и что обязательство по статье 5 [Конвенции] предоставлять «разумные приспособления» применимо к осуществлению этих прав... Комитет отмечает, что выполнение обязанностей члена жюри присяжных является неотъемлемой частью австралийской судебной системы и как таковое представляет собой «участие» в судебных процессах (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета государство-участник не выполнило свои обязательства по пунктам 1 и 3 статьи 5, пункту 1 статьи 9, пункту 1 статьи 13 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со статьей 3, пунктом 1 статьи 5, пунктом b) статьи 29 и пунктом b) статьи 21 [Конвенции], рассматриваемым по отдельности и в совокупности со статьями 2 и 4, а также пунктами 1 и 3 статьи 5 Конвенции (пункт 9 Соображения).

Комитет по правам человека <10>

<10> Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Сообщение: Аманда Джейн Меллет против Ирландии. Сообщение N 2324/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 31 марта 2016 г.

Вопрос существа: жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; право на неприкосновенность личной жизни; право на получение информации; гендерная дискриминация.

Правовые позиции Комитета: как указывается в пункте 3... [3]амечания общего порядка N 20 <11>, текст статьи 7 [Пакта] не допускает никаких ограни-

чений и что никакие оправдания или смягчающие обстоятельства не могут приводиться в качестве основания для нарушения статьи 7 по каким-либо причинам (пункт 7.6 Соображения).

<11> Комитета по правам человека.

Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [статьи 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности <12> (пункт 7.7 Соображения).

<12> См. К.Л. против Перу, пункт 6.4, Л.М.Р. против Аргентины, Соображения от 29 марта 2011 г., пункт 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета N 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, пункт 10.

Комитет напоминает свое [3]амечание общего порядка N 16 (1988 год) о праве на неприкосновенность личной жизни, согласно которому концепция произвольности призвана гарантировать, что даже в случае допустимого по законодательству вмешательства оно должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно быть разумным с учетом конкретных обстоятельств (пункт 7.8 Соображения).

В пункте 13 [3]амечания общего порядка N 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин Комитет указывает, что: «не всякая дифференциация является дискриминацией, если критерии такой дифференциации являются разумными и объективными и если задача заключается в достижении цели, которая является законной по Пакту» (пункт 7.11 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [а]втор настоящего сообщения была проинформирована государственными медицинскими работниками на 21-й неделе беременности о том, что у ее плода имеются врожденные пороки развития и что он умрет в ее утробе или вскоре после рождения. В результате запрета аборт по ирландскому законодательству она была поставлена перед выбором: либо доносить плод в сознании того, что он вероятнее всего умрет в ее утробе, либо добровольно прервать беременность в какой-либо зарубежной стране. Статья 40.3.3 Конституции Ирландии предусматривает..., что «государство признает право на жизнь нерожденного плода и с должным учетом равного права на жизнь матери гарантирует выполнение своих законов в части уважения и, по практической возможности, своих законов в части защиты и осуществления этого права». Государство-участник утверждает, что его конституционная и законодательная база отражают гибкий и соразмерный подход к осознанным мнениям ирландского электората на глубоко нравственный вопрос о допустимых пределах защиты интересов плода и их сбалансированности с правами женщины <13>. Государство-участник также указывает, что статья 40.3.3 Конституции в толковании его Верховного суда предполагает законность прерывания беременности в Ирландии только при установлении наличия

реальной и серьезной опасности для жизни женщины (в отличие от ее здоровья), которую можно избежать только с помощью прерывания беременности (пункт 7.2 Соображения).

<13> На время рассматриваемых событий положения Закона о преступлениях против личности предусматривали уголовное наказание в виде пожизненного тюремного заключения женщины или врача за попытку прерывания беременности.

Автор утверждает, что стала жертвой жестокого, бесчеловечного и унижающего ее достоинство обращения вследствие законодательного запрета на проведение аборт, поскольку в Ирландии ей было отказано, в частности, в необходимых ей медицинских услугах и психологической поддержке; что она была вынуждена выбирать между продолжением вынашивания умирающего плода и прерыванием беременности за рубежом; и поскольку она стала жертвой усиленной стигматизации. Государство-участник отклоняет утверждение автора, в частности, доводами о том, что упомянутый запрет призван обеспечивать баланс между коллидирующими правами плода и женщины; что ее жизни ничто не угрожало; и что ни одно лицо или представитель государства не были причастны к каким-либо произвольным процессам принятия решений или «нарушениям», которые бы стали причиной жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения либо способствовали этому. Государство-участник также утверждает, что его законодательная база гарантирует права граждан на получение информации об услугах по проведению аборт за рубежом (пункт 7.3 Соображения).

По мнению Комитета, если какое-либо конкретное поведение или действие является законным по внутригосударственному праву, это не означает, что оно не может нарушать статью 7 Пакта. В силу существующей нормативной базы государство-участник создало для автора условия, в которых она испытывала жестокие физические и моральные страдания. Автор как беременная женщина находилась в крайне уязвимом положении после того, как узнала, что ее долгожданная беременность не приведет к рождению живого ребенка и, как это задокументировано, в частности, в представленных Комитету заключениях о ее психологическом состоянии, испытывала жестокие физические и психические страдания, которые усугублялись невозможностью получения от системы здравоохранения Ирландии дальнейшей медицинской помощи и медицинской страховки для продолжения лечения; необходимостью выбора между продолжением беременности нежизнеспособным плодом и выездом в какую-либо страну во время вынашивания умирающего плода за свои личные средства и без поддержки со стороны своей семьи, а также возвращения в страну без полного восстановления своего здоровья; стыдом и стигматизацией, которые были обусловлены уголовным наказанием за аборт нежизнеспособного плода. Многих из описанных автором негативных последствий можно было бы избежать, если бы ей не было запрещено прервать

беременность в знакомых для нее условиях собственной страны и при содействии медицинских работников, которых она знала и которым доверяла; и если бы она могла воспользоваться предусмотренными в Ирландии и необходимыми ей льготами в области медицинской помощи, которыми пользовались другие лица, если бы она продолжала вынашивать нежизнеспособный плод в целях рождения мертворожденного ребенка в Ирландии (пункт 7.4 Соображения).

Комитет считает, что страдания автора были еще более усугублены теми препятствиями, с которыми она столкнулась при получении необходимой ей информации о надлежащих возможностях оказания ей медицинской помощи от известных ей медицинских работников, которым она доверяла. Комитет отмечает, что Закон об информации об абортах ограничивает обстоятельства, в которых любое лицо может сообщать информацию о законном получении услуг по проведению аборт в Ирландии либо за рубежом, и предусматривает уголовное наказание за пропаганду или поощрение прерывания беременности. Комитет... принимает к сведению неопровергнутое заявление автора о том, что медицинские работники не предоставили в ее случае таких сведений и что она не получила от них важнейшей информации о применимых ограничениях в отношении проведения абортов за рубежом и о наиболее уместных способах прерывания беременности с учетом ее срока беременности, что помешало получению ею необходимой медицинской и консультативной помощи и усугубило ее страдания (пункт 7.5 Соображения).

Автор утверждает, что, отказав ей в единственной возможности (прерывание беременности в Ирландии), которая обеспечивала бы соблюдение ее психической и психологической неприкосновенности и репродуктивной самостоятельности в обстоятельствах настоящего дела, государство произвольно нарушило ее право на неприкосновенность личной жизни, закрепленное статьей 17 Пакта. Комитет напоминает свой ранее принятый вывод о том, что под действие этого положения [статьи 17 Пакта] подпадает решение женщины просить о прерывании беременности <14>. В настоящем случае государство-участник воспрепятствовало принятию автором решения не продолжать вынашивать нежизнеспособный плод. В данном случае вмешательство было основано на положениях статьи 40.3.3 Конституции и, таким образом, не являлось незаконным по внутреннему законодательству государства-участника. Однако Комитету предстоит решить вопрос о том, было ли такое вмешательство незаконным либо произвольным согласно положениям Пакта. Государство-участник указывает на отсутствие какой-либо произвольности в принятии решения, поскольку предпринятое вмешательство было соразмерно законным целям Пакта с учетом тщательно выверенного баланса между защитой плода и прав женщины (пункт 7.7 Соображения).

<14> См. К.Л. против Перу, пункт 6.4, Л.М.Р. против Аргентины, Соображения от 29 марта 2011 г., пункт 9.3. См. также Замечание общего порядка Комитета N 28 (2000 год) о равноправии мужчин и женщин, пункт 10.

Комитет считает необоснованным тот баланс, который в настоящем случае государство-участник пыталось установить между защитой плода и правами женщины... Комитет принимает к сведению, что в результате долгожданной беременности автор вынашивала нежизнеспособный плод; что открытие для нее возможности неизбежно становилось источником жестоких страданий; что ее выезд за рубеж для прерывания беременности имел для нее значительные негативные последствия, о которых говорится выше и которых можно было бы избежать, если бы ей было позволено прервать беременность в Ирландии; и что вследствие этого ей был причинен вред в нарушение статьи 7. Исходя из этого, Комитет считает, что вмешательство в принятие автором решения об оптимальном способе прерывания своей беременности нежизнеспособным плодом носило необоснованный и произвольный характер в нарушение статьи 17 Пакта (пункт 7.8 Соображения).

Автор утверждает, что криминализация абортов по признакам летальных пороков развития плода нарушила ее права на равенство и недискриминацию согласно пункту 1 статьи 2, статье 3 и статье 26. Государство-участник отвергает эту жалобу и считает, что его правовой режим относительно прерывания беременности не является дискриминационным (пункт 7.9 Соображения).

Комитет отмечает, что согласно правовому режиму государства-участника вынашивающие нежизнеспособный плод женщины, которые, тем не менее, решают донашивать его до полного срока беременности, продолжают пользоваться полной защитой со стороны государственной системы здравоохранения. Их потребности в медицинской помощи по-прежнему покрываются медицинской страховкой, и они продолжают получать медицинские услуги и консультации со стороны работников государственных медицинских учреждений в течение всего периода беременности. После выкидыша или рождения мертвого ребенка они получают полную необходимую им постнатальную медицинскую помощь и психологическую поддержку. В отличие от них женщины, которые принимают решение о прерывании беременности нежизнеспособным плодом, обязаны полагаться на собственные финансовые средства для получения таких услуг полностью вне рамок государственной системы здравоохранения. Им отказывается в медицинском страховании получаемых с этой целью услуг; они вынуждены выезжать за границу за собственные средства для проведения аборта и нести связанные с такими поездками финансовые, психологические и физические нагрузки; и им отказано в получении медицинских услуг после прерывания беременности и в необходимой им психологической поддержке в связи с тяжелой утратой. Комитет... принимает к сведению неоспоренные утверждения автора о том, что в интересах прерывания беременности нежизнеспособным плодом она была вынуждена выехать за рубеж, что повлекло за собой финансовые расходы, которые ей было трудно покрыть. Ей также пришлось вернуться в Дублин всего лишь через 12 часов после родов, поскольку ни она, ни ее муж более не могли позволить себе оставаться в Соединенном Королевстве (пункт 7.10 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что криминализация государством-участником абортот делала ее жертвой гендерного стереотипа репродуктивной роли женщин в первую очередь как матерей и что формирование о ней стереотипного представления как о репродуктивном инструменте стало причиной проявления в отношении нее дискриминации. Комитет считает, что дифференцированное обращение, которому была подвергнута автор по сравнению с другими находившимися в аналогичном положении женщинами, должным образом не учитывало ее медицинские потребности и социально-экономические обстоятельства и не удовлетворяло критериям разумности, объективности и законности целей. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что не оказание государством-участником необходимых автору услуг явилось проявлением дискриминации и нарушением ее прав по статье 26 Пакта (пункт 7.11 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав автора по статьям 7, 17 и 26 Пакта (пункт 8 Соображения).

См. также нижеприведенные Соображения по делу Маарлон Джеймс Нобл против Австралии. Сообщение N 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов 2 сентября 2016 г.

Вопросы административного выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Д.Т. против Канады. Сообщение N 2081/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 15 июля 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Нигерию.

Вопрос существа: право на неприкосновенность частной жизни; защита семьи; защита детей.

Правовые позиции Комитета: Комитет также напоминает о своей правоприменительной практике, согласно которой возможны случаи, когда отказ государства-участника разрешить одному из членов семьи остаться на его территории будет связан с вмешательством в семейную жизнь этого лица. Однако один лишь тот факт, что определенные члены семьи имеют право оставаться на территории государства-участника, совсем не означает, что предъявляемые другим членам семьи требования покинуть его территорию, представляют собой подобное вмешательство <15> (пункт 7.4 Соображения).

<15> См., например, сообщения N 1792/2008, Дафин против Канады, Соображения, принятые 28 июля 2009 г., пункт 8.1; Вината против Австралии, пункт 7.1; Мадафери против Австралии, пункт 9.7; а также сообщение N 1222/2003, Бьяхуранга против Дании, Соображения, принятые 1 ноября 2004 г., пункт 11.5.

Комитет напоминает, что понятие «произвольно» включает в себя элементы неуместности, неспра-

ведливости, отсутствия предсказуемости и должной процедуры <16> наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности <17>. Комитет... отмечает, что в тех случаях, когда одна часть семьи должна покинуть территорию государства-участника, в то время как другая часть будет иметь право оставаться на этой территории, соответствующие критерии для оценки того, может ли быть объективно оправданным конкретное вмешательство в семейную жизнь, должны рассматриваться, с одной стороны, в свете значимости выдвигаемых государством-участником причин для высылки соответствующего лица и, с другой стороны, той серьезности положения, в котором в результате этой высылки окажется семья и ее члены <18> (пункт 7.6 Соображения).

<16> См., в частности, сообщение N 2009/2010, Ильясов против Казахстана, Соображения, принятые 23 июля 2014 г., пункт 7.4.

<17> См. принятое Комитетом Замечание общего порядка N 35 (2014 год) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 12.

<18> См. Мадафери против Австралии, пункт 9.8.

Комитет напоминает о принципе, согласно которому во всех решениях, затрагивающих ребенка, наиболее важным соображением является обеспечение его наилучших интересов (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по статье 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта <19> (пункт 7.10 Соображения).

<19> См. Бахтияри против Австралии, пункт 9.7.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение автора о том, что, учитывая состояние системы образования и здравоохранения в Нигерии, физическое и психическое здоровье ее сына будет серьезно подорвано в нарушение его прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 24 Пакта в случае, если он отправится с ней в Нигерию. Автор утверждала, что, если бы ее сыну, гражданину Канады, пришлось остаться в Канаде, он был бы разлучен со своей матерью, единственным опекуном, и его права, предусмотренные статьей 17, пунктом 1 статьи 23 и пунктом 1 статьи 24 Пакта, были бы таким образом нарушены (пункт 7.2 Соображения).

В отношении утверждения о нарушении статьи 17 и пункта 1 статьи 23 [Пакта] Комитет отмечает приведенный государством-участником аргумент о том, что решение вопроса о том, уедет ли сын автора с ней в Нигерию или останется в [Канаде], в случае чего это приведет к разлучению ребенка и матери, будет приниматься только семьей, а не в результате действий государства (пункт 7.4 Соображения).

В данном случае Комитет считает, что вопрос депортации в отношении матери-одиночки семилетнего ребенка, который является гражданином государства-участника <20>, представляет собой вмешательство в семейную жизнь по смыслу статьи 17 Пакта. Комитет должен определить, является ли такое вмешательство в семейную жизнь автора произвольным или незаконным в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Пакта и, следовательно, была ли государством предоставлена недостаточная защита для ее семьи в соответствии с пунктом 1 статьи 23 [Пакта] (пункт 7.5 Соображения).

<20> См. Мадафферы против Австралии, пункт 9.8.

В данном случае Комитет отмечает, что высылка автора преследовала законную цель - выполнение иммиграционного законодательства. Кроме того, государство-участник пояснило, что основанием для высылки автора послужил отклонение ее ходатайства о получении защиты беженца и это ходатайство не имеет такого правового статуса, который мог бы дать ей надежду рассчитывать на то, что она сможет остаться в Канаде, и что поэтому она обязана ходатайствовать о получении постоянного вида на жительство из-за пределов страны (пункт 7.7 Соображения).

Комитет отмечает, что сын автора сообщения А.А. [сын Д.Т.] родился в Канаде в 2004 году и уехал из Нигерии с матерью в возрасте семи лет. А.А. страдает от ряда заболеваний, включая шум в сердце и врожденный порок развития мениска, в связи с чем ему была сделана операция в Канаде. В медицинских заключениях его педиатрического хирурга указано, что эта проблема также может отразиться на его левом колене, поскольку заболевание часто носит двусторонний характер и может привести к необходимости проведения в будущем одной или нескольких артроскопических хирургических операций. Комитет отмечает, что сын автора страдает от синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (далее - СДВГ), в связи с чем ему был предписан ежедневный прием лекарств и был разработан междисциплинарный план действий в его школе в Канаде с участием специалистов в области специального образования (пункт 7.8 Соображения).

Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что сердечное заболевание ребенка является доброкачественным и что необходимость проведения в будущем операции на его левом колене носит гипотетический характер. Кроме того, государство-участник считает, что автор не предприняла конкретных усилий по поиску необходимых медицинских и образовательных услуг, которые могли бы быть предоставлены для ее ребенка в Нигерии (пункт 7.9 Соображения).

Комитет считает, что в данном случае государство-участник не учло в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка автора и что вследствие этого его вмешательство в семейную жизнь автора и последующая недостаточная защита, предоставленная ее семье, вызвали чрезмерные трудности для автора и ее сына. Вынесение

постановления о высылке автора поставило автора перед выбором: оставить своего семилетнего ребенка в Канаде или поставить его под угрозу отсутствия медицинской и образовательной поддержки, от которых он зависит. Комитету не было представлено никакой информации, указывающей на то, что ребенок может воспользоваться какой-либо альтернативной сетью поддержки взрослых в Канаде. В связи с этим вполне разумно было предположить, что автор заберет своего сына с собой обратно в Нигерию, в результате чего он будет лишен требуемой социально-образовательной поддержки. С учетом возраста и особых потребностей сына автора оба варианта, с которыми столкнулась семья - сын, который остается один в Канаде, или возвращение автора в Нигерию, - не могут рассматриваться в качестве отвечающих его наилучшим интересам. Тем не менее государство-участник надлежащим образом не объяснило, ни почему его законная цель обеспечить соблюдение своей иммиграционной политики, в том числе требование к автору направить ходатайство на получение постоянного вида на жительство за пределами Канады, должна быть важнее наилучших интересов ребенка автора, ни то, каким образом такая цель могла бы оправдать те трудности, с которыми столкнулась семья в результате решения о высылке автора. С учетом всех обстоятельств данного дела Комитет считает, что решение о высылке автора представляет собой несоразмерное вмешательство в семейную жизнь автора и ее сына, которое не может быть оправдано в свете приведенных государством-участником причин для высылки автора в Нигерию (пункт 7.10 Соображения).

В том, что касается утверждения по статье 24 [Пакта], Комитет считает, что принцип учета в качестве наиболее важного соображения обеспечение наилучших интересов ребенка образует составную часть права каждого ребенка на принятие в его отношении таких мер защиты, которые требуются в силу его положения как несовершеннолетнего лица, со стороны его семьи, общества и государства согласно требованиям пункта 1 статьи 24 Пакта <21>. В свете своих выводов по статье 17 и пункту 1 статьи 23 Комитет считает, что вынесенное в отношении автора решение о высылке автора нарушило статью 24 [Пакта], поскольку при этом для А.А. не было обеспечено необходимых мер, на которые он имеет право в качестве ребенка со стороны государства-участника (пункт 7.12 Соображения).

<21> См. Бахтияри против Австралии, пункт 9.7.

Выводы Комитета: депортация автора в Нигерию представляла собой нарушение ее прав, предусмотренных статьей 17, рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 1 статьи 23 Пакта, в отношении автора и ее сына, и, кроме того, пунктом 1 статьи 24 Пакта в отношении А.А. (пункт 8 Соображения).

Сообщение: 3. против Дании. Сообщение N 2422/2014. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдворение в Армению.

Вопрос существа: невыдворение; статус беженца; пытки.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что Апелляционная комиссия по делам беженцев сочла неправдоподобным утверждение о том, что автору будет угрожать опасность жестокого обращения в случае его возвращения в Армению. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что он представил подробные, последовательные и убедительные ответы на вопросы, поднятые национальными иммиграционными властями, и что решение Комиссии было произвольным и ошибочным. В частности, Комитет принимает к сведению аргументы автора о том, что Комиссия необоснованно обосновала свой вывод о неправдоподобности следующих заявлений автора: а) что он жил в Беларуси; что он смог установить местонахождение своей матери в Азербайджане по адресу, указанному в письме, которое она направила ему в детский дом; что он провел два года, не выходя из дома матери; что Х. и А. смогли раздобыть военный грузовик после перехода границы с Азербайджаном; и что автор смог перейти через мост в Азербайджан после бегства из армии, и при этом его никто не преследовал. В то же время Комитет считает, что, хотя автор не согласен с выводами Комиссии по этим вопросам, он не продемонстрировал, что ее выводы были явно необоснованными или носили произвольный характер по причине того, что в ходе рассмотрения дела на национальном уровне утверждения автора было уделено недостаточное внимание. Кроме того, что касается утверждения автора о том, что он подвергался преследованиям, надругательствам и оскорблениям в армии из-за своего наполовину азербайджанского происхождения, Комитет отмечает, что автор не ответил на замечания государства-участника относительно наличия противоречий в представленных им национальным органам власти показаниях относительно предполагаемого покушения на изнасилование его брата военнослужащими <22> и того факта, что во время беседы с сотрудниками Иммиграционной службы Дании он не упоминал о состязаниях, в ходе которых они с братом подвергались издевательствам и оскорблениям со стороны военнослужащих по причине их этнической принадлежности <23>. Поэтому на основе имеющейся в его распоряжении информации Комитет не может сделать вывод о том, что существуют серьезные основания полагать, что автору будет угрожать реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта, в случае его возвращения в Армению (пункт 7.3 Соображения).

<22> См. пункт 4.5 выше.

<23> См. пункт 4.4 выше.

Выводы Комитета: высылка автора в Армению не будет представлять собой нарушения его прав, предусмотренных статьей 7 Пакта (пункт 8 Соображения).

Комитет против пыток <24>

<24> Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Сообщение: Р.М. против Швеции. Сообщение N 610/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 30 ноября 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Бангладеш.

Вопрос существа: предотвращение принудительно-го возвращения; предупреждение пыток.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае депортации в Бангладеш он рискует подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, со стороны членов партии «Авами лиг» и сотрудников местной правоохранительной структуры. Однако Комитет отмечает, что объем представленного заявителем сообщения составляет всего полстраницы и что в нем нет никакой подробной информации ни о его политической деятельности в Бангладеш, ни о вынесенном ему ранее обвинительном приговоре от 24 ноября 2005 г. за применение пыток и изнасилование, ни о том, почему упомянутая правоохранительная структура проявляла к нему интерес. Содержание всех представленных заявителем документов, а именно писем представителя Националистической партии Бангладеш, отца заявителя, его адвоката и председателя Национальной комиссии по правам человека, ограничивается утверждением о том, что заявителю грозит опасность из-за его политической принадлежности, без разъяснения его роли в рядах Националистической партии Бангладеш или его предшествующей политической деятельности. С учетом вышеизложенного Комитет отмечает, в частности, что заявитель, несмотря на утверждения о его политическом преследовании в Бангладеш, обратился в консульство Бангладеш в Швеции и получил паспорт, не сообщая о каких-либо проблемах. Комитет также отмечает, что в деле нет ни одного доказательства утверждений заявителя о том, что он ранее подвергался пыткам. По этому аспекту заявитель не привел ни сроков, ни подробностей, ни подтверждающих документов. Исходя из представленных ему материалов, Комитет не в состоянии определить, подвергался ли заявитель в прошлом какому-либо преследованию или жестокому обращению или будет ли ему грозить персональная опасность применения пыток в случае его возвращения в Бангладеш. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к выводу, что заявителю не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости (пункт 6.3 Решения).

Выводы Комитета: сообщение считать неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции (пункт 7 Решения).

Сообщение: А. против Канады. Сообщение N 583/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 9 мая 2016 г.

Тема сообщения: выдворение заявителя в Индию.

Вопрос существа: произвольное задержание; дискриминация; недопустимость принудительного возвращения; статус беженца; право на жизнь; пытки.

Правовые позиции Комитета: [в] связи с утверждением заявителя по статье 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.] <25> Комитет должен оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток в случае его возвращения в Индию. При оценке такой опасности Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Комитет напоминает, что целью... оценки является определение того, будет ли лично данному лицу угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, возвращению в которую оно подлежит <26>. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному конкретному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращению в эту страну; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам (пункт 7.2 Решения).

<25> Далее - Конвенция.

<26> См., в частности, сообщение N 470/2011, Х. против Швейцарии, Решение, принятое 24 ноября 2014 г., пункт 7.2.

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка N 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения), согласно которому при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий «высокой степени вероятности», Комитет отмечает, что бремя доказывания, как правило, лежит на заявителе, который должен представить убедительные аргументы, доказывающие, что ему грозит «предсказуемая, реальная и личная» опасность <27>. Комитет... напоминает, что согласно его [3]амечанию общего порядка N 1 он в значительной степени опирается на заявления по фактической

стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника, но при этом Комитет не считает себя связанным такими заключениями и исходит из того, что в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции он правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу <28> (пункт 7.3 Решения).

<27> См., в частности, сообщения N 203/2002, А.Р. против Нидерландов, Решение, принятое 14 ноября 2003 г., и сообщение N 258/2004, Дадар против Канады, Решение, принятое 23 ноября 2005 г.

<28> См., в частности, сообщение N 356/2008, Н.С. против Швейцарии, Решение от 6 мая 2010 г., пункт 7.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: [п]ри оценке риска применения пыток... Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о наличии предсказуемой, реальной и личной опасности того, что он будет подвергнут пыткам и, возможно, убит в случае возвращения в Индию, поскольку власти в Пенджабе подозревают его в оказании содействия боевикам и планировании вместе с двоюродным братом убийства руководителей. Комитет отмечает, что заявитель не представил достаточно подробную информацию в обоснование этих утверждений. Например, он не представил сведений о конкретных действиях, в частности к которым полиция его подозревает, или о лицах, с которыми, согласно подозрениям, он был заодно при осуществлении этих действий. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его национальные органы пришли к выводу, что заявитель не внушает доверие, поскольку, в частности, он в течение трех лет готовился к выезду из Индии и его действия свидетельствуют о намерении продолжить учебу в Канаде: в 2008 году он получил паспорт; в 2009 году он посещал различные курсы английского языка; он подал заявление на канадскую студенческую визу после зачисления в университет на курс по специальности «Менеджмент и медицинские технологии»; он никогда не утверждал, что был связан с каким-либо политическим или радикальным движением; и ему удалось без труда выехать из Индии по действительному паспорту с канадской студенческой визой, несмотря на то, что полиция якобы подозревала его в намерении убить одного руководителя (пункт 7.4 Решения).

Комитет принимает к сведению документацию, представленную заявителем в обоснование утверждения о том, что он подвергнулся пыткам. Вместе с тем Комитет отмечает, что компетентные органы государства-участника тщательно оценили доказательства, представленные заявителем, и признали их ограниченную доказательную ценность в силу их содержания и времени их появления <29>. Кроме того, Комитет отмечает, что заявитель не представил каких-либо документальных доказательств того, что против него возбуждено какое-либо уголовное дело или что индийские власти выдали ордер на его арест <30>. Комитет полагает, что власти государства-участника надлежащим образом изучили основные аспекты утверждений заявителя, прежде чем вынести отрицательное заклю-

чение относительно его правдивости. Поэтому Комитет не считает убедительным утверждение заявителя о том, что, несмотря на то, что он уехал из Индии в январе 2010 года, власти в Пенджабе продолжают преследовать и допрашивать членов его семьи в целях установления его местонахождения (пункт 7.5 Решения).

<29> См. пункт 4.5 выше.

<30> См., в частности, сообщение N 555/2013, 3. против Дании, Решение, принятое 10 августа 2015 г., пункт 7.7.

Выводы Комитета: заявитель не представил достаточных доказательств, позволяющих Комитету сделать вывод о том, что в случае его принудительной высылки в Индию он подвергнется предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Решение Европейского Суда по правам человека <31> по жалобе N 25923/15 «А.Р. против России» (вынесено и вступило в силу 10 мая 2016 г.), которым отклонены жалобы заявителя на нарушения статей 3, 8 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. <32> в связи с объявлением ему официального предостережения ФСБ России о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступления, и аннулированием разрешения на его временное проживание в Российской Федерации, что, по мнению заявителя, создавало для него угрозу разлучения с семьей в результате принудительного перемещения в Республику Таджикистан, где для него существовала угроза пыток.

<31> Далее также - Европейский Суд, Суд.

<32> Далее - Конвенция.

Заявитель утверждал, что предостережение ФСБ России в отношении него в контексте аннулирования его разрешения на проживание и отклонения других оснований для его пребывания в Российской Федерации создало ситуацию, в которой он неотвратимо подлежал выдворению в Таджикистан, где для него существовала угроза обращения, нарушающего положения статьи 3 Конвенции. Кроме того, обстоятельства дела влекли или могли повлечь за собой нарушение статьи 8 Конвенции. Наконец, заявитель также утверждал, что в обстоятельствах дела он не располагал какими-либо эффективными средствами правовой защиты.

Европейский Суд принял во внимание довод Властей о том, что «...заявитель мог открыто требовать судебного пересмотра решения об аннулировании его разрешения на временное проживание» (пункт 56 решения).

Суд отметил, что «...решение об аннулировании разрешения заявителя на проживание содержало четкое и однозначное требование покинуть Российскую Федерацию, в противном случае он будет депортирован; отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца также предусматривал,

что он должен покинуть Российскую Федерацию... вышеизложенное не обязательно подразумевает, что выдворение заявителя неизбежно и вытекает из обстоятельств дела. Согласно российскому законодательству, решение, требующее выдворения иностранного гражданина из страны, принимается до того, как такой иностранный гражданин может быть выдворен, например, постановление об экстрадиции, решение, предусматривающее наказание в форме административного выдворения за административное правонарушение, или решение о нежелательности пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина и его депортации... и любое подобное постановление о выдворении... может быть обжаловано. В отсутствие какого-либо из таких решений по общему правилу нельзя говорить, что заявитель является «жертвой» потенциального нарушения статьи 3 Конвенции, как в настоящем деле, ввиду риска жестокого обращения в Таджикистане» (пункт 57 решения).

Европейский Суд подчеркнул, что ему не были представлены «...какие-либо доказательства того, что таджикские власти предпринимали какие-либо действия с целью возвращения заявителя в Таджикистан (например, запрос об экстрадиции или постановление об установлении слежки за заявителем), или что российские власти сообщали таджикским властям о своих подозрениях в отношении заявителя» (пункт 59 решения).

Суд заключил, что «...признаки, позволяющие сделать вывод или допустить, что таджикские власти имеют или вероятно могут иметь «негативную заинтересованность» в заявителе, и что заявитель подвергается риску или страдает вследствие «замаскированной экстрадиции», отсутствуют... [Ж]алоба заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в настоящее время лишена оснований. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункты 59 - 60 решения).

В отношении нарушений статей 8 и 13 Конвенции Суд установил, что «...в отсутствие постановления об административном выдворении доводы заявителя относительно будущих негативных последствий для его «семейной жизни», вытекающие из его выдворения с территории Российской Федерации, были и остаются спекулятивными. Следовательно, в настоящее время в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 63 решения).

Суд пришел к выводу, что «...национальные власти допускали продолжение пребывания заявителя в стране в период различных административных и судебных разбирательств с его участием после аннулирования его разрешения на проживание, а затем также в соответствии с указанием Суда, содержащимся в правиле 39 Регламента Суда. Соответственно, данная часть жалобы, в том виде, в котором она была представлена Суду, является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 64 решения).

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам N 58923/14 «Холмуродов против России» (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.) и N 14348/15 «У.Н. против России» (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.)

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Запрет пыток

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: КаюмОртиков против Узбекистана. Сообщение N 2317/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 26 октября 2016 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольные аресты и задержания; справедливое судебное разбирательство; право на эффективные средства правовой защиты

Вопрос существа: пытки; пытки - оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест - содержание под стражей; эффективные средства правовой защиты; справедливое судебное разбирательство; справедливое судебное разбирательство - правовая помощь; справедливое судебное разбирательство - право на рассмотрение дела в присутствии обвиняемого.

Правовые позиции Комитета: лица, лишённые свободы, не могут подвергаться каким-либо лишениям или тяготам, помимо тех, которые являются результатом лишения свободы, и что обращение с ними должно быть гуманным и обеспечивающим уважение их достоинства <33>. Он также отмечает, что содержание под стражей без связи с внешним миром несовместимо с обязательством обращаться с заключёнными гуманно и с уважением их достоинства <34> (пункт 10.4 Соображения).

<33> См. Замечание общего порядка N 21 (1992 год) о праве лиц, лишённых свободы, на гуманное обращение, пункты 3 - 4; и Сообщения N 1780/2008, Зарзи против Алжира, Соображения, принятые 22 марта 2011 г., пункт 7.8, и N 1753/2008, Гезут и Ракик против Алжира, Соображения, принятые 19 июля 2012 г., пункт 8.8.

<34> См. Сообщение N 1781/2008, Берзиг против Алжира, Соображения, принятые 31 октября 2011 г., пункт 8.8.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение автора о пытках в полицейском следственном изоляторе N 64/1 в Ташкенте с февраля по август 2009 года. Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что после жалобы брата автора от 8 мая 2009 г. Главное управление по вопросам исполнения наказаний провело расследование, однако не обнаружило каких-либо доказательств якобы имевшего место жестокого обращения. Он также отмечает, что

в медицинских документах, представленных автором, отмечаются различные увечья, но не указывается их причина и происхождение. Вместе с тем Комитет также отмечает, что государство-участник не представило конкретную информацию о расследовании, проведенном Главным управлением по исполнению наказаний. Оно также не представило Комитету никаких документов в подтверждение своих заявлений о состоянии здоровья автора в момент его перевода в тюрьму и выхода из нее. Комитет также отмечает, что автор был подвергнут продолжительному содержанию под стражей без связи с внешним миром (почти три месяца), что является фактом, которое государство-участник не оспаривает, и само по себе может представлять одну из форм пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, особенно в тех случаях, когда период такого содержания под стражей без связи с внешним миром не установлен органами правоохранения и является, по сути, бессрочным <35>. Он... отмечает, что родственники автора направили по крайней мере 12 жалоб (прилагаются к первоначальному представлению) по поводу обращения с автором во время содержания под стражей в различные государственные органы, в том числе в Генеральную прокуратуру, Управление внутренних дел города Ташкента, Службу национальной безопасности и Верховный суд, однако заявителям не было представлено никакой информации о каких-либо следственных мерах, принятых властями в связи с этими жалобами. В свете вышеизложенного, принимая во внимание детальное описание фактов в утверждениях автора о многочисленных актах пыток, которым он был подвергнут в следственном изоляторе N 64/1, а также неспособность государства-участника опровергнуть эти утверждения с помощью надлежащих документальных доказательств и учитывая конкретный контекст длительного содержания автора под стражей в СИЗО в нарушение требований национального законодательства, что не получило разъяснения со стороны государства-участника, а также то, что государство-участник не провело эффективного расследования утверждений автора о применении пыток, Комитет приходит к выводу о нарушении прав автора по статье 7 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах <36> (пункт 10.2 Соображения).

<35> См. сообщения N 992/2001, Бусруаль против Алжира, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., пункт 9.8, и N 2297/2013, Шани против Алжира, Соображения, принятые 11 марта 2016 г., пункт 7.3.

<36> См. Замечание общего порядка Комитета N 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 11.

Комитет принимает к сведению утверждение автора о нарушении его прав по статье 9 Пакта, так как он содержался в следственном изоляторе полиции с 8 февраля 2009 г. по 7 сентября 2009 г., тогда как согласно статье 54 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан осужденный должен быть переведен из след-

ственного изолятора в тюрьму не позднее, чем через 10 дней после получения СИЗО окончательного судебного приговора. Не получив от государства-участника никаких разъяснений относительно этого утверждения, Комитет приходит к выводу о том, что содержание автора под стражей в СИЗО N 64/1 представляло собой нарушение установленной законом процедуры. Поэтому Комитет приходит к выводу о нарушении прав автора по пункту 1 статьи 9 Пакта (пункт 10.3 Соображения).

Комитет принимает к сведению утверждение автора о его продолжительном содержании без связи с внешним миром в следственном изоляторе N 64/1 с 8 февраля 2009 г., а также отмечает, что его адвокату было разрешено посетить его в первый раз 4 мая 2009 г. и что его жена встретила с ним лишь 8 октября 2009 г. после его перевода в тюрьму. Государство-участник не опровергло это утверждение автора, однако заявило, что автор отказался от свиданий со своими родственниками. С учетом сделанного ранее вывода об отсутствии надлежащей реакции со стороны государства-участника на утверждения о том, что права автора по статье 7 Пакта были нарушены, Комитет не считает высокой доказательственную силу якобы имевшего место отказа автора от свиданий с родственниками. Он также отмечает, что государство-участник не утверждало, что автор отказался встречаться со своим адвокатом... В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что продолжительное содержание автора под стражей без связи с внешним миром также является нарушением его прав по пункту 1 статьи 10 Пакта (пункт 10.4 Соображения).

Выводы Комитета: представленная информация свидетельствует о нарушении государством-участником прав автора по статье 7, рассматриваемой отдельно и в сочетании с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 9 и пунктом 1 статьи 10 Пакта (пункт 11 Соображения).

Сообщение: Жахангир Базаров против Кыргызстана. Сообщение N 2187/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 21 октября 2016 г.

Тема сообщения: пытки и жестокое обращение в период содержания под стражей; несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; справедливое судебное разбирательство - правовая помощь; произвольный арест - произвольное содержание под стражей; дискриминация по признаку этнического происхождения.

Правовые позиции Комитета: [п]о поводу обязательства государства-участника надлежащим образом расследовать утверждения автора о пытках Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой уголовное расследование и последующее привлечение к ответственности представляют собой необходимые средства восстановления нарушенных прав человека, таких как права, защищаемые статьей 7 Пакта <37> (пункт 6.3 Соображения).

<37> См. Замечания общего порядка Комитета N 20, пункт 14, и N 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства - участники Пакта, пункт 18.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает во внимание утверждения автора о том, что в ряде случаев он был подвергнут пыткам и другим видам жестокого обращения. Комитет отмечает, что автор сообщил о пытках как Ошскому областному суду, так и Верховному суду Кыргызстана. Он также принимает к сведению признание государства-участника о том, что автор заявил о применении к нему пыток. Вместо проведения быстрого и беспристрастного расследования компетентными органами <38> государство-участник объясняет жалобы автора его желанием избежать наказания за преступное поведение. Комитет также отмечает, что автор и его адвокаты представили судам фотографии со следами пыток, результаты медицинского обследования, подтверждающие признаки пыток, а также показания свидетелей. Комитет считает, что в обстоятельствах данного дела и, в частности, в свете того, что государство-участник не дало объяснений по поводу заметных следов жестокого обращения, которые неоднократно видели свидетели, утверждениям автора следует придавать соответствующий вес (пункт 6.2 Соображения).

<38> См. Замечание общего порядка Комитета N 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 14.

Комитет отмечает, что согласно материалам дела не было проведено расследования утверждений о пытках, несмотря на ряд инкриминирующих показаний свидетелей. Исходя из обстоятельств данного дела Комитет заключает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 Пакта при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с пунктом 3 статьи 2 [Пакта] (пункт 6.3 Соображения).

Комитет... принимает к сведению заявления автора по пункту 1 статьи 9 [Пакта] о том, что он был произвольно задержан с 19 июля по 24 июля 2010 г., когда вопрос о его содержании под стражей был рассмотрен Ошским городским судом. Автор утверждает, что государство-участник подвергло его произвольному задержанию до 24 июля 2010 г., с тем чтобы дать возможность сотрудникам милиции применить к нему пытки. Государство-участник утверждает, что автор был задержан только 24 июля 2010 г. [A]втор утверждает, что в течение нескольких дней его произвольного содержания под стражей его пытали несколько сотрудников милиции, принуждая его к даче признательных показаний. По утверждению автора, эти признательные показания были приняты за основу вынесенного 27 августа 2010 г. обвинительного приговора в нарушение его прав согласно подпункту g) пункта 3 статьи 14 [Пакта]. Принимая во внимание выводы Комитета относительно нарушений статьи 7 и неспособность или нежелание государства-участника расследовать утверждения автора о пытках и непровергнутый факт использования полученных под принуждением признательных показаний автора в качестве доказательства и основы вынесенного ему обвинительного приговора, Комитет считает, что также были нарушены права автора в со-

ответствии с пунктом 1 статьи 9 и подпунктом г) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 6.4 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по статье 7 при рассмотрении ее отдельно, а также совместно с пунктом 3 статьи 2, пунктом 1 статьи 9 и подпунктом г) пункта 3 статьи 14 Пакта (пункт 7 Соображения).

Сообщение: МедждубШани против Алжира. Сообщение N 2297/2013. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 11 марта 2016 г.

Тема сообщения: применение пыток и произвольное содержание под стражей.

Вопрос существа: пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение; произвольное содержание под стражей; свобода передвижения; равные возможности и справедливое судебное разбирательство; лишение защиты закона.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает <39>, что бремя доказывания... утверждений лежит не только на авторе сообщения, тем более что автор и государство-участник не всегда имеют одинаковый доступ к элементам доказательств и что зачастую лишь государство-участник располагает необходимыми сведениями. Как это косвенно вытекает из пункта 2 статьи 4 Факультативного протокола, государство-участник обязано провести добросовестное расследование всех утверждений о нарушении Пакта, выдвигаемых против него и его представителей, и передать Комитету сведения, которыми оно располагает. В тех случаях, когда автор представляет государству-участнику утверждения, которые подкреплены достоверными доказательствами и дальнейшее уточнение которых зависит от информации, имеющейся исключительно у государства-участника, Комитет может признать утверждения автора обоснованными, если государство-участник их не опровергнет, представив удовлетворительные разъяснения или доказательства (пункт 7.2 Соображения).

<39> Сообщения N 146/1983, Бабоерам Адхин и др. против Суринама, Соображения, принятые 4 апреля 1985 г., пункт 14.2; N 139/1983, Контерис против Уругвая, Соображения, принятые 17 июля 1985 г., пункт 7.2; N 202/1986, Грасизела Атодель Авельянал против Перу, Соображения, принятые 28 октября 1988 г., пункт 9.2; N 30/1978, Блейер против Уругвая, Соображения, принятые 29 марта 1982 г., пункт 13.3; N 107/1981, Мария дель Кармен Альмейда де Кинтерос против Уругвая, Соображения, принятые 21 июля 1983 г., пункт 11; N 992/2001, Бусруаль против Алжира, Соображения, принятые 30 марта 2006 г., пункт 9.4.

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка N 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, в котором он рекомендует государствам-участникам принять меры в целях запрещения содержания под стражей в режиме строгой изоляции (пункт 7.3 Соображения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принял к сведению жалобы автора согласно статье 7 Пакта. Комитет признает степень страданий, причиненных содержанием под стражей

без связи с внешним миром в течение определенного периода времени... [Комитет] отмечает, что автор содержался под стражей в режиме строгой изоляции 20 дней и в течение этого времени был лишен возможности связаться со своей семьей, врачом или адвокатом. Комитет ...принимает к сведению утверждения автора о том, что он подвергался пыткам во время своего содержания под стражей в режиме строгой изоляции в период с 17 сентября по 6 октября 2009 г. Он отмечает утверждения автора о том, что сотрудники Департамента разведки и безопасности по пять-шесть раз в день подвергали его допросам, в ходе которых ему систематически давали пощечины, пинали ногами, наносили удары кулаками, плевали в лицо и подвергали удушению; и что они неоднократно заставляли его раздеваться и мочились на него, когда он просил принять душ. Комитет отмечает, что государство-участник ограничилось отрицанием этих утверждений, сославшись на то, что они исходят только от автора, хотя в протоколе допроса обвиняемого по тому же делу, который следователь проводил 18 ноября 2009 г., зафиксированы аналогичные утверждения. Комитет... отмечает, что автор заявлял об актах пыток, которым он неоднократно подвергался в ходе разбирательства. В отсутствие расследования этих утверждений или убедительных доказательств, помимо медицинской справки, которая не позволяет говорить о проведении тщательного медицинского осмотра по истечении срока содержания под стражей и доказательная сила которой была поставлена автором под вопрос, Комитет приходит к выводу о нарушении государством-участником статьи 7 [Пакта], рассматриваемой отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 7.3 Соображения).

В отношении статьи 9 [Пакта] Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он был арестован 17 сентября 2009 г. и содержался под стражей в режиме строгой изоляции и без связи с внешним миром, и в частности без контакта с адвокатом или членами своей семьи, и что его содержание под стражей в неизвестном месте проходило без контроля со стороны прокуратуры, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо действий со стороны прокурора до 6 октября 2009 г. - даты окончания срока его содержания под стражей. Комитет отмечает, что, по словам автора, в материалах дела не содержатся ни основания для заключения под стражу, ни разрешение прокурора на заключение под стражу, ни разрешение прокурора на продление содержания под стражей, что свидетельствует о произвольном аресте и заключении под стражу автора. Комитет также отмечает отсутствие расследования государством-участником предполагаемого произвольного ареста и содержания автора под стражей в режиме строгой изоляции, несмотря на жалобы, поданные автором. Комитет считает, что в связи с непредставлением государством-участником каких-либо разъяснений по поводу отсутствия в судебном деле материалов, касающихся точной даты ареста автора, оснований для его ареста и законности его заключения под стражу, и в связи с непроведением расследования по этим утверждениям государство-участник нарушило статью 9 [Пакта], рассматриваемую

отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 7.5 Соображения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении статей 7 и 9 Пакта, рассматриваемых отдельно и в совокупности с пунктом 3 статьи 2 Пакта (пункт 8 Соображения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: Вячеслав Бережной против Российской Федерации. Сообщение N 2107/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 28 октября 2016 г.

Тема сообщения: незаконное содержание под стражей несовершеннолетнего и несправедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: правосудие в отношении несовершеннолетних; опекун/опека; справедливое судебное разбирательство - юридическая помощь, справедливое судебное разбирательство - неоправданная задержка, принуждение к даче показаний.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Пакта каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо «в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть». Комитет напоминает..., что, хотя точное значение слов «в срочном порядке» может различаться в зависимости от фактических обстоятельств, задержка не должна превышать нескольких дней с момента ареста. По мнению Комитета, 48 часов обычно достаточно для транспортировки лица и подготовки к судебному заседанию; любая задержка сверх 48 часов должна носить исключительный характер и оправдываться конкретными обстоятельствами <40>. Особо строгий стандарт срочности, такой как 24 часа, следует применять в отношении несовершеннолетних <41> (пункт 9.2 Соображения).

<40> См. Замечание общего порядка N 35 (2014) о праве на свободу и личную неприкосновенность, пункт 33.

<41> Там же.

Комитет напоминает, что согласно пункту 4 статьи 9 Пакта и его давним решениям помещенному под стражу лицу принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог вынести постановление относительно законности его задержания. При отсутствии законных оснований для дальнейшего содержания под стражей судья должен принять решение об освобождении <42> (пункт 9.3 Соображения).

<42> Там же, пункт 36.

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка N 17 (1989) о правах ребенка, [3]амечание общего порядка N 32 (2007) о праве на равенство перед

судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство и на свои решения, в которых говорится, что обвиняемые несовершеннолетние лица имеют право как можно скорее предстать перед судом в рамках справедливого разбирательства. Пункт 2 b) статьи 10 [Пакта] усиливает для несовершеннолетних требования пункта 3 статьи 9 [Пакта] в отношении скорейшего предания суду задержанных до суда лиц <43> (пункт 9.4 Соображения).

<43> Там же, пункт 59.

Комитет напоминает, что в подпункте 3 b) статьи 14 [Пакта] предусматривается, что обвиняемые лица должны иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с wybranными ими самими защитниками. Это положение является важным элементом гарантии справедливого судебного разбирательства и применения принципа равенства составительных возможностей <44> (пункт 9.5 Соображения).

<44> См. Замечание общего порядка N 32 (2007) о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 32.

Что касается утверждений автора о том, что его права по пункту 4 статьи 14 [Пакта] были нарушены, Комитет ссылается на статью 24 Пакта и указывает, что в уголовном судопроизводстве несовершеннолетние нуждаются в специальной защите <45> (пункт 9.7 Соображения).

<45> Там же, пункт 42.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению не опровергнутые утверждения автора о том, что он был задержан 16 февраля 1995 г., официально помещен под стражу до суда 18 февраля 1995 г. в соответствии с постановлением прокурора, однако был доставлен к судье лишь через несколько месяцев - в день начала судебного разбирательства. Комитет напоминает, что обязательным элементом надлежащего исполнения судебной власти является проведение разбирательства по соответствующему делу независимым, объективным и беспристрастным судом и что прокурор не может рассматриваться в качестве должностного лица, полномоченного осуществлять судебную власть по смыслу пункта 3 статьи 9 Пакта <46>. Исходя из этого, Комитет приходит к выводу, что вышеуказанные факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пункту 3 статьи 9 Пакта (пункт 9.2 Соображения).

<46> Там же, пункт 32.

Комитет отмечает не получившие опровержения утверждения автора о том, что он незаконно содержался под стражей с 18 мая 1995 г. до начала судебных слушаний 5 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что государство-участник не представило никакой информации относительно местонахождения автора в течение

ние этого времени... В данном случае автор не только не был доставлен к судье для вынесения первоначального постановления о заключении под стражу, но и не имел возможности принять участие в разбирательстве его дела в суде с целью оспорить законность содержания под стражей, что является прямым нарушением положений пункта 4 статьи 9 Пакта. В этой связи Комитет приходит к выводу, что противозаконное заключение автора под стражу нарушило его права по пункту 4 статьи 9 Пакта. С учетом этого вывода Комитет принимает решение не рассматривать жалобы автора по пунктам 1 и 2 статьи 9 Пакта отдельно (пункт 9.3 Соображения).

Комитет отмечает, что автор был арестован 16 февраля 1995 г. и что его дело не было рассмотрено до 25 марта 1996 г. Комитет также отмечает, что, согласно информации государства-участника, уголовное расследование было завершено и дело было передано в Красноармейский городской суд 27 апреля 1995 г., т.е. почти за год до вынесения окончательного судебного решения. В отсутствие каких-либо соответствующих разъяснений со стороны государства-участника в отношении этой значительной задержки в рассмотрении дела, касающегося содержащегося под стражей несовершеннолетнего, Комитет считает, что права автора на оперативное судебное разбирательство в соответствии с пунктом 2 b) статьи 10 [Пакта] были нарушены. После вывода о нарушении прав автора на вынесение в кратчайший срок судебного решения, как это предусмотрено в пункте 2 b) статьи 10 Пакта, и по тем же причинам, которые указаны выше, Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении прав автора по пункту 3 c) статьи 14 Пакта (пункт 9.4 Соображения).

Что касается права иметь адвоката, то Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что он просил встретиться со своей матерью, с тем чтобы она помогла ему выбрать адвоката. Комитет также отмечает, что мать автора, которая, учитывая возраст автора, могла сыграть важную роль в нахождении ему адвоката, была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., когда следствие было почти завершено... Учитывая возраст автора на тот момент и его уязвимость, Комитет считает, что автору не было предоставлено достаточного времени и возможностей для подготовки своей защиты или общения с выбранным им самим защитником и что его права согласно пункту 3 b) статьи 14 Пакта были тем самым нарушены (пункт 9.5 Соображения).

Комитет уже подчеркивал важность оказания надлежащей помощи несовершеннолетним в ходе уголовного разбирательства, в том числе через их родителей или законных опекунов <47>. Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что родители автора были проинформированы «устно» во время его ареста, но при этом отмечает, что мать автора была назначена в качестве его законного представителя лишь 8 апреля 1995 г., т.е. почти через два месяца после его ареста <48>. Комитет считает, что в данном случае, учитывая возраст автора на тот момент, ставящий его в уязвимое положение, беспрепятственный доступ к его родителям или законному

опекуну или юридическому представителю могли бы сыграть важную роль в деле защиты его прав в ходе уголовного разбирательства <49>. Эти права, в частности, включают в себя право на помощь адвоката по своему выбору, право на безотлагательное судебное разбирательство, а также право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты. С учетом того, что информация, представленная сторонами, свидетельствует о том, что государство-участник не приняло никаких специальных мер по защите автора по причине его возраста, Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора, предусмотренные пунктом 4 статьи 14 [Пакта], рассматриваемым в совокупности с пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункт 9.7 Соображения).

<47> Там же. См. также сообщение N 1390/2005, Кореба против Беларуси, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., пункт 7.4.

<48> См. Комитет по правам ребенка, Замечание общего порядка N 10 (2007) о правах детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, в котором Комитет подчеркивает важность информирования ребенка и его родителей или законных опекунов в отношении уголовного судопроизводства (пункт 48) и предоставления ребенку, который подвергается допросу, доступа к адвокату или иному соответствующему представителю и возможности требовать присутствия своего родителя(ей) в ходе допроса (пункт 58).

<49> См. Европейский Суд по правам человека, Блохин против России (заявление N 47152/06), решение от 23 марта 2016 г., пункт 183, в котором Суд признал, что допрос несовершеннолетнего в отсутствие опекуна, защитника или учителя является мерой «психологического принуждения».

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пунктов 3 и 4 статьи 9, пункта 2 b) статьи 10, пункта 3 b) и c) статьи 14 и пункта 4 статьи 14 [Пакта], рассматриваемых в совокупности с пунктом 1 статьи 24 Пакта (пункт 10 Соображения).

В соответствии с пунктом 3 a) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить эффективное средство правовой защиты лицам, права которых, предусмотренные Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, предоставить Вячеславу Бережному надлежащую компенсацию, в том числе возместить ему судебные, правовые и иные связанные с этим делом издержки. Государство-участник также обязано принять все необходимые шаги с целью предотвращения аналогичных нарушений в отношении несовершеннолетних правонарушителей в будущем (пункт 11 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 51445/09 «Жеребин против России» (вынесено 24 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением срока содержания заявителя под стражей без доста-

точных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявитель жаловался, ссылаясь на пункты 1 и 3 статьи 5 Конвенции, что его содержали под стражей в ходе следствия и судебного разбирательства, несмотря на отсутствие значительных и достаточных оснований.

Европейский Суд отметил, что «...[п]ри обосновании необходимости заключения заявителя под стражу в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в его отношении внутригосударственные судебные власти аргументировали это тем, что он может скрываться или препятствовать отправлению правосудия путем, в том числе, оказания давления на свидетелей» (пункт 57 постановления).

Суд установил, что «...внутригосударственные суды отказались рассматривать личные поручительства, подписанные лицами, согласными поручиться за заявителя, сомневаясь в их подлинности. Они также ссылались, без указания действующих норм уголовного права, на несоблюдение заявителем требования по представлению указанных документов следователю» (пункт 59 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...внутригосударственные органы власти при отказе в освобождении заявителя утверждали, что он не представил доказательств, опровергающих предположения обвинения о наличии риска, что он может скрыться или препятствовать отправлению правосудия...[П]ерекладывание бремени доказывания в таких вопросах на задержанное лицо равнознач[о] уничтожению смысла статьи 5 Конвенции, которая делает заключение под стражу исключительным случаем отступления от принципа уважения свободы личности, допустимым только в ограниченном количестве строго определенных случаев» (пункт 60 постановления).

Суд указал на то, что «...большинство предыдущих дел длительного содержания под стражей имеют более длительные периоды лишения свободы, в сравнении с которыми [срок содержания под стражей заявителя] можно рассматривать как относительно короткий период содержания под стражей» <50> (пункт 61 постановления).

<50> Срок содержания заявителя под стражей составил семь месяцев и двадцать дней.

Европейский Суд заключил, что «...не рассмотрев возможность применения альтернативной «меры пресечения» и сославшись, в основном, на тяжесть предъявленного обвинения, а также переложив бремя доказывания на заявителя, власти Российской Федерации продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые, хоть и являются «значительными», не могут считаться «достаточными» для обоснования такой длительности срока...Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции» (пункты 62 - 63 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пунктов 3 и 4

статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам N 80015/12 «Девтеров против России» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), N N 30454/08, 11655/10 и 19871/10 «Бражников и другие против России» (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N 9994/06 «Поддубный и Бабков против России» (вынесено и вступило в силу 21 июня 2016 г.), N N 24649/10 и 8496/13 «Сюсюра и Овечкин против России» (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N N 7243/10 и 15536/10 «Евстратов и Рудаков против России» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), N 34942/05 «Колкутин против России» (вынесено и вступило в силу 12 июля 2016 г.), N N 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 «Сергей Денисов и другие против России» (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), N 51311/12 «Махмуд против России» (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), N N 58104/14, 12566/15, 13335/15, 15383/15, 18943/15, 21219/15 и 23554/15 «Вальтер и другие против России» (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N N 16120/07 и 24021/07 «Горбатенко и Шейдяков против России» (вынесено и вступило в силу 15 ноября 2016 г.).

См. также вышеприведенные Соображения Комитета по правам человека по делу Каюм Ортиков против Узбекистана; по делу Жахангир Базаров против Кыргызстана; по делу Медждуб Шани против Алжира.

См. также нижеприведенные Соображения по делу Марлон Джеймс Нобл против Австралии.

См. также нижеприведенные постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам N N 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 «Сергей Денисов и другие против России» (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.); по жалобе N 24849/05 «Сергей Зайцев против России» (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.).

Право на справедливое судебное разбирательство

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам инвалидов

Сообщение: Марлон Джеймс Нобл против Австралии. Сообщение N 7/2012. Соображения приняты Комитетом по правам инвалидов (далее - Комитет) 2 сентября 2016 г.

Тема сообщения: право пользоваться правоспособностью наравне с другими.

Вопрос существа: доступ к суду; психическая и интеллектуальная недееспособность; реализация правоспособности; лишение свободы; дискриминация по признаку инвалидности; ограничения прав.

Правовые позиции Комитета: по пунктам 1 и 2 статьи 5 Конвенции [о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.] <51> государства-участники должны обеспечивать, чтобы все лица были равны перед законом

и по нему и имели право на равную защиту закона и равное пользование им без всякой дискриминации, и для поощрения равенства и устранения дискриминации должны предпринимать все надлежащие шаги к обеспечению разумного приспособления. Комитет... напоминает, что дискриминация может быть результатом дискриминационного эффекта нормы или меры, которые не рассчитаны на дискриминацию, но несоизмеренно затрагивают инвалидов <52> (пункт 8.3 Соображения).

<51> Далее - Конвенция.

<52> См. сообщение N 10/2013, С.К. против Бразилии, Решение о неприемлемости, принятое 2 октября 2014 г., пункт 6.4.

Комитет напоминает, что по пункту 2 статьи 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность признать, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. По пункту 3 статьи 12 [Конвенции] государства-участники несут обязанность предоставлять инвалидам доступ к поддержке, которая может потребоваться им для реализации своей правоспособности. Комитет также напоминает, что по пункту 1 статьи 13 [Конвенции] государства-участники должны обеспечивать инвалидам наравне с другими эффективный доступ к правосудию, в том числе предусматривая процессуальные и соответствующие возрасту коррективы (пункт 8.5 Соображения).

Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность <53>, должны соблюдаться соответствующие права данного лица (пункт 8.6 Соображения).

<53> См. сообщение N 5/2011, Юнгелин против Швеции, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.5.

[О]дним из наиболее ценных прав, которыми наделен каждый, является свобода и личная неприкосновенность. В частности, право на свободу согласно статье 14 Конвенции имеют все инвалиды, и особенно лица, страдающие интеллектуальными и психосоциальными расстройствами <54> (пункт 8.7 Соображения).

<54> См. руководящие принципы Комитета по статье 14 Конвенции о праве на свободу и личную неприкосновенность инвалидов, принятые на его четырнадцатой сессии (2015 год), пункт 3.

Комитет подчеркивает, что государства-участники занимают особое место в плане гарантии защиты прав лиц, лишенных свободы, в силу той степени контроля, который они осуществляют над этими лицами <55>, включая и предотвращение любой формы обращения вопреки статье 15 Конвенции и гарантии прав, установленных по Конвенции. В этом контексте власти государства-участника должны уделять особое внимание конкретным потребностям и возможной уязви-

мости соответствующего лица, в том числе по причине его или ее инвалидности (пункт 8.9 Соображения).

<55> См. Комитет против пыток, сообщение N 456/2011, Герреро/Ларес против Боливарианской Республики Венесуэла, Решение, принятое 15 мая 2015 г., пункт 6.4; Комитет по насильственным исчезновениям, сообщение N 1/2013, Ируста против Аргентины, Соображения, принятые 11 марта 2016 г., пункт 10.5.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает... заявление [автора] о том, что Закон о душевнобольных обвиняемых носит дискриминационный характер, поскольку он применяется лишь к лицам, страдающим когнитивными расстройствами, и в случае предъявления им обвинения в уголовных правонарушениях предусматривает их бессрочный арест без установления вины, тогда как лица, не страдающие когнитивными расстройствами, защищены от такого обращения за счет применения норм надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. Комитет также отмечает, что, по мнению государства-участника, этот закон не носит дискриминационный характер, а предусматривает легитимное дифференцированное обращение с определенными лицами, страдающими инвалидностью, с соблюдением гарантий с целью обеспечить его соразмерность целям закона (пункт 8.2 Соображения).

Комитет отмечает, что Закон о душевнобольных обвиняемых призван урегулировать ситуацию лиц, страдающих психосоциальными и интеллектуальными расстройствами, которые признаются неспособными предстать перед судом по причине психического расстройства. И поэтому вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, чтобы определить, носит ли дифференцированный режим, предусмотренный по Закону, разумный характер или не приводит ли он к дискриминационному обращению с инвалидами (пункт 8.3 Соображения).

[А]втор был обвинен в 2001 году в сексуальных правонарушениях, которые так и не были доказаны. В марте 2003 года он был признан процессуально недееспособным. Был выдан ордер на арест, и автор содержался в заключении в гренафской окружной тюрьме до 10 января 2012 г., когда он был передан в службу поддержки на предмет адаптации. Комитет отмечает, что на всем протяжении заключения автора в тюрьме вся судебная процедура фокусировалась на его умственной способности предстать перед судом, и ему не было предоставлено никакой возможности заявить о своей невиновности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Комитет также отмечает, что государство-участник не предоставило автору поддержки или адаптации, которые требуются ему для реализации своей правоспособности, и не проанализировало, какие меры могли бы быть приняты с этой целью. Наоборот, в результате применения Закона было полностью приостановлено право автора на справедливое судебное разбирательство, что лишило его защиты и равного преимущества закона. И поэтому Комитет считает, что Закон обернулся дискриминационным обращением по делу автора в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 5 Конвенции... Комитет отмечает, что по Закону

с признанием того или иного лица процессуально недееспособным он или она может содержаться под арестом неограниченный промежуток времени. Он или она будут предположительно считаться по-прежнему психически неспособными предстать перед судом до тех пор, пока не будет доказано обратное. А между тем такое лицо не имеет возможности реализовывать свою правоспособность в судах (пункт 8.4 Соображения).

Что касается утверждений автора по пунктам 2 и 3 статьи 12 и по пункту 1 статьи 13 Конвенции, то Комитет отмечает утверждение автора о том, что решение о его процессуальной недееспособности лишило его возможности реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невинности и оспорить инкриминирующие его доказательства, что равносильно нарушению пунктов 2 и 3 статьи 12 Конвенции (пункт 8.5 Соображения).

В настоящем деле решение о процессуальной недееспособности автора по причине его недееспособности интеллектуальной и психической обернулось отказом ему в праве реализовать свою правоспособность, дабы заявить о своей невинности и оспорить инкриминирующие его доказательства. Более того, властями государства-участника автору не было предоставлено никакого рода адекватной поддержки, дабы позволить ему предстать перед судом и заявить о своей невинности, несмотря на его явное намерение сделать это. И поэтому ему так и не была предоставлена возможность добиться определения по инкриминируемым ему уголовным обвинениям и потенциально обелить свой статус предполагаемого сексуального правонарушителя. Комитет считает, что, хотя государства-участники имеют определенные дискреционные пределы с целью установления процедурных механизмов, дабы позволить инвалидам осуществлять свою правоспособность <56>, должны соблюдаться соответствующие права данного лица. В случае же автора этого не произошло, ибо он не имел возможности и ему не было предоставлено адекватной поддержки или адаптации, чтобы реализовать свои права на доступ к правосудию и на справедливое судебное разбирательство. Ввиду вышесказанного Комитет считает, что рассматриваемая ситуация равносильна нарушению прав автора по пунктам 2 и 3 статьи 12 и по пункту 1 статьи 13 Конвенции (пункт 8.6 Соображения).

.....
<56> См. сообщение N 5/2011, Юнгелин против Швеции, Соображения от 2 октября 2014 г., пункт 10.5.

Комитет отмечает, что после мартовского 2003 года решения окружного суда Западной Австралии, согласно которому автор был признан процессуально недееспособным, он, после того как в порядке применения Закона о душевнобольных обвиняемых были аннулированы все обвинения против него, был заключен в тюрьму, не будучи осужден за какое-либо правонарушение. Комитет также отмечает утверждение государства-участника о том, что компетентные ведомство приняли это решение из-за отсутствия наличных альтернатив и служб поддержки, хотя они и считали, что тюрьма «не является подходящей средой для автора». И поэтому заключение автора было избрано на основе

оценки ведомствами государства-участника потенциальных последствий его интеллектуальной недееспособности в отсутствие всякого уголовного обвинительного приговора, сделав тем самым инвалидность основной причиной заключения. И поэтому Комитет считает, что заключение автора равносильно нарушению пункта 1 b) статьи 14 Конвенции, согласно которой «наличие инвалидности ни в коем случае...» не является «...основанием для лишения свободы» (пункт 8.7 Соображения).

Комитет отмечает, что 10 января 2012 г. автор был выпущен из тюрьмы и передан в службу поддержки на предмет адаптации на 10 условиях. Не вдаваясь в детальный анализ этих условий, Комитет считает, что, поскольку эти условия были определены как прямое следствие заключения автора, которое признается нарушением Конвенции, они тоже равносильны нарушению пункта 1 b) статьи 14 (пункт 8.8 Соображения).

Комитет отмечает утверждения автора о том, что он подвергался частым актам насилия и надругательств, что его инвалидность мешала ему защищаться от таких актов и что власти государства-участника не приняли никаких мер, чтобы наказать и предотвратить их или защитить от них автора. Вдобавок Комитет отмечает, что автор содержался в заключении больше 13 лет безо всяких указаний насчет продолжительности его заключения. Как считалось, его заключение носит бессрочный характер, поскольку, в соответствии со статьей 10 Закона о душевнобольных обвиняемых, «обвиняемый, признанный по настоящему разделу психически неспособным предстать перед судом, предположительно считается по-прежнему психически неспособным до тех пор, пока не будет доказано обратное». Принимая в расчет непоправимые психологические последствия, которыми может обернуться для заключенного бессрочное заключение, Комитет полагает, что бессрочное заключение, которому он был подвергнут, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. И поэтому Комитет считает, что бессрочное заключение автора и неоднократные акты насилия, которым он подвергался в ходе его заключения, равносильны нарушению государством-участником статьи 15 Конвенции (пункт 8.9 Соображения).

Выводы Комитета: государство-участник не выполнило свои обязательства по пунктам 1 и 2 статьи 5, 2 и 3 статьи 12, 1 статьи 13, 1 b) статьи 14 и по статье 15 Конвенции (пункт 8.10 Соображения).

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам N N 1985/05, 18579/07, 21748/07, 21954/07 и 20922/08 «Сергей Денисов и другие против России» (вынесено 19 апреля 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с якобы незаконным составом городского суда, вынесшим приговор по делу заявителей и необоснованно длительным рассмотрением уголовного дела в их отношении.

Вместе с тем установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением

судами срока содержания заявителя под стражей без достаточных на то оснований и без приведения надлежащих мотивов применения названной меры пресечения.

Заявители жаловались, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, на то, что состав городского суда, который вынес приговор в их отношении, не был создан в соответствии с законом и не имел полномочий рассматривать их дело после 1 января 2004 г.

Европейский Суд отметил, что «...жалоба заявителей имеет два аспекта. Во-первых, они оспорили законность назначения народных заседателей, которые вошли в состав суда, рассматривавшего их дело, и продление срока их полномочий; и, во-вторых, они поставили под сомнение их судебские полномочия после 1 января 2004 г.» (пункт 111 постановления).

Суд подчеркнул, что «...[т]от факт, что жалоба в настоящем деле касается народных заседателей, не умаляет ее важности, поскольку, согласно статье 15 Уголовно-процессуального кодекса [РСФСР], в своей должности народные заседатели пользуются всеми правами профессионального судьи» (пункт 113 постановления).

Европейский Суд установил, что «...с 1990 года по 1991 год городской суд выбрал резерв народных заседателей... [Народные заседатели] были должным образом избраны...соответственно сроком на пять лет... [В] 1993 году срок полномочий народных заседателей в России был продлен Указом 1993 года <57> до вступления в силу закона, регулирующего судебную систему... 31 декабря 1996 г. был принят Закон РФ «О судебной системе», который предусматривал, что народные заседатели сохраняют свои полномочия до истечения срока их службы... Однако, спустя двадцать три дня, Указ 1997 года <58> продлил срок полномочий народных заседателей в России до вступления в силу закона о народных заседателях... [Н]ебольшая задержка в возобновлении полномочий народных заседателей,...которые занимали эту должность с начала 1990-х годов по 2006 год, являлась незначительным нарушением и не подрывала законность статуса» (пункты 115 - 118 постановления).

<57> Указ Президента Российской Федерации «О замещении вакантных должностей федеральных судей» от 25 декабря 1993 г.

<58> Указ Президента Российской Федерации «О продлении срока полномочий народных заседателей высших судов республик, краевых, областных судов, московского и Санкт-Петербургского городских судов, суда автономной области, судов автономных округов, районных и военных судов» от 23 января 1997 г.

Суд далее отметил, что «...[народные заседатели] начали рассмотрение дела заявителей 1 октября 2001 г., список народных заседателей, содержащий их имена, еще не был утвержден Законодательным собранием г. Санкт-Петербурга и передан в городской суд в соответствии со статьей 2 Закона о народных заседателях <59> ... 5 августа 2002 г. судебное разбирательство по делу заявителей еще велось, и [народные заседатели] участвовали в нем..., начиная с 1 октября 2001 г. В соответствии с применимыми положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ... состав суда, рассматриваю-

щего дело, должен оставаться неизменным в течение всего срока судебного разбирательства...[Т]ребование о постоянном составе суда, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, а позже и Российской Федерации, обеспечивало непрерывное и своевременное рассмотрение дела заявителей и заменяло собой неспособность властей утвердить и распространить списки народных заседателей» (пункты 121 - 122 постановления).

<59> Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ (с изм. от 14 ноября 2002 г.) «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «... [народные заседатели] имели полномочия рассматривать дело заявителей до и после 5 августа 2002 г., а также после 1 января 2004 г., когда положения закона о народных заседателях были отменены. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что состав суда, рассматривавшего дело заявителей, был законным, и в этом отношении не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункт 125 постановления).

Заявители также жаловались на то, что длительность разбирательства по их уголовному делу не соответствовала требованию «разумного срока», установленному пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Суд подчеркнул, что «...обоснованности длительности рассмотрения дела необходимо оценивать с учетом обстоятельств дела и следующих критериев: сложности дела, поведения заявителя и соответствующих органов власти... предварительное следствие по делу заявителей велось с 10 января 1999 г. по 26 января 2001 г. (два года и семнадцать дней), производство в городском суде длилось с 29 января 2001 г. по 15 февраля 2006 г. (пять лет и восемнадцать дней), а кассационное производство в Верховном Суде [Российской Федерации] длилось с 16 февраля по 21 ноября 2006 г. (девять месяцев и четыре дня)... [Д]лительность предварительного следствия и кассационного производства не была необоснованной, учитывая сложность дела и необходимость для заявителей изучить материалы дела и подготовиться к слушаниям... [С]амый большой перерыв в судебном производстве имел место...когда городской суд откладывал слушание не менее восьмидесяти восьми раз из-за болезни заявителей, неявки адвокатов по состоянию здоровья или по личным или профессиональным причинам, либо без уважительной причины, или же из-за удаления заявителей и их адвокатов из зала суда за поведение, нарушающее порядок судебного заседания» (пункты 131 - 134 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...судебное разбирательство было сложным, учитывая участие в нем семнадцати подсудимых и количество и суть предъявленных им обвинений... [Н]еоднократная неявка адвокатов в суд существенно замедлила ход судопроизводства... [Э]то происходило не по вине государства... [Г]ородской суд правомерно и систематически откладывал слушания по причинам, которые находились вне контроля внутригосударственных органов власти» (пункты 136 - 140 постановления).

Суд заключил, что «...длительность уголовного судопроизводства в настоящем деле нельзя считать необоснованной. Следовательно, в данном отношении нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции допущено не было» (пункт 141 постановления).

Также, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, заявители жаловались на то, что они в ряде случаев были удалены из зала суда, и что слушание по их делу, проводившееся в следственном изоляторе не было открытым для общественности.

Относительно удаления заявителей из зала суда Суд установил, что «...заявители и/или некоторые из их адвокатов удалялись из зала суда в ряде случаев за то, что они перебивали председательствующего судью или секретаря суда, обращались к городскому суду, используя непристойную брань, и за другое несдержанное поведение... При таких обстоятельствах, удаление заявителей из зала суда было необходимым для поддержания порядка в зале суда, и не умаляло общую справедливость разбирательства по делу заявителей, которых в их отсутствие представляли их адвокаты (пункт 143 постановления).

Что касается жалобы на закрытость разбирательства, проводившегося в следственном изоляторе, то Европейский Суд отметил, что «...предоставленные... материалы по делу убедительно доказывают, что, несмотря на то, что судебное разбирательство было перенесено в следственный изолятор, оно не было закрытым для общественности (пункт 144 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 24849/05 «Сергей Зайцев против России» (вынесено и вступило в силу 20 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с проведением областным судом закрытого заседания по уголовному делу заявителя.

Одновременно отклонены как явно необоснованные жалобы заявителя на чрезмерную продолжительность судебного разбирательства по его делу, на нарушение принципа презумпции невиновности и иных прав заявителя в ходе процесса, а также исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба заявителя на несоблюдение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с чрезмерно длительным содержанием его под стражей ввиду урегулирования властями данного вопроса односторонней декларацией.

Заявитель жаловался на непроведение публично-судебного разбирательства по его уголовному делу в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что «...решение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании является нарушением справедливого баланса между правом заявителя на проведение публичного разбирательства по уголовному делу, с одной стороны, и иными важными интересами, с другой стороны» (пункт 29 постановления).

Суд установил, что «...[областной] суд не изложил каких-либо причин в обоснование принятого решения о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании... В качестве единственного основания для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании

Власти сослались на необходимость обеспечения безопасности... [П]роблемы с обеспечением безопасности характерны для многих разбирательств по уголовным делам, однако случаи, когда одно лишь наличие таких проблем является основанием для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании, тем не менее, весьма редки... [Н]ациональные судебные органы были обязаны обеспечить охрану и безопасность людей, присутствовавших в зале суда... [С]оответствующие меры должны применяться с учетом обстоятельств конкретного дела и соответствовать принципу необходимости. Органам судебной власти следует тщательным образом рассматривать любые возможные альтернативные меры, которые могут использоваться для обеспечения охраны и безопасности в зале суда и отдавать предпочтение тем из них, которые представляются менее строгими в контексте достижения одной и той же цели. Более того, если суд первой инстанции действительно принял во внимание определенную информацию, такую информацию следовало представить сторонам, в частности, заявителю, чтобы обеспечить открытое обсуждение этого вопроса. Вместе с тем, судом первой инстанции указанные действия предприняты не были» (пункты 30 - 31 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с проведением закрытого слушания по делу заявителя.

Заявитель также жаловался на то, что его заключение под стражу во время предварительного следствия и судебного разбирательства в отсутствие значительных и достаточных оснований являлось нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции.

Власти подтвердили, что содержание заявителя под стражей являлось нарушением пункта 3 статьи 5 Конвенции и указали на свою готовность выплатить заявителю справедливую денежную компенсацию (пункт 14 постановления).

Европейский Суд остался удовлетворен тем, что сумма предложенной компенсации соответствовала суммам, присужденным в подобных делах (пункт 21 постановления).

Суд посчитал целесообразным исключить данную часть жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

См. также приведенные выше Соображения Комитета по правам человека по делу Жахангир Базаров против Кыргызстана и по делу Вячеслав Бережной против Российской Федерации.

Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора

Постановление Европейского Суда по жалобе N 58923/14 «Холмуродов против России» (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.), которым установлено, что исполнение решения УФМС России о депортации заявителя либо его иное принудительное перемещение в Республику Узбекистан (в порядке экстрадиции, депортации или иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Наряду с этим установлено нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от выявленных нарушений.

Заявитель жаловался на то, что отправка его в родную страну, Узбекистан, подвергла бы его обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, по причине обвинений в уголовных правонарушениях, вынесенных в его отношении в этом государстве.

Европейский Суд указал на то, что «...что лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране... [Т]акже, если лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе, он может не доказывать наличие дополнительных особых отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности» (пункт 64 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что «...заявитель обвиняется в Узбекистане, в числе прочего, в посягательстве на конституционный строй, изготовлении и разглашении материалов, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, а также в создании и управлении экстремистскими религиозными организациями, сепаратистскими, фундаменталистскими и другими запрещенными организациями и в участии в таких организациях... [Э]ти обвинения носят, без сомнения, политический и религиозный характер, что причисляет заявителя к группе особенно уязвимых лиц, подверженных риску жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...дипломатические заверения <60> сами по себе не являются достаточными. Необходимо, чтобы эти заверения предоставляли в своем практическом применении достаточную гарантию, что заявитель действительно будет защищен от риска применения жестокого обращения... [3] заверения, данные органами власти Узбекистана, не предусматривали дипломатических или основанных на участии наблюдателей механизмов, которые позволяли бы обеспечить объективный контроль за их соблюдением» (пункт 66 постановления).

<60> Дипломатические заверения, в соответствии с которыми заявитель не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в своей родной стране.

Суд подчеркнул, что «...одного только существования внутригосударственных норм и ратификации международных соглашений, гарантирующих уважение основных прав человека, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую защиту от риска жестокого обращения, поскольку, как в настоящем деле, достоверные источники подтверждают практику органов власти - или допускаемую ими - явно противоречащую принципам Конвенции» (пункт 67 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...высылка заявителя в Узбекистан подвергла бы его реальному

риску жестокого обращения, противоречащему статье 3 Конвенции» (пункт 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы, касающиеся риска ненадлежащего обращения, которому он подвергся бы в случае возвращения в Узбекистан, не были надлежащим образом рассмотрены государственными органами, что, по его словам, нарушало статью 13 Конвенции.

Суд отметил, что «...суды не рассмотрели доводы заявителя, касающиеся риска жестокого обращения, ограничившись обоснованием применения депортации соображениями охраны общественного порядка... [Р]ешение [Управления федеральной миграционной службы России], которым заявителю было предоставлено временное убежище, не содержало ни анализа его личного положения, ни оценки риска, которому он мог быть подвергнут в случае перемещения в Узбекистан, и что оно ограничивалось упоминанием обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента... [Н]и первая, ни вторая из этих процедур не предоставила заявителю внимательного контроля и тщательного рассмотрения, которых требует статья 13, в том, что касается его заявления, в соответствии с которым он подвергался риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 77 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...[заявитель] не имел эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13, чтобы отстаивать свою жалобу по статье 3 Конвенции» (пункт 78 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, что его содержание под стражей не является правомерным.

Суд отметил, что «...[прокурор] вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу на два месяца, основываясь на части 2 статьи 466 УПК... [П]остановление N 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. <61> действовало во время событий, внутригосударственные суды... явно ссылались на пункт 21 данного постановления, поскольку они подтвердили решение прокурора» (пункт 88 постановления).

<61> Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. N 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет, что, поскольку запрос об экстрадиции сопровождается распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом, прокурор может, в применение части 2 статьи 466 УПК, вынести решение о помещении этого лица под стражу на срок, не превышающий двух месяцев с момента, когда это лицо было задержано (пункт 89 постановления).

Суд указал на то, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет также, что в отсутствие запроса об экстрадиции, распоряжение о помещении под стражу может быть

вынесено только российским судом, и что даже после получения запроса об экстрадиции оно может быть продлено только российским судом. Прочтенные совместно пункты 19 и 21 постановления, по-видимому, указывают на то, что толкование, вытекающее из применимого права, заключается в том, что в контексте процедуры экстрадиции прокурор может выносить решение только о первоначальном помещении под стражу и только после получения запроса об экстрадиции - сопровождаемого распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом; если это последнее условие не выполнено, первоначальное решение о помещении под стражу может быть принято только российским судом, который, кроме того, во всех ситуациях является единственным компетентным судом в вопросе продления такой меры...[В] настоящем деле часть 2 статьи 466 УПК не применялась национальными судами в соответствии с этим порядком» (пункт 90 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... не уточняет, как разграничить часть 2 статьи 466 УПК - которая позволяет прокурору вынести постановление о помещении под стражу в целях экстрадиции - и часть 4 статьи 108 этого же кодекса, которая предусматривает, что только российский суд может вынести постановление о применении меры, связанной с лишением свободы» (пункт 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...лишение свободы, которому подвергся заявитель...не являлось правомерным в смысле пункта 1 статьи 5 Конвенции, в связи с отсутствием правовой основы, которая имела бы требуемые в целях соответствия общему принципу правовой безопасности качества» (пункт 92 постановления).

Заявитель также жаловался, наконец, на то, что он был лишен процедурных гарантий в ходе принятия решения о его депортации, по его мнению, в нарушение статьи 1 Протокола N 7 Конвенции.

Суд подчеркнул, что «...статья 1 протокола N 7 к Конвенции относится явным образом к иностранным гражданам, «на законных основаниях проживающим на территории какого-либо государства»... [Н]ичто в материалах дела не свидетельствует о том, что заявитель правомерно въехал на российскую территорию, чтобы остаться, и что он имел «законно обоснованное ожидание» получить разрешение на пребывание... [И]з материалов дела не следует, что он...имел разрешение на временное пребывание... [З]аявитель имел поддельный паспорт в момент, когда он был задержан российскими органами власти, и...этот факт, в числе прочих, послужил основанием для его последующего осуждения по уголовному делу... [Т]от факт, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации на момент принятия постановления о выдворении в его отношении, не делал пребывание заявителя «правомерным» в смысле статьи 1 Протокола N 7 Конвенции» (пункт 97 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...данная жалоба несовместима ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, с положениями Конвенции в значении пункта 3 статьи 35 и подлежит отклонению

в соответствии с пунктом 4 статьи 35» (пункт 98 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 14348/15 «У.Н. против России» (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.), которым установлено, что принудительное перемещение заявителя в Кыргызскую Республику (в порядке экстрадиции либо иным способом) будет являться нарушением ст. 3 Конвенции.

Установлено также нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя возможности добиться судебного пересмотра постановления районного суда о применении к нему в течение определенного судом срока меры пресечения в виде заключения под стражу в целях экстрадиции, несмотря на имевшие место изменения в обстоятельствах, которые могли повлиять на законность соответствующей меры.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что он «...неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции по возвращении в Кыргызстан» (пункт 38 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что «...[к]ак и в предыдущих подобных делах, заявитель безуспешно пытался привлечь внимание... на вышеупомянутые обстоятельства в ходе производства по экстрадиции и делам беженцев...[О]снование национальных судов по делу заявителя было более подробным...Однако, их доводы, обосновывающие отклонение требований заявителя, уже были рассмотрены Европейским Судом в его предыдущих постановлениях, и он посчитал их недостаточными...Что касается последнего довода, представленного Европейскому Суду, и на основании того факта, что экстрадиции заявителя добивались за обычные уголовные преступления, в совершении которых из которых он признался...Европейский Суд может только напомнить, что поведение заявителя - каким бы нежелательным или опасным оно бы не было - не может отменить запрет на жестокое обращение согласно статье 3 Конвенции... [З]аявитель является этническим узбеком, чьей экстрадиции добивались

власти Кыргызстана за преступления, совершенные в ходе жестоких столкновений в июне 2010 года... Таким образом, он является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению» (пункт 39 постановления).

Таким образом, Европейский Суд заключил, что «... принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением статьи 3 Конвенции» (пункт 41 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, на отсутствие возможности судебного пересмотра законности его содержания под стражей.

Европейский Суд установил, что он «...уже выявлял нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, когда у заявителя не было возможности добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей в течение фиксированного периода времени, несмотря на изменения в обстоятельствах в течение этого периода времени, которые могли повлиять на законность его содержания под стражей... В настоящем деле, содержание заявителя под стражей было разрешено на фиксированный период - с 16 января 2015 г. по 23 июля 2015 г. Изменившимися обстоятельствами, которые могли повлиять на законность содержания под стражей, были промежуточная мера Европейского Суда 24 марта 2015 г. и вступление в силу решения [о выдаче] 25 марта 2015 г. Соответственно, чуть меньше четырех месяцев, в течение которых заявитель не мог добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей» (пункт 45 постановления).

В отсутствие каких-либо новых доводов или фактов, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

Управление систематизации
законодательства и анализа
судебной практики

**МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ СЛУЖБА**

ПИСЬМО

от 30 марта 2017 г. N ГД-4-14/5914@

Федеральная налоговая служба в целях формирования положительной судебной практики направляет «Обзор судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов N 1 (2017)» (далее - Обзор).

Управлениям ФНС России по субъектам Российской Федерации довести данное письмо и прилагаемый к нему Обзор до нижестоящих территориальных органов ФНС России для руководства и применения в работе.

Действительный государственный советник
Российской Федерации 3 класса
Д.Ю. ГРИГОРЕНКО

Приложение

ОБЗОР

**СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО СПОРАМ С УЧАСТИЕМ
РЕГИСТРИРУЮЩИХ ОРГАНОВ N 1 (2017)**

1. По вопросу оспаривания решений об отказе в государственной регистрации юридического лица и индивидуального предпринимателя.

1.1. Поскольку в поданном с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования Уведомлении о ликвидации юридического лица по форме N P15001 в нарушение Требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган, утвержденных приказом ФНС России от 25.01.2012 N ММВ-7-6/25@, не был заполнен подпункт 5.6.2 (E-mail), суд кассационной инстанции пришел к выводу о законности оспариваемого решения об отказе в государственной регистрации юридического лица и отказал в удовлетворении соответствующего заявления.

По делу N А73-9918/2016 Общество обратилось в Арбитражный суд Хабаровского края с заявлением о признании недействительным решения Инспекции от 15.04.2016 N 4205А об отказе в государственной регистрации сведений о принятии решения о ликвидации юридического лица и назначении ликвидатора Общества.

Решением суда от 13.10.2016, оставленным без изменения постановлением Шестого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2016, заявление общества удовлетворено, оспариваемое решение инспекции от 15.04.2016 N 4205А об отказе в государственной регистрации признано недействительным.

Инспекция, не согласившись с принятыми по делу судебными актами, считая их незаконными, подала в Арбитражный суд Дальневосточного округа кассационную жалобу, в которой, ссылаясь на допущенные судами нарушения норм материального и процессуального права, предлагает решение суда первой

инстанции, постановление апелляционного суда отменить, а производство по делу прекратить в связи с отсутствием предмета заявленных требований.

Суд кассационной инстанции нашел жалобу Инспекции обоснованной, а принятые по делу судебные акты - подлежащими отмене.

Как установили суды и следовало из материалов дела, ликвидатор Общества Б.М.В. представила 08.04.2016 в регистрирующий орган на государственную регистрацию с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования следующие документы: Уведомление о ликвидации юридического лица по форме N P15001; решение единственного участника Общества о ликвидации Общества и назначении ликвидатора, оформленное протоколом внеочередного собрания от 08.04.2016 N 3.

Рассмотрев представленные документы, инспекция на основании подпункта «х» пункта 1 статьи 23 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон о государственной регистрации) приняла решение от 15.04.2016 N 4205А об отказе в государственной регистрации. Регистрирующий орган указал на отсутствие в поданном в электронном виде Уведомлении по форме N P15001 сведений об адресе электронной почты; данное обстоятельство, как отметила инспекция, свидетельствует о несоблюдении подателем уведомления требований, установленных Законом о государственной регистрации, и влечет отказ в государственной регистрации.

Суд первой инстанции и поддержавший его выводы апелляционный суд, удовлетворяя требования заявителя и признавая спорное решение Инспекции недействительным, руководствовались подпунктом «в.1» пункта 1 статьи 5, пунктом 4 статьи 9 Закона о государственной регистрации, исходя из того, что наличие в Уведомлении по форме N P15001 адреса электронной почты не является обязательным требованием для осуществления государственной регистрации. Отклоняя соответствующие доводы Инспекции, судебные инстанции отметили, что статья 23 Закона о государственной регистрации содержит исчерпывающий перечень оснований для отказа в государственной регистрации, отсутствие адреса электронной почты к числу таковых не относится.

Между тем суды не учли следующее.

Статьей 20 Закона о государственной регистрации регламентирован порядок подачи в регистрирующий орган уведомления о ликвидации юридического лица.

Согласно положениям пунктов 1.1, 1.2 статьи 9 Закона о государственной регистрации требования к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган, устанавливаются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. Необходимые для государственной регистрации заявления, уведомления или сообщения представляются в регистрирующий орган по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 N 506 утверждено Положение о Федеральной налоговой службе, в соответствии с подпунктами 5.9.38, 5.9.39 которого на Федеральную налоговую службу возложены полномочия по утверждению форм заявлений, уведомлений, сообщений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц, крестьянских (фермерских) хозяйств и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, а также требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган.

Приказом Федеральной налоговой службы от 25.01.2012 N ММВ-7-6/25@ (далее - Приказ N ММВ-7-6/25@) утверждены формы и требования к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств.

Названный нормативный правовой акт зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 14.05.2012, регистрационный номер 24139, опубликован в «Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», N 44, 29.10.2012, информация размещена на официальном сайте Федеральной налоговой службы по адресу: <http://www.nalog.ru>.

Приложение N 8 к Приказу N ММВ-7-6/25@ содержит форму Уведомления о ликвидации юридического лица (форма N P15001). Требования к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган, содержатся в приложении N 20 к вышеуказанному приказу (далее - Требования).

Как видно из формы N P15001, в подпункте 5.6.2 названной формы, являющемся частью раздела 5 «Сведения о заявителе» и пункта 5.6 «Контактные данные», следует указывать E-mail.

Подпунктом 9.6.5 Требования определено, что раздел 5 «Сведения о заявителе» вышеуказанной формы N P15001 заполняется с учетом положений соответственно подпунктов 2.9.1 - 2.9.3, 2.9.5, 2.9.6 Требования. Пункт 5.6 «Контактные данные» заполняется с учетом положений абзаца четвертого подпункта 2.20.4 Требования.

Согласно указаниям абзаца четвертого подпункта 2.20.4 Требования подпункт 4.6.2 формы N P11001 (E-mail) заполняется в случае направления в регистрирующий орган документов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая единый портал государственных и муниципальных услуг.

Подпунктом «х» пункта 1 статьи 23 Закона о государственной регистрации определено, что несоблюдение установленного законодательством Российской Федерации порядка проведения процедуры ликвидации или реорганизации юридического лица, а также иных требований, установленных Законом о государственной регистрации в качестве обязательных для осуществления государственной регистрации, является основанием для отказа в государственной регистрации.

Судами из материалов дела установлено, что в поданном в Инспекцию с использованием информацион-

но-телекоммуникационных сетей общего пользования Обществом Уведомлении о ликвидации юридического лица по форме N P15001 отсутствовали сведения об адресе электронной почты.

Судебные инстанции ошибочно, без учета положений приказа N ММВ-7-6/25@, квалифицировали названный адрес электронной почты не как принадлежащий заявителю уведомления, а как принадлежащий юридическому лицу, при том, что форма N P15001 не предусматривает указание электронной почты юридического лица и соответствующие возражения относительно надлежащих мотивов принятого решения об отказе в государственной регистрации с отсылками на приказ N ММВ-7-6/25@ представлялись регистрирующим органом как в отзыве на заявление, так и в апелляционной жалобе.

Учитывая изложенное, поскольку в поданном Обществом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей пользования Уведомлении о ликвидации юридического лица по форме N P15001 действительно не был заполнен подпункт 5.6.2 (E-mail), регистрирующий орган, принимая во внимание несоблюдение заявителем требований, установленных Законом о государственной регистрации в качестве обязательных для осуществления государственной регистрации, законно решением от 15.04.2016 N 4205А отказал в государственной регистрации применительно к подпункту «х» пункта 1 статьи 23 Закона о государственной регистрации.

Необходимость соблюдения заявителями при подаче заявлений, уведомлений в регистрирующий орган положений приказа N ММВ-7-6/25@ согласуется с судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации (определение от 30.05.2016 N 310-КГ16-4707, от 22.03.2016 N 306-КГ16-963, решение от 14.01.2015 N АКПИ14-1297).

Поскольку фактические обстоятельства, имеющие значение для дела, относительно отсутствия в поданном Обществом уведомлении по форме N P15001 адреса электронной почты, установлены судами первой и апелляционной инстанций на основе исследования и оценки имеющихся в деле доказательств, но судами неправильно применены нормы материального права, судебная коллегия в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации отменяет обжалуемые судебные акты и, не направляя дело на новое рассмотрение, принимает новый судебный акт - об отказе в удовлетворении заявления общества.

1.2. Признавая недействительным решение об отказе в государственной регистрации юридического лица, обусловленное отсутствием нотариального удостоверения заявлений о выходе участников общества с ограниченной ответственностью из общества, суды исходили из того, что соответствующие заявления поступили от участников до вступления в законную силу изменений, предусматривающих нотариальное удостоверение таких заявлений, а правовые последствия в виде отказа в государственной регистрации ввиду пропуска установленного Федеральным законом от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной

ответственностью» месячного срока для подачи документов для государственной регистрации законом не предусмотрены.

По делу N А07-9582/2016 Общество обратилось в Арбитражный суд Республики Башкортостан с заявлением к Межрайонной инспекции о признании незаконными решений об отказе в государственной регистрации N 2155А от 04.02.2016 и N 2214А от 05.02.2016 и об обязанности Межрайонной инспекции зарегистрировать изменения, касающиеся сведений о юридическом лице, но не связанных с внесением изменений в учредительные документы.

Решением Арбитражного суда Республики Башкортостан от 13.09.2016 требования Общества удовлетворены в полном объеме.

Не согласившись с вынесенным судебным актом, В.М.Ф. обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой, в которой просил решение от 13.09.2016 отменить в части обязанности регистрирующего органа произвести государственную регистрацию изменений в сведения о юридическом лице на основании заявлений К.О.М. и Ч.С.В. N 2155А от 04.02.2016 и N 2214А от 05.02.2016, в удовлетворении требований в этой части отказать.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для удовлетворения жалобы.

В соответствии с пунктом 1 статьи 94 Гражданского кодекса Российской Федерации участник общества с ограниченной ответственностью вправе выйти из общества независимо от согласия других его участников или общества путем:

- 1) подачи заявления о выходе из общества, если такая возможность предусмотрена уставом общества;
- 2) предъявления к обществу требования о приобретении обществом доли в случаях, предусмотренных пунктами 3 и 6 статьи 93 указанного Кодекса и законом об обществах с ограниченной ответственностью.

Согласно пункту 7 статьи 23 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон об обществах с ограниченной ответственностью) доля или часть доли переходит к обществу, в частности, с даты получения обществом заявления участника общества о выходе из общества, если право на выход из общества участника предусмотрено уставом общества.

Согласно пункту 7.1 статьи 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью документы для государственной регистрации соответствующих изменений должны быть представлены в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, в течение месяца со дня перехода доли или части доли к обществу. Указанные изменения приобретают силу для третьих лиц с момента их государственной регистрации.

Согласно пункту 2 статьи 17 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон N 129-ФЗ) для внесения в единый государственный реестр юридических лиц изменений, касающихся сведений о юридическом лице, но не связанных с внесением изменений в учредительные документы юридического лица, в регистрирующий орган представляется подписанное заявителем заявление

о внесении изменений в единый государственный реестр юридических лиц по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. В заявлении подтверждается, что вносимые изменения соответствуют установленным законодательством Российской Федерации требованиям и содержащиеся в заявлении сведения достоверны. В предусмотренных Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» случаях для внесения в единый государственный реестр юридических лиц изменений, касающихся перехода доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, представляются документы, подтверждающие основание перехода доли или части доли.

В силу пунктов 4, 4.1 статьи 9 Закона N 129-ФЗ регистрирующий орган не вправе требовать представление других документов, кроме документов, установленных названным Федеральным законом, и не проверяет на предмет соответствия федеральным законам или иным нормативным правовым актам Российской Федерации форму представленных документов (за исключением заявления о государственной регистрации) и содержащиеся в представленных документах сведения, за исключением случаев, предусмотренных названным Федеральным законом.

В силу пункта 1 статьи 23 Федерального закона N 129-ФЗ отказ в государственной регистрации допускается, в случае непредставления определенных указанных Федеральным законом необходимых для государственной регистрации документов, в частности несоблюдения нотариальной формы представляемых документов в случаях, если такая форма обязательна в соответствии с федеральными законами (подпункт «г» пункта 1 статьи 23).

Из решения регистрирующего органа N 2214А от 05.02.2016 следует, что основанием для отказа в государственной регистрации вносимых изменений послужило отсутствие нотариального удостоверения заявления о выходе участников К.О.М. и Ч.С.В. из общества, а также то, что документы для государственной регистрации представлены по истечении месячного срока с даты получения обществом заявления о выходе из состава участников.

Как следует из пункта 1 статьи 26 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в редакции Федерального закона от 30.03.2015 N 67-ФЗ, вступившего в законную силу с 01.01.2016, участник общества вправе выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества, если это предусмотрено уставом общества. Заявление участника общества о выходе из общества должно быть нотариально удостоверено по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделок.

Согласно пункту 1 статьи 26 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в редакции, действовавшей до 31.12.2015 (на дату подачи заявления в общество), участник общества вправе выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества, если это предусмотрено уставом общества.

Таким образом, как верно указал суд первой инстанции, требование о нотариальном удостоверении заявления о выходе из общества предусмотрено начиная с 01.01.2016.

По смыслу пункта 7 статьи 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью участник общества перестает быть таковым с даты получения обществом заявления участника о выходе из общества.

Таким образом, поскольку заявления участников общества К.О.М. и Ч.С.В. получены обществом 23.12.2015, нотариальное удостоверение заявлений о выходе из общества на дату их подачи в общество не требовалось.

Учитывая изложенное, заявителем в регистрирующий орган были представлены все необходимые документы для государственной регистрации изменений.

Относительно пропуска месячного срока, предусмотренного для подачи в регистрирующий орган заявления о государственной регистрации, суд первой инстанции пришел к верному выводу о том, что правовых последствий пропуска указанного срока в виде отказа в государственной регистрации Закон N 129-ФЗ не предусматривает.

Вывод суда первой инстанции об отсутствии законных оснований для отказа в государственной регистрации является обоснованным.

1.3. Установив, что в нарушение положений пункта 2 статьи 11 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» решение единственного участника общества с ограниченной ответственностью не содержит сведений о порядке и сроках оплаты уставного капитала общества, о размере и номинальной стоимости доли учредителя, в связи с чем данный документ расценен регистрирующим органом как непредставленный, суды признали решение Инспекции об отказе в государственной регистрации юридического лица законным.

По делу N А60-12861/2016 О.А.В. обратился в Арбитражный суд Свердловской области с заявлением о признании недействительным решения к Инспекции от 26.10.2015 N 38177А об отказе в государственной регистрации юридического лица, взыскании с Российской Федерации в лице Федеральной налоговой службы убытков в виде неправомерно понесенных расходов по уплате государственной пошлины, по нотариальному заверению документов при первоначальном обращении в регистрирующий орган, а также расходов по уплате государственной пошлины.

Решением Арбитражного суда Свердловской области от 02.08.2016 в удовлетворении исковых требований отказано.

Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.11.2016 решение суда первой инстанции от 02.08.2016 оставлено без изменения.

В кассационной жалобе О.А.В. просит решение суда первой инстанции от 02.08.2016 и постановление суда апелляционной инстанции от 03.11.2016 отменить, принять новый судебный акт.

Суд кассационной инстанции не усмотрел оснований для отмены обжалуемых судебных актов.

Как следует из материалов дела, О.А.В. в регистрирующий орган 19.10.2015 представлено заявление по форме N P11001 о государственной регистрации общества с ограниченной ответственностью при создании с приложением пакета документов: документа об уплате государственной пошлины, решения от 13.10.2015 N 1, устава общества, гарантийного письма от 12.10.2015, свидетельств о государственной регистрации права, доверенности.

Регистрирующим органом 26.10.2015 вынесено решение N 38177А об отказе в государственной регистрации юридического лица при создании с указанием следующих причин: отсутствует документ об уплате государственной пошлины (в представленном документе плательщиком указано иное лицо), решение от 13.10.2015 N 1 не содержит сведений о размере и номинальной стоимости доли единственного учредителя, порядке и сроках оплаты уставного капитала общества.

В соответствии со статьей 12 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон о государственной регистрации) при государственной регистрации создаваемого юридического лица в регистрирующий орган представляются: а) подписанное заявителем заявление о государственной регистрации по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. В заявлении подтверждается, что представленные учредительные документы (в случае, если юридическое лицо действует на основании устава, утвержденного его учредителями (участниками), или учредительного договора) соответствуют установленным законодательством Российской Федерации требованиям к учредительным документам юридического лица данной организационно-правовой формы, что сведения, содержащиеся в этих учредительных документах, иных представленных для государственной регистрации документах, заявлении о государственной регистрации, достоверны, что при создании юридического лица соблюден установленный для юридических лиц данной организационно-правовой формы порядок их учреждения, в том числе оплаты уставного капитала (уставного фонда, складочного капитала, паевых взносов) на момент государственной регистрации, и в установленных законом случаях согласованы с соответствующими государственными органами и (или) органами местного самоуправления вопросы создания юридического лица; б) решение о создании юридического лица в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с законодательством Российской Федерации; в) учредительные документы юридического лица; г) выписка из реестра иностранных юридических лиц соответствующей страны происхождения или иное равное по юридической силе доказательство юридического статуса иностранного юридического лица - учредителя; д) документ об уплате государственной пошлины.

Согласно подпункту «а» пункта 1 статьи 23 Закона о государственной регистрации отказ в государствен-

ной регистрации допускается в случае непредставления заявителем определенных данным Законом необходимых для государственной регистрации документов, за исключением предусмотренных федеральными законами случаев предоставления таких документов (содержащихся в них сведений) по межведомственному запросу регистрирующего органа.

В соответствии с пунктом 2 статьи 11 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в случае учреждения общества одним лицом решение об учреждении общества должно определять размер уставного капитала общества, порядок и сроки его оплаты, а также размер и номинальную стоимость доли учредителя.

В материалы дела представлено решение от 13.10.2015 N 1 единственного участника общества с ограниченной ответственностью, согласно которому О.А.В. приняты следующие решения: создать общество с ограниченной ответственностью; утвердить устав общества; утвердить местонахождение и адрес данного общества; утвердить уставный капитал общества в размере 10 000 руб.; избрать директором общества Е.В.В.

Исследовав доводы и возражения участвующих в споре лиц, оценив представленные в материалы дела документы, установив, что в нарушение вышеупомянутых положений законодательства решение единственного участника от 13.10.2015 не содержит сведений о порядке и сроках оплаты уставного капитала общества, о размере и номинальной стоимости доли учредителя, в связи с чем данный документ расценен регистрирующим органом как непредставленный, суды признали решение инспекции от 26.10.2015 N 38177А об отказе в государственной регистрации юридического лица законным.

Суд округа полагает, что указанный вывод судов соответствует установленным им фактическим обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, основан на верном применении норм права, регулирующих спорные отношения.

1.4. Из содержания пункта 2 статьи 19 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» следует, что решение об увеличении уставного капитала общества принимается теми участниками, сведения о которых как об участниках имеются в Едином государственном реестре юридических лиц на момент принятия такого решения. Лица, которые на момент принятия решения не имеют статуса участника общества, в том числе те лица, о принятии которых в состав участников общества принимается решение, в принятии указанного решения и в подписании его участия не принимают.

По делу N А03-11347/2016 Общество обратилось в Арбитражный суд Алтайского края с заявлением к Инспекции о признании незаконным решения от 06.05.2016 N 6621А об отказе в государственной регистрации изменений, вносимых в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц, и обязанности зарегистрировать изменения, вносимые в сведения об Обществе, содержащиеся в Едином государственном реестре

юридических лиц, связанные с внесением изменений в учредительные документы.

Решением от 05.08.2016 Арбитражного суда Алтайского края заявленные требования удовлетворены.

Не согласившись с решением суда, Инспекция обратилась в Седьмой арбитражный апелляционный суд с апелляционной жалобой, в которой просит отменить решение суда от 05.08.2016 и принять по делу новый судебный акт об отказе в удовлетворении заявленных требований Общества полностью.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для удовлетворения жалобы.

В соответствии с пунктом 1 статьи 17 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон N 129-ФЗ) для государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица, в регистрирующий орган представляются, в том числе: а) подписанное заявителем заявление о государственной регистрации по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. В заявлении подтверждается, что изменения, вносимые в учредительные документы юридического лица, соответствуют установленным законодательством Российской Федерации требованиям, что сведения, содержащиеся в этих учредительных документах и в заявлении, достоверны и соблюден установленный федеральным законом порядок принятия решения о внесении изменений в учредительные документы юридического лица; б) решение о внесении изменений в учредительные документы юридического лица либо иное решение и (или) документы, являющиеся в соответствии с федеральным законом основанием для внесения данных изменений; в) изменения, вносимые в учредительные документы юридического лица, или учредительные документы юридического лица в новой редакции; г) документ об уплате государственной пошлины.

Согласно пункту 4 статьи 9 Закона N 129-ФЗ регистрирующий орган не вправе требовать представление других документов, кроме документов, установленных настоящим Федеральным законом.

В соответствии с пунктом 1 статьи 23 Закона N 129-ФЗ отказ в государственной регистрации допускается в случае непредставления определенных Законом о регистрации необходимых для государственной регистрации документов (подпункт «а»).

Как установлено судом первой инстанции, подтверждается материалами дела и не оспаривается лицами, участвующими в деле, для государственной регистрации изменений обществом представлен полный пакет документов.

Отказ в регистрации изменений, вносимых в Единый государственный реестр юридических лиц, обоснован регистрирующим органом необходимостью подписания решения общества о принятых изменениях третьим лицом - иностранным юридическим лицом и нотариального удостоверения факта принятия такого решения.

В соответствии с пунктом 2 статьи 19 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с огра-

ниченной ответственностью» (далее - Закон N 14-ФЗ) общее собрание участников общества может принять решение об увеличении его уставного капитала на основании заявления третьего лица (заявлений третьих лиц) о принятии его в общество и внесении вклада, если это не запрещено уставом общества. Такое решение принимается всеми участниками общества единогласно.

Из содержания приведенной нормы права следует, что решение об увеличении уставного капитала общества принимается теми участниками, сведения о которых как об участниках имеются в Едином государственном реестре юридических лиц на момент принятия такого решения. Лица, которые на момент принятия решения не имеют статуса участника общества, в том числе те лица, о принятии которых в состав участников общества принимается решение, в принятии указанного решения и в подписании его участия не принимают.

Факт принятия такого решения и состав присутствовавших при его принятии участников общества должны быть подтверждены путем нотариального удостоверения (пункт 3 статьи 17 Закона N 14-ФЗ).

Из материалов дела следует, что 22.04.2016 единственным участником Общества Г.П.А. (100% доля) принято решение N 4 о принятии в состав участников общества - иностранного юридического лица, об увеличении уставного капитала общества за счет вклада третьего лица - иностранного юридического лица, об утверждении итогов внесения дополнительного вклада третьим лицом, размера вклада третьего лица, о внесении изменений в ЕГРЮЛ в связи с увеличением уставного капитала общества за счет принятия третьего лица, об утверждении учредительных документов в новой редакции.

Обществу выдано свидетельство 22 АА 1547576 от 22.04.2016, подтверждающее нотариальное удостоверение о принятых решениях.

Учитывая, что лица, которые на момент принятия решения не имеют статуса участника общества, в том числе те лица, о принятии которых в состав участников общества принимается решение, в принятии указанного решения и в подписании его участия не принимают, требование регистрирующего органа по представлению на регистрацию решения общества о принятых изменениях, подписанного иностранным юридическим лицом, и нотариального удостоверения факта принятия такого решения не соответствует положениям Закона N 14-ФЗ.

Поскольку на государственную регистрацию обществом представлен полный пакет документов, Инспекцией необоснованно отказано в государственной регистрации по причине непредставления на регистрацию решения, подписанного третьим лицом (иностранном юридическим лицом), и отсутствия нотариального удостоверения факта принятия такого решения.

В связи с чем, суд первой инстанции пришел к правомерному выводу об отсутствии у регистрирующего органа правовых оснований для отказа в государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица.

1.5. Положения абзаца второго пункта 4 статьи 57, абзаца второго пункта 1 статьи 60.1 Гражданского кодекса Российской Федерации применимы и к случаям реорганизации в форме присоединения.

По делу N А65-10900/2016 Общество обратилось в Арбитражный суд Республики Татарстан с заявлением о признании незаконным решения Межрайонной инспекции N 45371А от 19 октября 2015 года об отказе в государственной регистрации.

Решением Арбитражного суда Республики Татарстан от 7 сентября 2016 года в удовлетворении заявления отказано.

В апелляционной жалобе Общество просило решение суда отменить и принять новый судебный акт об удовлетворении заявленных требований о признании незаконным решения Межрайонной инспекции Федеральной 45371А об отказе в государственной регистрации от 19 октября 2015 года.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для отмены или изменения обжалуемого судебного акта.

Как следует из материалов дела, заявителем 12 октября 2015 года в Межрайонную инспекцию для государственной регистрации прекращения деятельности ООО «А.» в связи с присоединением его к Обществу представлены документы, установленные пунктом 3 статьи 17 Федерального закона от 8 августа 2001 года N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предприятий» (вх. N 45371А).

Межрайонной инспекцией 19 октября 2015 года было принято решение N 45371А об отказе в государственной регистрации в соответствии с пунктом 1 статьи 23 Федерального закона от 8 августа 2001 года N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предприятий» (далее - Федеральный закон N 129-ФЗ) в связи с тем, что не соблюден установленный Гражданским кодексом Российской Федерации (далее - ГК РФ) порядок реорганизации в части соблюдения специального срока, предусмотренного для предъявления требований по пункту 1 статьи 60.1 ГК РФ; заявление о регистрации представлено в срок, решение по которому будет принято ранее истечения трех месяцев с момента внесения записи о начале процедуры реорганизации в ЕГРЮЛ.

Пунктом 3 статьи 17 Федерального закона N 129-ФЗ установлен перечень документов, необходимых при государственной регистрации внесения записи о прекращении деятельности присоединенного юридического лица. Перечень документов является исчерпывающим. Закрытый перечень оснований для отказа в государственной регистрации установлен статьей 23 Федерального закона N 129-ФЗ.

В соответствии с пунктом 2 статьи 13.1 Федерального закона N 129-ФЗ юридическое лицо в течение трех рабочих дней после даты принятия решения о его реорганизации обязано в письменной форме сообщить в регистрирующий орган о начале процедуры реорганизации, в том числе о форме реорганизации, с приложением решения о реорганизации. В случае участия в реорганизации двух и более юридических лиц такое уведомление направляется юридическим ли-

цом, последним принявшим решение о реорганизации либо определенным решением о реорганизации. На основании этого уведомления регистрирующий орган в срок не более трех рабочих дней вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись о том, что юридическое лицо (юридические лица) находится (находятся) в процессе реорганизации.

Форма уведомления о начале процедуры реорганизации (форма N Р12003) утверждена приказом Федеральной налоговой службы от 25 января 2012 года N ММВ-7-6/25@.

Уведомление о реорганизации публикуется в журнале «Вестник государственной регистрации», что предусмотрено приказом Федеральной налоговой службы от 16 июня 2006 года N САЭ-3-09/355@.

Пункт 5 статьи 51 Федерального закона от 8 февраля 1998 года N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусматривает, что реорганизуемое общество после внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о начале процедуры реорганизации дважды с периодичностью один раз в месяц помещает в средствах массовой информации, в которых опубликовываются данные о государственной регистрации юридических лиц, сообщение о его реорганизации. В случае, если в реорганизации участвуют два и более общества, сообщение о реорганизации опубликовывается от имени всех участвующих в реорганизации обществ обществом, последним принявшим решение о реорганизации либо определенным договором о слиянии или договором о присоединении. При этом кредиторы общества не позднее чем в течение тридцати дней с даты последнего опубликования сообщения о реорганизации общества вправе потребовать в письменной форме досрочного исполнения соответствующего обязательства должником, а при невозможности досрочного исполнения такого обязательства - его прекращения и возмещения связанных с этим убытков.

Согласно пункту 4 статьи 57 ГК РФ государственная регистрация юридического лица, создаваемого в результате реорганизации (в случае регистрации нескольких юридических лиц - первого по времени государственной регистрации), допускается не ранее истечения соответствующего срока для обжалования решения о реорганизации (пункт 1 статьи 60.1).

Пунктом 1 статьи 60.1 ГК РФ установлено, что решение о реорганизации юридического лица может быть признано недействительным по требованию участников реорганизуемого юридического лица, а также иных лиц, не являющихся участниками юридического лица, если такое право им предоставлено законом. Указанное требование может быть предъявлено в суд не позднее чем в течение трех месяцев после внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о начале процедуры реорганизации, если иной срок не установлен законом.

В силу статьи 60 ГК РФ в течение трех рабочих дней после даты принятия решения о реорганизации юридического лица оно обязано уведомить в письменной форме уполномоченный государственный орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, о начале процедуры реорганизации

с указанием формы реорганизации. В случае участия в реорганизации двух и более юридических лиц такое уведомление направляется юридическим лицом, последним принявшим решение о реорганизации или определенным решением о реорганизации.

На основании такого уведомления уполномоченный государственный орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись о том, что юридические лица находятся в процессе реорганизации.

Пунктом 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» установлено, что согласно абзацу второму пункта 5 статьи 58 ГК РФ к отношениям, возникающим при реорганизации юридического лица в форме преобразования, не применяются положения статьи 60 ГК РФ. Исключением из этого правила является положение пункта 1 статьи 60 ГК РФ об обязанности юридического лица в течение трех рабочих дней после даты принятия решения о реорганизации уведомить уполномоченный государственный орган о начале реорганизации, в том числе в форме преобразования.

Учитывая разъяснения в пункте 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», позволившие применять положения абзаца второго пункта 4 статьи 57, абзаца второго пункта 1 статьи 60.1 ГК РФ не только при реорганизации в форме слияния, разделения, выделения, но и при реорганизации в форме преобразования, исходя из равенства участников регулируемых гражданским законодательством отношений, а также аналогии закона (статьи 1 и 6 ГК РФ) положения абзаца второго пункта 4 статьи 57, абзаца второго пункта 1 статьи 60.1 ГК РФ применимы и к случаям реорганизации в форме присоединения.

Несоблюдение установленного ГК РФ порядка реорганизации в части соблюдения специального срока для регистрации юридического лица влечет отказ в государственной регистрации.

В данном случае сведения о начале процедуры реорганизации внесены в ЕГРЮЛ 23 июля 2015 года, запись N 2151690751947. Сообщение о реорганизации опубликовано в журнале «Вестник государственной регистрации» 5 августа 2015 года, повторно 9 сентября 2015 года. Документы для завершения реорганизации представлены в Межрайонную инспекцию 12 октября 2015 года, то есть до истечения трехмесячного срока с момента внесения в ЕГРЮЛ записи о начале процедуры реорганизации, в течение которого решение о реорганизации может быть обжаловано.

Таким образом, государственная регистрация в связи с завершением процедуры реорганизации должна осуществляться с соблюдением срока, предусмотренного для обжалования решения о реорганизации, то есть не ранее истечения трех месяцев после внесения записи о начале процедуры реорганизации в ЕГРЮЛ.

Вышеприведенные обстоятельства явились основанием для вынесения регистрирующим органом оспариваемого решения N 45371А от 19 октября 2015 года об отказе в государственной регистрации. Нарушений требований законодательства при его вынесении арбитражным судом не установлено.

1.6. При рассмотрении спора о признании недействительным решения об отказе в государственной регистрации юридического лица суды пришли к выводу о том, что юридическим лицом, прекращающим деятельность в результате реорганизации в форме присоединения, не исполнена обязанность уведомления кредиторов в соответствии с пунктом 2 статьи 13.1 Федерального закона от 8 августа 2001 года N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», в связи с чем в удовлетворении заявленных требований было отказано.

По делу N А12-29842/2016 Общество обратилось в Арбитражный суд Волгоградской области с заявлением о признании недействительным решения Инспекции от 22.03.2016 об отказе в государственной регистрации прекращения деятельности юридического лица Общества при реорганизации в форме присоединения к ООО «В.».

Решением суда первой инстанции от 29 августа 2016 года в удовлетворении заявленных требований отказано.

Общество не согласилось с принятым судебным актом и обратилось в Двенадцатый арбитражный апелляционный суд с апелляционной жалобой, в которой просило решение суда первой инстанции отменить по основаниям, изложенным в апелляционной жалобе.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что апелляционная жалоба не подлежит удовлетворению.

Как следует из материалов дела, 15.03.2016 Общество обратилось в Инспекцию с заявлением о прекращении деятельности путем реорганизации в форме присоединения к ООО «В.» (форма Р16003) с приложением передаточного акта, договора о присоединении, протокола совместного общего собрания участников Общества, ООО «В.», ООО «Х.» от 09.09.2015, сведений из Вестника государственной регистрации, доверенности.

22.03.2016 по результатам рассмотрения заявления Общества Инспекцией принято решение об отказе в государственной регистрации в соответствии с «а», «с», «х» пункта 1 статьи 23 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ).

В соответствии с пунктом 1 статьи 57 Гражданского кодекса Российской Федерации реорганизация юридического лица может быть осуществлена по решению его учредителей (участников) либо органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами.

Согласно статье 60 Гражданского кодекса Российской Федерации учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о реорганизации

юридического лица, обязаны письменно уведомить об этом кредиторов реорганизуемого юридического лица.

В соответствии с пунктом 1 статьи 13.1 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ юридическое лицо в течение трех рабочих дней после даты принятия решения о его реорганизации обязано в письменной форме сообщить в регистрирующий орган о начале процедуры реорганизации, в том числе о форме реорганизации, с приложением решения о реорганизации. В случае участия в реорганизации двух и более юридических лиц такое уведомление направляется юридическим лицом, последним принявшим решение о реорганизации либо определенным решением о реорганизации. На основании этого уведомления регистрирующий орган в срок не более трех рабочих дней вносит в единый государственный реестр юридических лиц запись о том, что юридическое лицо (юридические лица) находится (находятся) в процессе реорганизации.

В силу пункта 2 указанной статьи реорганизуемое юридическое лицо после внесения в ЕГРЮЛ записи о начале процедуры реорганизации дважды с периодичностью один раз в месяц помещает в средствах массовой информации, в которых опубликовываются данные о государственной регистрации юридических лиц, уведомление о своей реорганизации. В случае участия в реорганизации двух и более юридических лиц уведомление о реорганизации публикуется от имени всех участвующих в реорганизации юридических лиц юридическим лицом, последним принявшим решение о реорганизации либо определенным решением о реорганизации. В уведомлении о реорганизации указываются сведения о каждом участвующем в реорганизации, создаваемом (продолжающем деятельность) в результате реорганизации юридическом лице, форма реорганизации, описание порядка и условий заявления кредиторами своих требований, иные сведения, предусмотренные федеральными законами. Реорганизуемое юридическое лицо в течение пяти рабочих дней после даты направления уведомления о начале процедуры реорганизации в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, в письменной форме уведомляет известных ему кредиторов о начале реорганизации, если иное не предусмотрено федеральными законами.

В силу пункта 5 статьи 51 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ) реорганизуемое общество после внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о начале процедуры реорганизации дважды с периодичностью один раз в месяц помещает в средствах массовой информации, в которых опубликовываются данные о государственной регистрации юридических лиц, сообщение о его реорганизации. В случае если в реорганизации участвуют два и более общества, сообщение о реорганизации публикуется от имени всех участвующих в реорганизации обществ обществом, последним принявшим решение о реорганизации либо определенным договором о слиянии или договором о присоединении. При этом кредиторы общества не позднее чем в течение тридца-

ти дней с даты последнего опубликования сообщения о реорганизации общества вправе потребовать в письменной форме досрочного исполнения соответствующего обязательства должником, а при невозможности досрочного исполнения такого обязательства - его прекращения и возмещения связанных с этим убытков.

Приказом ФНС России от 16.06.2006 N САЭ-3-09/355@ «Об обеспечении публикации и издания сведений о государственной регистрации юридических лиц в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации» установлено, что сведения, содержащиеся в ЕГРЮЛ и предназначенные для публикации, размещаются в сети Интернет на сайте ФНС России. Указанные сведения, а также иные сведения, подлежащие опубликованию в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной регистрации, публикуются в журнале «Вестник государственной регистрации».

Подпунктом «а» пункта 1 статьи 23 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ определено, что основанием для отказа в регистрации юридического лица является непредставление заявителем определенных Федеральным законом от 08.08.2001 N 129-ФЗ необходимых для государственной регистрации документов. При этом предоставляемые для государственной регистрации документы должны соответствовать требованиям закона и содержать достоверную информацию.

Согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 23 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ регистрирующий орган вправе отказать в регистрации в случае неисполнения юридическим лицом в процессе реорганизации обязанности уведомить кредиторов в соответствии со статьей 7.1 и пунктом 2 статьи 13.1 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ.

Согласно сведениям, содержащимся в ЕГРЮЛ, адрес (место нахождения) постоянно действующего исполнительного органа Общества: 404120, Волгоградская область, г. Волжский, ул. им. Карбышева, д. 76, офис 916.

В сведениях, опубликованных в журнале «Вестник государственной регистрации» часть 1 N 47 (559) от 02.12.2015/2075 и часть 1 N 1 (564) от 13.01.2016/2044, содержатся недостоверные сведения об адресе (месте нахождения) юридического лица Общества (ОГРН 1143435001742), прекращающем деятельность в результате реорганизации в форме присоединения, а именно: 404120, Волгоградская область, г. Волжский, ул. им. Карбышева, д. 76, офис 912.

Учитывая, что представляемые для регистрации документы должны отвечать требованиям достоверности содержащейся в них информации, установив факт публикации заявителем недостоверных сведений в журнале «Вестник государственной регистрации» от 02.12.2015 и 13.01.2016, суд первой инстанции обоснованно указал, что регистрирующий орган пришел к правомерному выводу о несоблюдении обществом порядка уведомления о реорганизации, предусмотренного пунктом 1 статьи 60 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 2 статьи 13.1 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ.

Таким образом, Обществом, прекращающим деятельность в результате реорганизации в форме присоединения, не исполнена обязанность уведомления кредиторов в соответствии с пунктом 2 статьи 13.1 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ.

1.7. С учетом того, что у регистрирующего органа имелись предусмотренные подпунктом «ф» пунктом 1 статьи 23 Федерального закона от 8 августа 2001 года N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» основания для отказа в государственной регистрации, суды признали правомерным обжалуемое решение об отказе в государственной регистрации юридического лица.

По делу N А73-9914/2016 Б.М.В. обратился в Арбитражный суд Хабаровского края с заявлением к регистрирующему органу о признании недействительным решения от 23.03.2016 N 358А об отказе в государственной регистрации юридического лица при создании; об обязанности провести государственную регистрацию юридического лица.

Решением суда от 03.10.2016 в удовлетворении заявленных требований отказано.

Не согласившись с принятым судебным актом, Б.М.В. обратился в Шестой арбитражный апелляционный суд с апелляционной жалобой, в которой просил решение суда первой инстанции отменить, принять новый судебный акт, которым признать недействительным оспариваемое решение регистрирующего органа, с обязанением внести соответствующие заявления изменения, провести государственную регистрацию указанных изменений.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для удовлетворения жалобы.

Отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации и ликвидации, при внесении изменений в их учредительные документы, регулирует Федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Федеральный закон N 129-ФЗ), согласно положениям статьи 4 которого Единый государственный реестр юридических лиц является федеральным информационным ресурсом, представляющим из себя информацию, содержащуюся в федеральной информационной системе.

Одним из принципов правового регулирования технологий и информации является принцип достоверности информации (статья 3 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Согласно подпункту «ф» пункта 1 статьи 23 Федерального закона N 129-ФЗ отказ в государственной регистрации допускается в случае, если в регистрирующий орган представлены документы для включения сведений об учредителе (участнике) юридического лица либо о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, в отношении одного из следующих лиц: владевших на момент исключения общества с ограниченной ответственностью из единого государственного реестра юридических лиц как недействующего юридического лица не

менее чем пятьюдесятью процентами голосов от общего количества голосов участников данного общества с ограниченной ответственностью, которое на момент его исключения из единого государственного реестра юридических лиц имело задолженность перед бюджетом или бюджетами бюджетной системы Российской Федерации либо в отношении которого указанная задолженность была признана безнадежной к взысканию в связи с наличием признаков недействующего юридического лица, при условии, что на момент представления документов в регистрирующий орган не истекли три года с момента исключения данного общества с ограниченной ответственностью из единого государственного реестра юридических лиц; имевших на момент исключения юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц как недействующего юридического лица право без доверенности действовать от имени такого юридического лица, которое на момент исключения из единого государственного реестра юридических лиц имело задолженность перед бюджетом или бюджетами бюджетной системы Российской Федерации либо в отношении которого указанная задолженность была признана безнадежной к взысканию в связи с наличием признаков недействующего юридического лица, при условии, что на момент представления документов в регистрирующий орган не истекли три года с момента исключения указанного юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц.

Пунктом 1 статьи 21.1 Федерального закона N 129-ФЗ предусмотрено, что юридическое лицо, которое в течение последних двенадцати месяцев, предшествующих моменту принятия регистрирующим органом соответствующего решения, не представляло документы отчетности, предусмотренные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету, признается фактически прекратившим свою деятельность; такое юридическое лицо может быть исключено из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, предусмотренном указанным Федеральным законом.

Судом установлено, что согласно сведениям, указанным заявителем в представленном заявлении, во вновь создаваемом обществе единственным учредителем, лицом, имеющим право без доверенности действовать от имени юридического лица (руководителем), значится Б.М.В. ИНН 270392198197, и в процессе установления возможности осуществления регистрационных действий, выявлено, что единственный учредитель, руководитель создаваемого общества Б.М.В. является либо учредителем, либо лицом, имеющим право без доверенности действовать от имени юридического лица, либо и тем и другим в шести юридических лицах, которые были исключены из ЕГРЮЛ согласно статье 21.1 Федерального закона N 129-ФЗ, как фактически прекратившие свою деятельность, и на момент представления документов в регистрирующий орган не истекли три года с момента исключения данных обществ из ЕГРЮЛ.

Согласно информации, поступившей из Инспекции, а именно решений «О признании недоимки, за-

долженности по пеням и штрафам, числящихся по состоянию на 1 января 2015 года за организациями, которые отвечают признаками недействующего юридического лица, безнадежными к взысканию и об их списании» от 24.08.2015 N 116 (в отношении ООО «Д.»), от 30.09.2015 N 278 (в отношении СПО «З.»), в которых Б.М.В. числился лицом, имеющим право без доверенности действовать от имени юридического лица, списана задолженность ООО «Д.» в сумме 3804284,34 руб., СПО «З.» - в сумме 2214402,11 руб.; кроме того, три года с момента исключения СПО «З.» и ООО «Д.» из ЕГРЮЛ не истекли.

Таким образом, суд первой инстанции пришел к верному выводу о том, что Б.М.В. относится к категории уполномоченных лиц, задействованных ранее в деятельности юридических лиц, нарушивших действующее законодательство о государственной регистрации юридических лиц, и налоговым органом обоснованно отказано в государственной регистрации юридического лица - общества.

Поскольку судом первой инстанции отказано в признании незаконным решения регистрирующего, соответственно нет и оснований для применения предлагаемого заявителем способа устранения допущенных нарушений прав и законных интересов заявителя.

Правомерно судом первой инстанции отклонен довод Б.М.В. о том, что на момент исключения СПО «З.» из реестра заявитель не являлся председателем совета СПО «З.», поскольку в ходе судебного разбирательства установлено, что решение общего собрания СПО «З.» о том, что председатель совета - Б.М.В. в установленном порядке освобожден от должности, в регистрирующий орган не поступало; заявление по установленной форме N P14001 для внесения в ЕГРЮЛ сведений об изменении постоянно действующего исполнительного органа согласно статье 17 Федерального закона N 129-ФЗ не представлено.

Кроме того, судом первой инстанции также обоснованно отклонен довод заявителя о том, что в оспариваемом решении не указаны все основания, по которым произведен спорный отказ.

Так, пунктом 2 статьи 23 Федерального закона N 129-ФЗ предусмотрено, что решение об отказе в государственной регистрации должно содержать основания отказа с обязательной ссылкой на нарушения, предусмотренные пунктом 1 указанной статьи, и такое основание в оспариваемом решении регистрирующего органа содержится.

Иных доводов, опровергающих вышеназванные выводы суда, апелляционная жалоба не содержит, в связи с чем удовлетворению не подлежит.

1.8. Федеральным законом от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и предпринимателей» не предусмотрено повторное рассмотрение документов, по которым уже было принято соответствующее решение, несмотря на представление новых документов.

По делу N A65-12377/2016 С.С.Г. обратился в арбитражный суд с заявлением к Инспекции о признании недействительным решения N 4845А от 27.08.2007.

Решением Арбитражного суда Республики Татарстан от 05.10.2016 в удовлетворении заявленного требования отказано.

В апелляционной жалобе С.С.Г. просил суд апелляционной инстанции решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 05.10.2016 отменить и принять по делу новый судебный акт.

Суд апелляционной инстанции не усмотрел оснований для удовлетворения апелляционной жалобы и отмены обжалуемого судебного акта.

В соответствии с требованиями ст. 22.3 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (в редакции, действующей в период подачи заявления; далее - Закон N 129-ФЗ), государственная регистрация при прекращении физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя в связи с принятием им решения о прекращении данной деятельности осуществляется на основании представляемых в регистрирующий орган следующих документов: а) подписанного заявителем заявления о государственной регистрации по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти; б) документа об уплате государственной пошлины; в) документ, подтверждающий представление в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации сведений в соответствии с подпунктами 1 - 8 пункта 2 статьи 6 и пунктом 2 статьи 11 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» и в соответствии с частью 4 статьи 9 Федерального закона «О дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений».

Судом первой инстанции по материалам дела установлено, что 17.08.2007 С.С.Г. направил в инспекцию пакет документов, состоящий из заявления о государственной регистрации прекращения физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя по форме N P26001 и документа об уплате государственной пошлины.

При этом отсутствовал документ, подтверждающий представление в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации сведений в соответствии с подпунктами 1 - 8 пункта 2 статьи 6 и пунктом 2 статьи 11 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», выдаваемого органами Пенсионного фонда в виде Справки, что являлось основанием для отказа в соответствии со ст. 23 Закона N 129-ФЗ.

В связи с тем, что заявителем не был представлен документ, подтверждающий представление в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации сведений в соответствии с подпунктами 1 - 8 пункта 2 статьи 6 и пунктом 2 статьи 11 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», выдаваемый органами Пенсионного фонда

в виде Справки, регистрирующий орган 27.08.2007 правомерно вынес решение об отказе в государственной регистрации индивидуального предпринимателя в случае непредставления необходимых для государственной регистрации документов.

На момент принятия решения об отказе в государственной регистрации, перечень оснований для отказа в государственной регистрации прекращения деятельности в качестве индивидуального предпринимателя, установленный статьей 23 Закона N 129-ФЗ, являлся исчерпывающим:

а) непредставление определенных Законом N 129-ФЗ необходимых для государственной регистрации документов;

б) представления документов в ненадлежащий регистрирующий орган;

в) предусмотренном пунктом 2 статьи 20 или пунктом 4 статьи 22.1 Закона N 129-ФЗ.

Таким образом, регистрирующий орган обоснованно вынес решение от 27.08.2007 об отказе в государственной регистрации прекращения деятельности в качестве индивидуального предпринимателя С.С.Г., в связи с непредставлением документа, подтверждающего представление в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации сведений в соответствии с подпунктами 1 - 8 пункта 2 статьи 6 и пунктом 2 статьи 11 Федерального закона «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», выдаваемого органами Пенсионного фонда в виде Справки.

27.08.2007 решение об отказе в государственной регистрации N 4845А было направлено заявителю вместе с сопроводительным письмом за исх. N 05-22/05425 по почте заказным почтовым отправлением по адресу: 423825, РТ, г. Набережные Челны, пр-к Яшьлек, д. 39, кв. 374.

Довод заявителя о том, что после вынесения решения от 27.08.2007 N 4845А им в адрес регистрирующего органа в марте 2008 года была направлена копия протокола к ведомости ПФР, следовательно, регистрирующий орган должен был внести в государственный реестр запись о прекращении деятельности заявителя в качестве индивидуального предпринимателя, суд первой инстанции обоснованно отклонил на основании следующего.

Статьей 8 Закона N 129-ФЗ установлено, что государственная регистрация осуществляется в срок не более чем пять рабочих дней со дня представления документов в регистрирующий орган.

Следовательно, регистрирующий орган в срок не более чем пять рабочих дней со дня представления документов в регистрирующий орган осуществляет государственную регистрацию либо выносит решение об отказе в государственной регистрации.

Таким образом, данными нормами установлен предельный пятидневный срок для принятия соответствующего решения, при этом законом не установлен запрет на регистрацию ранее чем 5 рабочих дней с момента представления документов.

Законом N 129-ФЗ не предусмотрено повторное рассмотрение этих же документов, уже представленных на государственную регистрацию, по которым

уже было принято соответствующее решение, несмотря на представление новых документов.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции сделал правильный вывод о том, что у налогового органа отсутствовала обязанность по внесению в реестр записи о прекращении деятельности заявителя в качестве индивидуального предпринимателя.

2. По вопросу оспаривания решений о государственной регистрации юридического лица и индивидуального предпринимателя.

2.1. Исследовав и оценив представленные в дело доказательства в совокупности и взаимосвязи, суды пришли к выводу о том, что заявления о государственной регистрации юридических лиц - обществ с ограниченной ответственностью - подписаны неуполномоченным лицом и содержат недостоверные сведения о физическом лице как о единоличном исполнительном органе учредителя, уполномоченным распорядиться имуществом учредителя, в том числе, путем внесения его в качестве вклада в уставный капитал созданных хозяйственных обществ, в связи с чем соответствующие решения о государственной регистрации признаны недействительными.

По делу N А17-6661/2015 Общество обратилось в Арбитражный суд Ивановской области с заявлением о признании недействительными решений Инспекции от 21.09.2015 о государственной регистрации юридического лица - ООО «Б-к» и от 24.09.2015 о государственной регистрации юридического лица - ООО «Б-т».

Решением суда от 31.05.2016 решения Инспекции от 21.09.2015 и от 24.09.2015 признаны недействительными.

Постановлением Второго арбитражного апелляционного суда от 02.09.2016 решение суда оставлено без изменения.

ООО «С.» не согласилось с принятыми судебными актами и обратилось в Арбитражный суд Волго-Вятского округа с кассационной жалобой.

Как следует из материалов дела, 24.08.2015 и 25.07.2015 А.П.О. как генеральный директор Общества принял решения о создании юридических лиц - ООО «Б-т» и ООО «Б-к». При этом в качестве вклада в уставный капитал созданных хозяйственных обществ внесено имущество, принадлежащее Обществу.

Учредитель 14.09.2015 и 17.09.2015 представил в Инспекцию необходимые документы для государственной регистрации юридических лиц: заявления по форме N Р11001 о создании юридического лица, решения от 25.07.2015 и от 24.08.2015 и уставы ООО «Б-т» и ООО «Б-к».

Инспекция 21.09.2015 и 24.09.2015 на основании представленных документов приняла решения N 10061А, 10235А о государственной регистрации юридических лиц - ООО «Б-т» и ООО «Б-к».

Отношения, возникающие в связи с государственной регистрацией юридических лиц при их создании, реорганизации и ликвидации, регулируются Федеральным законом от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон N 129-ФЗ).

Согласно абзацу 2 статьи 1 Закона N 129-ФЗ государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей - это акты уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, приобретении физическими лицами статуса индивидуального предпринимателя, прекращении физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, иных сведений о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях в соответствии с указанным Федеральным законом.

Решение о государственной регистрации, принятое регистрирующим органом, является основанием внесения соответствующей записи в соответствующий государственный реестр (пункт 1 статьи 11 Закона N 129-ФЗ).

Статья 12 Закона N 129-ФЗ содержит исчерпывающий перечень документов, представляемых для государственной регистрации создаваемого юридического лица.

В силу пункта 4.1 статьи 9 Закона N 129-ФЗ регистрирующий орган не проверяет на предмет соответствия федеральным законам или иным нормативным правовым актам Российской Федерации форму представленных документов (за исключением заявления о государственной регистрации) и содержащиеся в представленных документах сведения, за исключением случаев, предусмотренных указанным Федеральным законом.

Вместе с тем сама по себе подача в регистрирующий орган документов, перечисленных в статье 12 Закона N 129-ФЗ, не является основанием для государственной регистрации в том случае, если содержащиеся в этих документах сведения недостоверны, а создание юридического лица осуществлено с нарушением закона.

Согласно подпункту «а» пункта 1 статьи 23 Закона N 129-ФЗ отказ в государственной регистрации допускается в случае непредставления заявителем определенных указанным Федеральным законом необходимых для государственной регистрации документов, за исключением предусмотренных указанным Федеральным законом и иными федеральными законами случаев предоставления таких документов (содержащихся в них сведений) по межведомственному запросу регистрирующего органа или органа, который в соответствии с указанным Федеральным законом или федеральными законами, устанавливающими специальный порядок регистрации отдельных видов юридических лиц, уполномочен принимать решение о государственной регистрации юридического лица.

Подписание неуполномоченным лицом заявления о государственной регистрации или заявления о внесении изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц, является основанием для отказа в государственной регистрации (подпункт «д» пункта 1 статьи 23 Закона N 129-ФЗ).

Как следует из материалов дела и установили суды, в заявлениях о государственной регистрации юридических лиц - ООО «Б-т» и ООО «Б-к», на странице 1

листа Н в качестве заявителя указан руководитель Общества А.П.О.

Суды установили и материалами дела подтверждается, что Общество неоднократно направляло в регистрирующий орган извещения о смене руководителя Общества.

Кроме того, суды установили, что факт прекращения полномочий А.П.О. в качестве генерального директора Общества установлен вступившими в законную силу решениями Ленинского районного суда города Иваново по делам N 2-718/2015 и 2-2117/2015, определениями Арбитражного суда Ивановской области и Второго арбитражного апелляционного суда от 10.03.2015 и от 28.10.2015 соответственно по делу N А17-161/2015.

Исследовав и оценив представленные в дело доказательства в совокупности и взаимосвязи, суды пришли к выводу о том, что заявления о государственной регистрации юридических лиц - ООО «Б-т» и ООО «Б-к» - подписаны неуполномоченным лицом и содержат недостоверные сведения об А.П.О. как о единоличном исполнительном органе Общества, уполномоченным распоряжаться имуществом Общества, в том числе, путем внесения его в качестве вклада в уставный капитал созданных хозяйственных обществ.

Установленные судами фактические обстоятельства и сделанные на их основе выводы соответствуют материалам дела, им не противоречат и не подлежат переоценке судом кассационной инстанции в силу статьи 286 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Довод заявителя жалобы о том, что прекращение полномочий А.П.О. в качестве генерального директора Общества не подтверждено вступившими в законную силу судебными актами (определениями Арбитражного суда Ивановской области и Второго арбитражного апелляционного суда от 10.03.2015 и от 28.10.2015 соответственно по делу N А17-161/2015 и решениями Ленинского районного суда города Иваново по делам N 2-718/2015 и 2-2117/2015), правомерно отклонен судами первой и апелляционной инстанций.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 N 30-П разъяснено, что признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения, принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

Суды установили, что факт прекращения полномочий А.П.О. в качестве генерального директора Общества установлен вступившими в законную силу судебными актами, в том числе решениями Ленинского районного суда города Иваново по делам N 2-718/2015 и 2-2117/2015, определениями Арбитражного суда Ивановской области и Второго арбитражного апел-

ляционного суда от 10.03.2015 и от 28.10.2015 соответственно по делу N A17-161/2015. При этом участвующие в деле лица данный факт не опровергли.

При таких обстоятельствах суды обоснованно приняли во внимание вступившие в законную силу судебные акты, поскольку указанные в них обстоятельства имеют существенное значение для правильного разрешения рассматриваемого спора.

Ссылка заявителя жалобы на статьи 33, 44 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», согласно которым решение о прекращении полномочий генерального директора Общества вправе принимать только его участники или совет директоров, правомерно отклонена судом апелляционной инстанции.

Суд апелляционной инстанции установил, что согласно приказу Общества от 10.12.2014 N 4 А.П.О. уволен с должности генерального директора Общества на основании пункта 2 статьи 278 Трудового кодекса Российской Федерации - в связи с подачей заявления об увольнении по собственному желанию. При этом на момент рассмотрения настоящего дела указанный приказ отменен не был, незаконным не признан, А.П.О. в Ленинском районном суде города Иваново отказался от требования о его оспаривании.

С учетом изложенного, суды правомерно удовлетворили заявленное Обществом требование.

2.2. Отказывая в удовлетворении требований, направленных на оспаривание государственной регистрации ликвидации предприятия, суды исходили из того, что судебным актом суда общей юрисдикции не установлено наличие у предприятия денежных обязательств перед заявителем. Кроме того, суды учли, что соответствующее решение вступило в законную силу после составления промежуточного и ликвидационного балансов предприятия, а также внесения в ЕГРЮЛ оспариваемых записей.

По делу N A14-14798/2015 С.В.А. обратился в Арбитражный суд Воронежской области с заявлением к Межрайонной инспекции и администрации городского округа город Воронеж о признании недостоверными промежуточного и ликвидационного балансов предприятия, а также признании недействительными: записи N 2153668353408 от 28.05.2015 о внесении в ЕГРЮЛ сведений о составлении промежуточного ликвидационного баланса юридического лица и записи N 2153668466774 от 17.07.2015 в ЕГРЮЛ о ликвидации предприятия.

Решением Арбитражного суда Воронежской области от 29.06.2016, оставленным без изменения Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.09.2016, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Не согласившись с состоявшимися судебными актами, С.В.А. обратился в Арбитражный суд Центрального округа с кассационной жалобой, в которой просил их отменить и принять по делу новый судебный акт об удовлетворении требований в полном объеме.

Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что обжалуемые судебные акты не подлежат отмене или изменению.

Как установлено судами и следовало из материалов дела, на основании проведенного аукциона между С.В.А. был заключен договор аренды N 19/08-13 от 19.08.2013 части здания, расположенного по адресу: г. Воронеж, ул. Плехановская, д. 8, общей площадью 634,3 кв. м. По акту приема-передачи от 19.08.2013, подписанному сторонами, помещение передано арендатору.

Впоследствии решением Центрального районного суда г. Воронежа от 21.01.2015 аукцион, проведенный 08.08.2013 предприятием, был признан недействительным, а также признан недействительным договор аренды N 19/08-13 от 19.08.2013, заключенный между предприятием и С.В.А. Указанное решение вступило в законную силу 21.07.2015.

Решением Воронежской городской Думы N 1606-111 от 17.09.2014 согласована ликвидация предприятия.

Постановлением администрации городского округа город Воронеж от 18.12.2014 N 2334 принято решение о ликвидации предприятия, создана ликвидационная комиссия, а также определены сроки мероприятий по ликвидации.

Информация о ликвидации предприятия, содержащая сведения о порядке и сроке заявления требований кредиторами, была опубликована в журнале «Вестник государственной регистрации» от 25.02.2015.

Постановлением администрации городского округа город Воронеж N 369 от 08.05.2015 был утвержден промежуточный ликвидационный баланс предприятия, сведения о составлении промежуточного ликвидационного баланса юридического лица внесены в ЕГРЮЛ 28.05.2015 (запись N 2153668353408).

17.07.2015 в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись N 2153668466774 о ликвидации предприятия.

Согласно пункту 2 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ, Кодекс) юридическое лицо ликвидируется по решению его учредителей (участников) или органа юридического лица, уполномоченного на то учредительным документом, в том числе в связи с истечением срока, на который создано юридическое лицо, с достижением цели, ради которой оно создано.

На основании пункта 2 статьи 62 ГК РФ учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о ликвидации юридического лица, назначают ликвидационную комиссию (ликвидатора) и устанавливают порядок и сроки ликвидации в соответствии с названным Кодексом, другими законами.

Ликвидационная комиссия помещает в органах печати, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, публикацию о его ликвидации и о порядке и сроке заявления требований его кредиторами. Этот срок не может быть менее двух месяцев с момента публикации о ликвидации (пункт 1 статьи 63 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В силу статьи 63 Кодекса в обязанности ликвидационной комиссии, помимо прочего, входит: составление промежуточного ликвидационного баланса, а также ликвидационного баланса юридического лица после завершения расчетов с его кредиторами

Выплата денежных сумм кредиторам ликвидируемого юридического лица производится ликвидационной комиссией в порядке очередности, установленной статьей 64 указанного Кодекса, в соответствии с промежуточным ликвидационным балансом, начиная со дня его утверждения.

После завершения расчетов с кредиторами ликвидационная комиссия составляет ликвидационный баланс, который утверждается учредителями (участниками) юридического лица или органом, принявшими решение о ликвидации юридического лица (пункт 5 статьи 63 Кодекса).

Ликвидация юридического лица считается завершённой, а юридическое лицо - прекратившим существование после внесения об этом записи в Единый государственный реестр юридических лиц (пункт 8 статьи 63 Кодекса).

Как справедливо указали суды, промежуточный ликвидационный баланс предполагает включение в него сведений о размере кредиторской задолженности тех кредиторов, которые предъявили свои требования в установленный срок, а также сведений об активах, за счет которых подлежат удовлетворению требования кредиторов. В соответствии с правовой позицией, изложенной в постановлении Президиума ВАС РФ от 08.04.2014 N 18558/13, в промежуточный ликвидационный баланс подлежат включению требования, не оспариваемые сторонами, как по праву, так и по размеру.

Ликвидационный баланс предусматривает отсутствие в нем сведений о кредиторской задолженности в каком-либо размере.

В силу подпункта «а» пункта 1 статьи 23 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» отказ в государственной регистрации допускается, в том числе, в случае непредставления определенных указанным Федеральным законом необходимых для государственной регистрации документов.

Ссылаясь на недостоверность представленных предприятием в регистрирующий орган промежуточного и ликвидационного балансов, заявитель указывает на наличие у предприятия перед ним задолженности, которая возникла, по мнению заявителя, в связи с принятием Центральным районным судом г. Воронежа решения от 21.01.2015 по делу N 2-4/15 о признании недействительными аукциона от 08.08.2013 и заключенного по его результатам договора аренды N 19/08-13 от 19.08.2013.

Правомерно отклоняя указанный довод, суды учитывали, что судебным актом суды общей юрисдикции не установлено наличие у предприятия денежных обязательств перед С.В.А. Кроме того, указанное решение вступило в законную силу 21.07.2015, то есть после составления промежуточного и ликвидационного балансов предприятия, а также внесения в ЕГРЮЛ оспариваемых записей.

В этой связи суды обоснованно заключили, что решение Центрального районного суда г. Воронежа от 21.01.2015 по делу N 2-4/15 не свидетельствует о том, что С.В.А. на момент проведения процедуры ликвидации являлся кредитором предприятия.

Одновременно судами дана надлежащая оценка представленным заявителем письму и Соглашению от 24.03.2015.

Оценив по правилам статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации представленные в материалы дела доказательства, суды верно резюмировали, что достоверных доказательств наличия у предприятия на момент проведения процедуры ликвидации перед С.В.А. задолженности в каком-либо размере у ликвидатора не имелось.

В этой связи обоснованно отказали в удовлетворении заявленного требования.

2.3. В связи с тем, что в определенную дату физическое лицо не могло принять решения об избрании генеральным директором другого лица и прекращении своих полномочий ввиду невозможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, суды признали недействительной соответствующую запись.

По делу N А11-11556/2015 Г.Р.А. обратился в Арбитражный суд Владимирской области с заявлением о признании недействительной записи, внесенной 07.07.2015 Инспекцией в Единый государственный реестр юридических лиц (далее - ЕГРЮЛ) за государственным регистрационным номером 2153304041273, о государственной регистрации изменений, вносимых в сведения об обществе и о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица - К.А.Л.

Арбитражный суд Владимирской области решением от 19.05.2016 удовлетворил заявленное требование, признал недействительной запись, внесенную Инспекцией 07.07.2015 в ЕГРЮЛ за государственным регистрационным номером 2153304041273, о государственной регистрации изменений, вносимых в сведения об Обществе и о лице, имеющем право действовать без доверенности от имени юридического лица, - К.А.Л., и обяжал Инспекцию аннулировать названную запись.

Первый арбитражный апелляционный суд постановлением от 13.09.2016 оставил решение суда без изменения.

Инспекция не согласилась с принятыми судебными актами и обратилась в Арбитражный суд Волго-Вятского округа с кассационной жалобой.

В пункте 2 статьи 17 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон N 129-ФЗ) установлено, что для внесения в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о юридическом лице, но не связанных с внесением изменений в учредительные документы юридического лица в регистрирующий орган представляется подписанное заявителем заявление о внесении изменений в ЕГРЮЛ по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. В заявлении подтверждается, что вносимые изменения соответствуют установленным законодательством Российской Федерации требованиям и содержащиеся в заявлении сведения достоверны.

Представление документов для внесения в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о юридическом лице, но не связанных с изменениями учредительных документов юридического лица, осуществляется в порядке, предусмотренном статьей 9 настоящего Закона (пункт 2 статьи 18 Закона N 129-ФЗ).

Согласно пункту 1.3 статьи 9 Закона N 129-ФЗ при государственной регистрации юридического лица заявителями могут быть следующие физические лица: руководитель постоянно действующего исполнительного органа регистрируемого юридического лица или иное лицо, имеющие право без доверенности действовать от имени этого юридического лица; учредитель или учредители юридического лица при его создании; руководитель юридического лица, выступающего учредителем регистрируемого юридического лица; конкурсный управляющий или руководитель ликвидационной комиссии (ликвидатор) при ликвидации юридического лица; иное лицо, действующее на основании полномочия, предусмотренного федеральным законом, актом специально уполномоченного на то государственного органа или актом органа местного самоуправления.

Суды установили и материалами дела подтверждается, что на основании представленных документов регистрирующим органом в ЕГРЮЛ 07.07.2015 внесена запись за государственным регистрационным номером 2153304041273.

Из справки государственного бюджетного учреждения здравоохранения города Москвы «Психиатрическая клиническая больница N 4 имени П.Б. Ганнушкина» от 24.03.2016 N 398 и постановления мирового судьи судебного участка N 256 района «Марьино» города Москвы от 24.03.2014 по делу N 1-12/14-256 усматривается, что Г.Р.А., являющийся единственным участником Общества и имеющий право без доверенности действовать от имени юридического лица, находился на стационарном лечении в больнице в период с 02.01.2015 по 18.07.2015, ввиду невозможности осознавать им фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Впоследствии с 18.07.2015 он поступил в государственное бюджетное учреждение - Психиатрическую больницу N 5 на принудительное лечение.

Исследовав и оценив имеющиеся в деле доказательства по правилам статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, суды обеих инстанций пришли к верному выводу, что Г.Р.А. 29.06.2015 не мог принять решения об избрании генерального директора Общества К.А.Л. и прекращении своих полномочий ввиду невозможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

При таких обстоятельствах внесенная регистрирующим органом запись в ЕГРЮЛ на основании недостоверных документов нарушает права и законные интересы Г.Р.А. на управление деятельностью общества в качестве его участника.

Материалы дела не содержат доказательств, опровергающих данные фактические обстоятельства.

С учетом изложенного, суды правомерно удовлетворили требование Г.Р.А.

2.4. Неполное выяснение судами первой и апелляционной инстанций обстоятельств, имеющих существенное значение для рассмотрения спора о признании недействительным решения о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя, явилось основанием для отмены судом кассационной инстанции решения суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции и направления дела на новое рассмотрение.

По делу N А18-416/2016 Индивидуальный предприниматель А.З.Х. (далее - предприниматель) обратилась в Арбитражный суд Республики Ингушетия с заявлением к инспекции и управлению об отмене решения инспекции о государственной регистрации.

Решением суда от 18.10.2016, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 14.12.2016, заявление удовлетворено. Суд восстановил срок для обжалования решения инспекции, признал недействительным решение инспекции от 17.07.2009 N 410 и запись на основании указанного решения в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей (далее - ЕГРИП) о регистрации в качестве индивидуального предпринимателя А.З.Х. с момента внесения.

В кассационной жалобе управление просило отменить обжалуемые судебные акты, в удовлетворении заявленных требований - отказать.

Суд кассационной инстанции посчитал, что жалоба подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон N 129-ФЗ) государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей - это акты уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, приобретении физическими лицами статуса индивидуального предпринимателя, прекращении физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпринимателей, иных сведений о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях в соответствии с указанным Федеральным законом.

Согласно статье 8 Закона N 129-ФЗ государственная регистрация индивидуального предпринимателя осуществляется по месту его жительства.

Статьей 9 Закона N 129-ФЗ определен порядок представления документов при государственной регистрации.

В силу части 4 статьи 9 Закона N 129-ФЗ регистрирующий орган не вправе требовать представление других документов кроме документов, установленных данным Федеральным законом.

Частью 4.1 статьи 9 Закона N 129-ФЗ установлено, что регистрирующий орган не проверяет на предмет соответствия федеральным законам или иным нормативным правовым актам Российской Федерации форму представленных документов (за исключением

заявления о государственной регистрации) и содержащиеся в представленных документах сведения, за исключением случаев, предусмотренных данным Федеральным законом.

В соответствии со статьей 11 Закона N 129-ФЗ решение о государственной регистрации, принятое регистрирующим органом, является основанием внесения соответствующей записи в государственный реестр.

Согласно статье 22.1 Закона N 129-ФЗ при государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя в регистрирующий орган представляются, в том числе:

а) подписанное заявителем заявление о государственной регистрации по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти;

б) копия основного документа физического лица, регистрируемого в качестве индивидуального предпринимателя (в случае, если физическое лицо, регистрируемое в качестве индивидуального предпринимателя, является гражданином Российской Федерации).

В силу части 2 статьи 22.1 Закона N 129-ФЗ представление документов при государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя осуществляется в порядке, предусмотренном статьей 9 данного Федерального закона. При этом верность копии документа, представляемой при указанной государственной регистрации, должна быть засвидетельствована в нотариальном порядке, за исключением случая, если заявитель представляет ее в регистрирующий орган непосредственно и представляет одновременно для подтверждения верности такой копии соответствующий документ в подлиннике. Данный подлинник возвращается заявителю при выдаче регистрирующим органом предусмотренной пунктом 3 статьи 9 указанного Федерального закона расписки.

В данном случае на государственную регистрацию заявителем представлено заявление о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя по форме N P21001, удостоверенное подписью, подлинность которой засвидетельствована в нотариальном порядке нотариусом Малгобекского нотариального округа Республики Ингушетия Б.М.Б. 14.07.2009.

Оригинал указанного заявления представлялся представителем инспекции на обозрение суда первой инстанции.

С учетом конкретных фактических обстоятельств данного дела (наличие у инспекции всех необходимых документов для государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя) и доводов предпринимателя о том, что им не подписывалось представленное в инспекцию соответствующее заявление, судам следовало бремя доказывания недействительности представленных в инспекцию документов возложить на предпринимателя.

В силу статьи 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий.

В судебных актах отсутствует вывод о том, что в поданном в инспекцию заявлении выполненные подписи

от имени А.З.Х. и нотариуса Б.М.Б. им не принадлежат. Суды фактически не установили прямых существенных пороков указанного документа, а предприниматель не представил в подтверждение своей позиции надлежащих доказательств. В правоохранительные органы предприниматель также не обращался. Для правильного разрешения спора судам необходимо было установить (обсудить вопрос о назначении экспертизы), кому принадлежат подписи на представленном в инспекцию заявлении, проставленные от имени А.З.Х. и нотариуса Б.М.Б.

Отсутствие в регистрационном журнале нотариуса сведений об удостоверении заявления А.З.Х. от 14.07.2009 само по себе не может свидетельствовать о том, что такое заявление предпринимателем не подписывалось и Б.М.Б. не удостоверилось.

При таких обстоятельствах вывод судов о том, что волеизъявление А.З.Х. на приобретении статуса индивидуального предпринимателя и подача ею заявления о регистрации в качестве предпринимателя не подтверждается материалами дела, является преждевременным.

Кроме того, заявление о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, может быть подано в арбитражный суд в течение трех месяцев со дня, когда гражданину, организации стало известно о нарушении их прав и законных интересов, если иное не установлено федеральным законом. Пропущенный по уважительной причине срок подачи заявления может быть восстановлен судом (часть 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 N 367-О указано следующее. Само по себе установление в законе сроков для обращения в суд с заявлениями о признании ненормативных правовых актов недействительными, а решений, действий (бездействия) незаконными обусловлено необходимостью обеспечить стабильность и определенность административных и иных публичных правоотношений и не может рассматриваться как нарушающее право на судебную защиту. Вопрос о причинах пропуска срока решается судом в судебном заседании.

Пропуск установленного частью 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации срока и отсутствие уважительных причин для его восстановления является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

Восстанавливая срок на обжалование решения инспекции, суд первой инстанции не указал мотивы, по которым он пришел к выводу о возможности восстановления срока с учетом того, что об оспариваемом решении заявитель узнал в октябре 2015 года, а в арбитражный суд обратился в мае 2016 года.

Согласно пункту 3 части 1 статьи 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суд кассационной инстанции по результатам рассмотрения кассационной жалобы вправе отменить или изменить решение суда первой инстанции и (или)

постановление суда апелляционной инстанции полностью или в части и направить дело на новое рассмотрение в соответствующий арбитражный суд, если выводы, содержащиеся в обжалуемых решениях, постановлениях, не соответствуют установленным по делу фактическим обстоятельствам или имеющимся в деле доказательствам.

Поскольку суды неполно выяснили существенные для дела обстоятельства, а у суда кассационной инстанции отсутствуют полномочия по установлению новых обстоятельств, судебные акты надлежит отменить и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2.5. Руководствуясь положениями Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и разъяснениями, изложенным в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», суд пришел к верному выводу об отсутствии оснований для возложения на регистрирующий орган судебных расходов по спору о признании недействительным решением о государственной регистрации.

По делу N А33-18573/2014 З.Е.В., Л.С.В. обратились в Арбитражный суд Красноярского края к инспекции с заявлением об оспаривании действий инспекции.

Решением Арбитражного суда Красноярского края от 13 апреля 2015 года, оставленным без изменения постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2015 года и постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15 октября 2015 года, заявление З.Е.В. удовлетворено частично: признано незаконным решение инспекции от 04.09.2014 N P19535A о государственной регистрации юридического лица закрытого акционерного общества в связи с его ликвидацией; признана недействительной запись в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) от 04.09.2014 N 2142468509357 о государственной регистрации юридического лица закрытого акционерного общества в связи с его ликвидацией; признаны незаконными действия инспекции по внесению в ЕГРЮЛ записи от 04.09.2014 N 2142468509357 об исключении закрытого акционерного общества; на инспекцию возложена обязанность по устранению допущенных нарушений. В остальной части в удовлетворении заявления З.Е.В. отказано. В удовлетворении заявления Л.С.В. отказано.

З.Е.В. обратилась в Арбитражный суд Красноярского края с заявлением о взыскании с инспекции 181 000 рублей судебных расходов на оплату услуг представителя (с учетом уточнений) и 250 рублей почтовых расходов.

Определением Арбитражного суда Красноярского края от 3 августа 2016 года в редакции определения Арбитражного суда Красноярского края об исправлении опечатки от 5 августа 2016 года, оставленным без изменения постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2016 года, в удов-

летворении заявления о взыскании с налоговой инспекции 181 250 рублей судебных расходов отказано.

В кассационной жалобе, поданной в Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа, Д.Н.Н. просил указанные судебные акты как незаконные и необоснованные, принятые с нарушением судами норм материального и процессуального права отменить, производство по делу прекратить.

Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения кассационной жалобы.

В соответствии со статьей 101 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела арбитражным судом.

Согласно статье 106 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела в арбитражном суде, относятся в числе прочего расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей).

Частью 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено, что расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

Вместе с тем с учетом особенностей статуса инспекции как субъекта, несущего ответственность за законность принимаемых актов в сфере государственной регистрации, в том числе и при отсутствии с его стороны действий, направленных на нарушение права заявителя, не во всех случаях принятие решения в пользу заявителя может быть квалифицировано как решение не в пользу государственного органа (в данном случае - инспекции), поскольку отсутствует заинтересованность последнего в исходе спора.

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее - Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1) при предъявлении иска совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие) распределение судебных издержек производится с учетом особенностей материального правоотношения, из которого возник спор, и фактического процессуального поведения каждого из них.

В соответствии с пунктом 1 статьи 25 Федерального закона от 08.08.2001 N 129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Федеральный закон от 08.08.2001 N 129) за непредставление или несвоевременное представление необходимых для включения в государственные реестры сведений, а также за представление недостоверных сведений заявителем, юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели несут ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Пунктом 4.1 статьи 9 Федерального закона от 08.08.2001 N 129 предусмотрено, что регистрирующий орган не проверяет на предмет соответствия федеральным законам или иным нормативным правовым актам Российской Федерации форму представленных документов (за исключением заявления о государственной регистрации) и содержащиеся в представленных документах сведения, за исключением случаев, предусмотренных данным Федеральным законом.

Из материалов дела следует, что на момент совершения регистрационных действий у инспекции не имелось предусмотренных в пункте 1 статьи 23 Федерального закона от 08.08.2001 N 129 оснований для отказа в государственной регистрации изменений в сведения о юридическом лице.

В соответствии с пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1, принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу.

В силу пункта 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1 не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком.

В рассматриваемом случае З.Е.В. предъявлены ко взысканию расходы на оплату услуг представителя в сумме 181 000 рублей, а также почтовые расходы в сумме 250 рублей. В подтверждение несения соответствующих расходов истцом представлены в материалы дела акты приема-передачи выполненных работ по договору на оказание юридических услуг от 05.09.2014 N 4, расписки о получении денежных средств представителем О.В.А.

Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства в порядке статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, суд первой инстанции и апелляционный суд пришли к верному выводу об отсутствии оснований для возложения на инспекцию судебных расходов.

Суды исходили из того, что в рассмотренном корпоративном споре инспекция как регистрирующий орган права и законные интересы истца не нарушала, а исполняла возложенную на нее Федеральным законом от 08.08.2001 N 129 обязанность по осуществлению регистрационных действий. Требования об аннулировании соответствующих записей в реестре носили субсидиарный, производный характер, в силу чего инспекция не может быть признана стороной, на которую относятся судебные расходы по правилам части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Указанные выводы судов соответствуют приведенным выше положениям части 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ, а также разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 N 1. Осно-

ваний для иных выводов, в том числе в части, касающейся оценки имеющихся в материалах дела доказательств, у суда кассационной инстанции не имеется.

3. По вопросу оспаривания иных решений, действий (бездействия), принимаемых (осуществляемых) регистрирующими органами при реализации функции по государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

3.1. Ввиду того, что основания для признания незаконным бездействия регистрирующего органа, выразившегося в невнесении в ЕГРЮЛ сведений о физическом лице как участнике Общества, в ходе рассмотрения спора не были установлены, суды апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требования о возложении на Инспекцию обязанности по внесению в ЕГРЮЛ сведений о физическом лице как участнике Общества и необоснованности решения суда первой инстанции в части удовлетворения соответствующего требования.

По делу N А56-909/2016 А.Н.В. обратилась в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением, в котором просила признать незаконным бездействие Инспекции, выразившееся в невнесении в единый государственный реестр юридических лиц (далее - ЕГРЮЛ) достоверных сведений об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала.

Заявитель также просил обязать Инспекцию внести в ЕГРЮЛ сведения об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала.

Решением суда первой инстанции от 30.06.2016 на Инспекцию возложена обязанность внести в ЕГРЮЛ сведения об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала; в удовлетворении заявления в остальной части отказано.

Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2016 решение от 30.06.2016 в обжалуемой части отменено, принят новый судебный акт, которым в удовлетворении заявления отказано.

В поданной кассационной жалобе А.Н.В. просила отменить решение от 30.06.2016 в части отказа в удовлетворении заявленного ею требования о признании незаконным бездействия Инспекции, выразившегося в невнесении в ЕГРЮЛ достоверных сведений об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала, а постановление от 18.10.2016 - полностью, принять новый судебный акт, которым удовлетворить заявление в указанной части; решение от 30.06.2016 в части возложения на Инспекцию обязанности внести в ЕГРЮЛ сведения об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала оставить в силе.

Суд кассационной инстанции не нашел оснований для удовлетворения жалобы.

Как следует из материалов дела, А.Н.В. 09.11.2015 обратилась в Инспекцию с заявлением в произвольной форме, в котором на основании договора купли-продажи доли от 19.01.2009 просила включить в ЕГРЮЛ

сведения о ней как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала.

В обоснование указанного заявления А.Н.В. сослалась на обстоятельства, имевшие место в 2008 - 2009 годах, непроведение государственной регистрации изменений в учредительных документах Общества относительно состава участников, а также на указание в мотивировочной части решения Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 05.03.2014 по делу N А56-56330/2013 на приобретение А.Н.В. доли в уставном капитале Общества в размере 50 процентов.

К заявлению прилагались копии договоров купли-продажи доли в уставном капитале Общества от 08.09.2008 N 2 и от 19.01.2009, уведомления от 19.01.2009, решения Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 05.03.2014 по делу N А56-56330/2013, постановлений Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2014 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.10.2015 по этому же делу.

Письмом от 02.12.2015 N 04-02/56844 Инспекция сообщила А.Н.В., что для приведения в соответствие сведений об участниках Общества в регистрирующий орган необходимо представить заявление по форме N Р14001, утвержденной в установленном порядке. В письме также отмечено, что приложенные к заявлению судебные акты по делу N А56-56330/2013 не содержат положений, обязывающих регистрирующий орган совершать регистрационные действия по внесению изменений в сведения о составе участников Общества; разъяснен порядок подачи жалобы на решение территориального регистрирующего органа.

Суд первой инстанции пришел к выводу о наличии правовых оснований для удовлетворения заявленных А.Н.В. требований в части возложения на Инспекцию обязанности по внесению в ЕГРЮЛ сведений об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала, в связи с чем решением от 30.06.2016 удовлетворил заявление в этой части. В удовлетворении заявления в остальной части суд отказал.

Апелляционный суд, проверив законность названного решения в части удовлетворения заявления по апелляционным жалобам Инспекции и К.Ю.В., не согласился с указанным выводом суда первой инстанции, в связи с чем постановлением от 18.10.2016 отменил решение от 30.06.2016 в обжалуемой части и отказал в удовлетворении заявления А.Н.В. в этой части.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон N 129-ФЗ) государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей представляет собой акты уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемые посредством внесения в государственные реестры сведений о создании, реорганизации и ликвидации юридических лиц, приобретении физическими лицами статуса индивидуального предпринимателя, прекращении физическими лицами деятельности в качестве индивидуальных предпри-

нимателей, иных сведений о юридических лицах и об индивидуальных предпринимателях в соответствии с названным Федеральным законом.

На основании пункта 2 статьи 17 Закона N 129-ФЗ для внесения в ЕГРЮЛ изменений, касающихся сведений о юридическом лице, но не связанных с внесением изменений в учредительные документы юридического лица, в регистрирующий орган представляется подписанное заявителем заявление о внесении изменений в ЕГРЮЛ по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти. В заявлении подтверждается, что вносимые изменения соответствуют установленным законодательством Российской Федерации требованиям и содержащиеся в заявлении сведения достоверны. В предусмотренных Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» случаях для внесения в ЕГРЮЛ изменений, касающихся перехода доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, представляются документы, подтверждающие основание перехода доли или части доли.

В случае, если изменения в ЕГРЮЛ, касающиеся перехода доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, вносятся на основании вступившего в законную силу судебного акта или решения третейского суда, для внесения записи в реестр в регистрирующий орган представляется заверенная в установленном законодательством Российской Федерации порядке копия вступившего в законную силу акта суда общей юрисдикции или арбитражного суда либо подлинник и копия решения третейского суда вместе с подлинником исполнительного листа, выданного по такому решению в соответствии с вступившим в законную силу судебным актом суда общей юрисдикции или арбитражного суда. Заверенная копия судебного акта, подлинник исполнительного листа по решению третейского суда представляются в регистрирующий орган и не подлежат возврату. Подлинный экземпляр решения третейского суда подлежит возврату заявителю, копия такого решения не подлежит возврату и остается в материалах регистрирующего органа.

В данном случае заявление, с которым А.Н.В. 09.11.2015 обратилась в Инспекцию, в нарушение требований пункта 2 статьи 17 Закона N 129-ФЗ не соответствовало установленной форме, надлежащие документы, подтверждающие основание перехода к заявителю доли в уставном капитале Общества в размере 50 процентов, представлены не были.

С учетом изложенного вывод суда первой инстанции о том, что письмо Инспекции от 02.12.2015 N 04-02/56844 не может служить основанием для признания незаконным бездействия регистрирующего органа, выразившегося в невнесении в ЕГРЮЛ сведений об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала, следует признать соответствующим фактическим обстоятельствам дела и основанным на правильном применении норм Закона N 129-ФЗ.

Судами первой и апелляционной инстанций установлено, что вступившим в законную силу решением

Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 05.03.2014 по делу N А56-56330/2013 отказано в удовлетворении исковых требований П.С.Ю. о признании права собственности на долю в размере 50 процентов уставного капитала Общества, приобретенную по договору купли-продажи от 08.09.2008 у К.Ю.В., а также требований А.Н.В. о признании права собственности на долю в размере 50 процентов уставного капитала Общества, приобретенную по договору купли-продажи от 19.01.2009 у П.С.Ю.

Постановлениями Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2014 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.10.2014 указанное решение оставлено без изменения.

При таких обстоятельствах вывод суда апелляционной инстанции о том, что судебные акты по делу N А56-56330/2013 не относятся к правоустанавливающим документам, допускаемым пунктом 2 статьи 17 Закона N 129-ФЗ в качестве основания регистрации изменений в ЕГРЮЛ, следует признать соответствующим фактическим обстоятельствам дела.

Так как основания для признания незаконным бездействия регистрирующего органа, выразившегося в невнесении в ЕГРЮЛ сведений об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала в ходе рассмотрения настоящего спора не были установлены, апелляционный суд пришел к правильному выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленного А.Н.В. требования о возложении на Инспекцию обязанности по внесению в ЕГРЮЛ сведений об А.Н.В. как участнике Общества с долей в размере 50 процентов уставного капитала, в связи с чем обоснованно отменил решение суда первой инстанции в обжалуемой части и правомерно отказал в удовлетворении заявления в этой части.

3.2. Констатировав, что письма Инспекции, направленные физическому лицу в порядке статьи 10 Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» по результатам рассмотрения его обращений, не относятся к ненормативным правовым актам или решениям в смысле положений статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, которые могут быть оспорены в судебном порядке, суды отказали в удовлетворении требования о признании недействительными соответствующих писем.

По делу N А56-28107/2016 Индивидуальный предприниматель С.Е.Ф. обратилась в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением, в котором просила: признать недействительными письма Инспекции; признать незаконным бездействие Инспекции, выразившееся в непредставлении отказа в государственной регистрации; обязать Инспекцию дать разъяснения о порядке реорганизации.

Решением суда первой инстанции от 28.06.2016, оставленным без изменения постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2016, в удовлетворении заявления отказано.

В кассационной жалобе С.Е.Ф. просила отменить решение от 28.06.2016 и постановление от 03.10.2016, принять по делу новый судебный акт.

Суд кассационной инстанции не нашел оснований для отмены обжалуемых судебных актов.

Как установлено судами, индивидуальный предприниматель С.Е.Ф. 25.01.2016 направила в адрес администрации Приморского района Санкт-Петербурга обращение, в котором просила опубликовать информацию о начале процедуры реорганизации.

К указанному обращению С.Е.Ф. приложила свои решения от 24.01.2016 N 89 о реорганизации индивидуального предпринимателя С.Е.Ф. в форме преобразования в автономную некоммерческую организацию и от 24.01.2016 N 91 об утверждении устава автономной некоммерческой организации и передаточного баланса.

Администрация Приморского района 01.02.2016 направила обращение заявителя для рассмотрения в Межрайонную инспекцию, а последняя передала его 09.02.2016 в Инспекцию для предоставления ответа.

Инспекция в письме от 11.03.2016 N 03-02/11727 сообщила С.Е.Ф. о невозможности реорганизации индивидуального предпринимателя в юридическое лицо.

С.Е.Ф. 25.01.2016 обратилась в Инспекцию с письмом, исх. N 26986/498/6, в котором указала, что представляет документы о реорганизации индивидуального предпринимателя С.Е.Ф. путем преобразования в автономную некоммерческую организацию, а именно: решение от 24.01.2016 N 89 и решение от 24.01.2016 N 91. В этом же письме С.Е.Ф. просила уменьшить размер государственной пошлины за осуществление регистрационных действий и предоставить отсрочку по ее уплате.

Инспекция письмом от 26.02.2016 N 13-06/09620 разъяснила С.Е.Ф. порядок внесения в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей сведений о прекращении физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя и порядок принятия решений о государственной регистрации некоммерческих организаций, а также пояснила порядок обращения в регистрационный орган и указала, что действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает возможности преобразования индивидуального предпринимателя в юридическое лицо.

Суд первой инстанции обоснованно признал, что письма Инспекции, направленные С.Е.Ф. в порядке статьи 10 Федерального закона от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» по результатам рассмотрения ее обращений, не относятся к ненормативным правовым актам или решениям в смысле положений статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, которые могут быть оспорены в судебном порядке.

Согласно пункту 1.2 статьи 9 Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее - Закон о регистрации) необходимые для государственной регистрации заявления, уведомление или сообщение представляются в регистрирую-

щий орган по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, и удостоверяются подписью заявителя, подлинность которой должна быть засвидетельствована в нотариальном порядке, если иное не установлено названным пунктом. При этом заявитель указывает свои паспортные данные или в соответствии с законодательством Российской Федерации данные иного удостоверяющего личность документа и идентификационный номер налогоплательщика (при его наличии).

Установив, что с заявлением о государственной регистрации по установленной форме в порядке статьи 9 Закона о регистрации С.Е.Ф. в регистрирующий орган не обращалась, суды правомерно отказали и в удовлетворении ее требования о признании незаконным бездействия Инспекции, выразившегося в непринятии решения об отказе в государственной регистрации.

Суды первой и апелляционной инстанций также правомерно указали, что нормы о реорганизации применяются только в отношении юридических лиц, а индивидуальный предприниматель к таковым не относится. При этом суды правомерно сослались на статьи 23, 57 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Доводы подателя жалобы об обратном основаны на неверном толковании приведенных норм.

Требование С.Е.Ф. об обязанности Инспекции разъяснить порядок реорганизации не основано на нормах действующего законодательства.

При таких обстоятельствах следует признать, что суды обоснованно отказали в удовлетворении заявления С.Е.Ф.

Каждому из выдвинутых политической партией в составе списка кандидатов-одномандатников гражданину должно быть гарантировано право на судебное оспаривание решения ЦИК России об отказе в заверении этого списка в части, затрагивающей его пассивное избирательное право.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 13 апреля 2017 г. N 11-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 40, ЧАСТЕЙ 10 И 11 СТАТЬИ 42
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ПУНКТОВ 2 И 3 ЧАСТИ 1
СТАТЬИ 128 И ЧАСТИ 10 СТАТЬИ 239 КОДЕКСА
АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАН И.Л. ТРУНОВА И М.В. ЮРЕВИЧА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.Д. Князева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно Федеральному закону от 22 февраля 2014 года N 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в одном одномандатном избирательном округе политическая партия вправе выдвинуть только одного кандидата (часть 2 статьи 40); основанием отказа в заверении федерального списка кандидатов, списка кандидатов по одномандатным избирательным округам является, в частности, нарушение предусмотренного

статьями 39 и 40 данного Федерального закона порядка выдвижения федерального списка кандидатов, списка кандидатов по одномандатным избирательным округам (часть 10 статьи 42); решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении федерального списка кандидатов, об отказе в заверении списка кандидатов по одномандатным избирательным округам или об исключении кандидата из соответствующего списка могут быть обжалованы политической партией, кандидатом в Верховный Суд Российской Федерации в течение 10 дней со дня принятия обжалуемого решения; указанный срок восстановлению не подлежит (часть 11 статьи 42).

В соответствии с частью 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, если иное не предусмотрено данным Кодексом, судья отказывает в принятии административного искового заявления в том числе в случаях, если административное исковое заявление подано в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица органом государственной власти, иным государственным органом, органом местного самоуправления, организацией, должностным лицом либо гражданином, которым данным Кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право (пункт 2), а также если из административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта, акта, содержащего разъяснения законодательства и обладающего нормативными свойствами, решения или действия (бездействия) не следует, что этим актом, решением или действием (бездействием) нарушаются либо иным образом затрагиваются права, свободы и законные интересы административного истца (пункт 3).

Часть 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации устанавливает, что с административным иском заявлением об оспаривании решения избирательной комиссии о заверении списка кандидатов, об отказе в заверении списка кандидатов, о регистрации кандидата, списка кандидатов, об отказе в регистрации кандидата, списка кандидатов в суд могут обратиться избирательная комиссия, зарегистрировавшая кандидата, список кандидатов, кандидат, избирательное объединение, в отношении которых вынесено такое решение, кандидат, зарегистрированный по тому же избирательному округу, избирательное объединение, список кандидатов которого заверен или зарегистрирован по тому же избирательному округу.

1.1. Оспаривающие конституционность названных законоположений граждане И.Л. Трунов и М.В. Юревич решением съезда политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость» были выдвинуты кандидатами в депутаты по одномандатным избирательным округам на выборах в Государственную Думу седьмого созыва, назначенных на 18 сентября 2016 года. Однако их дальнейшее участие в избирательной кампании в этом качестве, включая уведомление соответствующих окружных избирательных комиссий о состоявшемся выдвижении, оказалось невозможным, поскольку постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19 июля 2016 года N 25/243-7 выдвинувшей их по-

литической партии было отказано в заверении списка кандидатов по одномандатным избирательным округам на том основании, что согласно этому списку в трех одномандатных избирательных округах - в нарушение части 2 статьи 40 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» - были выдвинуты по два кандидата в каждом. Нарушение установленно названным Федеральным законом порядка выдвижения кандидатов по одномандатным избирательным округам Центральная избирательная комиссия Российской Федерации усмотрела также в обнаружившемся расхождении между протоколом, которым было оформлено решение партийного съезда о выдвижении кандидатов в депутаты по одномандатным избирательным округам в количестве 166 человек, и приложенным к нему списком, содержащим персональные данные 169 кандидатов.

Отказывая в удовлетворении административного искового заявления политической партии «Российская партия пенсионеров за справедливость» об оспаривании постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19 июля 2016 года N 25/243-7, Верховный Суд Российской Федерации в решении от 26 июля 2016 года, оставленном без изменения Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации (определение от 4 августа 2016 года), отверг как несостоятельные доводы политической партии, ссылавшейся на допущенную при подготовке списка кандидатов техническую ошибку, и пришел к выводу, что Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, исходя из представленных документов, была лишена возможности принять другое решение, поскольку именно этот список, а не протокол партийного съезда, подтверждающий решение о выдвижении 166 кандидатов в депутаты по одномандатным избирательным округам, содержал полную персональную информацию о 169 кандидатах, выдвинутых в соответствующих одномандатных избирательных округах, причем в трех из них - по два кандидата одновременно. При этом Верховный Суд Российской Федерации указал, что представленные административным истцом в судебное заседание список, включающий 166 кандидатов, и бюллетень для голосования на съезде политической партии с поименным упоминанием кандидатов по конкретным одномандатным избирательным округам не опровергают вывод о нарушении установленного порядка выдвижения списка кандидатов по одномандатным избирательным округам, поскольку они в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации для решения вопроса о заверении соответствующего списка не передавались.

И.Л. Трунов и М.В. Юревич, полагая, что при их выдвижении ни политической партией «Российская партия пенсионеров за справедливость», ни ими самими не было допущено каких-либо нарушений Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», обратились в Верховный Суд Российской Федерации с самостоятельным административным иском заявлением о признании незаконным поста-

новления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 19 июля 2016 года N 25/243-7, в принятии которого определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2016 года (оставлено без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 1 августа 2016 года) им было отказано со ссылкой на то, что это постановление адресовано политической партии в целом и не затрагивает прав отдельных кандидатов, включенных в представленный ею список кандидатов по одномандатным избирательным округам, а следовательно, оспаривать его в судебном порядке вправе исключительно сама политическая партия. В передаче надзорной жалобы И.Л. Трунова и М.В. Юревича на упомянутые судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации также отказано (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 августа 2016 года).

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых он ссылается, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Нарушение положениями части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 2, 3 (части 1 - 3), 17 (части 2 и 3), 18, 19, 32 (часть 2), 46 (часть 1) и 97 (часть 1) Конституции Российской Федерации, граждане И.Л. Трунов и М.В. Юревич усматривают в том, что эти положения:

позволяют Центральной избирательной комиссии Российской Федерации отказывать политической партии в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам, если из представленных политической партией документов следует, что в некоторых одномандатных избирательных округах оказались выдвинутыми более одного кандидата, вместо того чтобы до завершения соответствующего списка исключить из него кандидатов, в отношении которых было допущено такое нарушение;

препятствуют отдельным кандидатам, включенным в список кандидатов в депутаты Государственной

Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, в самостоятельном судебном оспаривании постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении соответствующего списка.

Между тем применительно к пунктам 2 и 3 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, позволяющим судье отказывать в принятии административного искового заявления, следует принимать во внимание, что они являются частью конкретизирующей статью 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации процессуального законодательства, которое, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, исходит, по общему правилу, из необходимости обеспечения лицу судебной защиты только при наличии оснований полагать, что права и свободы, о защите которых просит данное лицо, ему принадлежат и что указанные права и свободы были нарушены или существует реальная угроза их нарушения; тем самым эти законоположения не допускают произвольного отказа в принятии судьей административного искового заявления об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, и предполагают выяснение в каждом конкретном случае обстоятельств, с возникновением которых связано право лица на обращение в суд с таким заявлением (определения от 28 января 2016 года N 109-О, от 25 октября 2016 года N 2170-О, от 26 января 2017 года N 108-О и др.). Соответственно, сами по себе пункты 2 и 3 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителей по настоящему делу в указанном ими аспекте, а потому производство по их жалобе в этой части подлежит прекращению в силу пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются следующие законоположения:

часть 2 статьи 40 и часть 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» постольку, поскольку они служат основанием для принятия Центральной избирательной комиссией Российской Федерации решения об отказе в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, в случаях, когда в некоторых одномандатных избирательных округах оказались выдвинутыми более одного кандидата;

часть 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и часть 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о наличии права на судебное оспаривание отказа Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в заверении

списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, у отдельных кандидатов, включенных в данный список.

2. Согласно Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (статья 3, части 1 - 3); граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, избирать и быть избранными в органы государственной власти, в том числе на выборах депутатов Государственной Думы (статья 32, части 1 и 2; статья 97, часть 1); гражданам гарантируется равенство избирательных прав независимо от их принадлежности к общественным объединениям, в том числе политическим партиям, возможность создания и деятельности которых вытекает из идеологического и политического многообразия и многопартийности и права каждого на свободу объединения, исключаящую принуждение кого-либо к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (статья 13, части 1 и 3; статья 19, часть 2; статья 30).

Приведенным конституционным предписаниям корреспондируют общепризнанные принципы (нормы) международного права и положения международных договоров Российской Федерации, являющиеся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Так, Всеобщая декларация прав человека провозглашает право каждого человека принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей и устанавливает, что основой власти правительства должна быть воля народа, которая должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, проводимых при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования и обеспечивающих свободу голосования (пункты 1 и 3 статьи 21); Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривает право каждого гражданина на участие без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей (пункт «а» статьи 25); Конвенция о защите прав человека и основных свобод обязывает присоединившиеся к ней государства проводить с разумной периодичностью свободные выборы в органы законодательной власти в условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа (статья 3 Протокола N 1); Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах - участниках Содружества Независимых Государств, объявляющая демократические выборы одним из высших непосредственных выражений власти и воли народа, основой избираемых органов государственной власти и мест-

ного самоуправления, иных органов народного (национального) представительства, выборных должностных лиц, исходит из того, что при подлинных выборах существует реальный политический плюрализм, идеологическое многообразие и многопартийность, осуществляемые через функционирование политических партий, законная деятельность которых находится под юридической защитой государства (пункт 1 статьи 1 и пункт 2 статьи 9).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (пассивное избирательное право), будучи одним из основных политических прав граждан, образующим неотъемлемый элемент их конституционно-правового статуса в демократическом обществе, является по своей юридической природе не коллективным, а индивидуальным правом, принадлежащим каждому гражданину в отдельности (постановления от 24 июня 1997 года N 9-П, от 25 апреля 2000 года N 7-П, от 9 ноября 2009 года N 16-П, от 28 февраля 2012 года N 4-П и др.). Схожей интерпретации существа избирательных прав, включая пассивное избирательное право, придерживается Европейский Суд по правам человека, последовательно подчеркивающий в своих решениях, что статья 3 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод имеет не только институциональное значение, но и имплицитно признает в качестве субъективных прав индивидов «право голоса» и «право выдвигать свою кандидатуру на выборах», а потому, определяя абстрактные правила участия граждан в выборах в качестве кандидатов, государство обязано, как того требует принцип эффективности права, предотвращать принятие произвольных решений по вопросу о соблюдении или несоблюдении таких правил (постановления от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Моэн (Mathieu-Mohin) и Клерфейт (Klerfayt) против Бельгии», от 1 июля 1997 года по делу «Гитонас (Gitonas) и другие против Греции», от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (Labita) против Италии», от 19 июля 2007 года по делу «Краснов и Скуратов против России» и др.).

2.1. Касаясь роли в реализации избирательных прав граждан политических партий как основных коллективных субъектов избирательного процесса, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам:

именно политические партии служат необходимым институтом представительной демократии, во многом обеспечивающим участие граждан в политической жизни страны, политическое взаимодействие гражданского общества и государства, целостность и устойчивость политической системы, что и предопределяет их легитимацию в качестве избирательных объединений, опосредующих осуществление избирательных прав граждан и наделенных, помимо прочего, правом выдвижения кандидатов (списков кандидатов) при проведении любых избирательных кампаний, в том числе выборов депутатов Государственной Думы; выдвижение политической партией кандидатов (списка кандидатов) на выборах в представительные органы государственной власти связано с фор-

мированием сложной системы правоотношений, в которых участвуют политическая партия в целом, сами кандидаты в депутаты, а также избиратели, чем детерминируется необходимость обеспечения как в законодательном регулировании, так и в осуществляемом на его основе правоприменении баланса конституционно защищаемых прав и законных интересов указанных лиц. Применительно к закреплению электорально-правового статуса политической партии как избирательного объединения это предполагает соблюдение - в рамках установленных федеральным законом условий участия политической партии в выборах и предоставленных ей правомочий в отношении граждан, выдвигаемых ею кандидатами в депутаты в составе соответствующих списков, - конституционных гарантий права на свободные выборы, включая такой имманентно присущий ему конструктивный элемент, как пассивное избирательное право, и права на свободу объединений, что, в свою очередь, требует изыскания надлежащих юридических процедур реализации политической партией возможности самостоятельного выдвижения кандидатов и формирования их списков; как следствие, устанавливаемые в законе правила участия политических партий в осуществлении гражданами пассивного избирательного права не должны приводить к нарушению конституционных прав и свобод граждан;

признавая единственным легальным способом формирования Государственной Думы периодически проводимые подлинные выборы и прямо указывая на их назначение Президентом Российской Федерации (статья 84, пункт «а»), Конституция Российской Федерации непосредственно не определяет ни порядок их организации и проведения, ни конкретные условия участия в них граждан и политических партий. Решение соответствующих вопросов, как следует из статей 32 (части 1 и 2), 71 (пункты «а», «в», «г»), 76 (часть 1), 84 (пункт «а») и 96 (часть 2) Конституции Российской Федерации, относится к дискреционным полномочиям федерального законодателя, реализуя которые он обязан учитывать природу народного представительства и конституционное предназначение выборов в демократическом правовом государстве, соблюдать общепризнанные принципы всеобщего, равного, свободного и прямого избирательного права, обеспечивать справедливые процедуры реализации избирательных прав граждан, включая выдвижение и регистрацию кандидатов, и избегать необоснованного ограничения электоральной политической конкуренции;

осуществляя нормативное регулирование выборов депутатов Государственной Думы, в том числе определяя процедурные правила участия в них кандидатов и избирательных объединений (политических партий), федеральный законодатель должен учитывать требования конституционных принципов и норм, относящихся к условиям и пределам допустимых ограничений прав и свобод граждан (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), и не вправе отменять или умалять право граждан быть избранными в органы государственной власти, призванное обеспечить каждому гражданину на основе принципа юридического

равенства действительную возможность быть полноправным субъектом народовластия и осуществлять его совместно с другими гражданами Российской Федерации.

В силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в постановлениях от 25 апреля 2000 года N 7-П, от 11 июня 2002 года N 10-П, от 29 ноября 2004 года N 17-П, от 15 декабря 2004 года N 18-П, от 1 февраля 2005 года N 1-П, от 16 июля 2007 года N 11-П, от 22 июня 2010 года N 14-П, от 7 июля 2011 года N 15-П, от 19 декабря 2013 года N 28-П, от 15 апреля 2014 года N 11-П, от 16 декабря 2014 года N 33-П, от 1 июля 2015 года N 18-П и др., *regulajuris* (собственно правовые нормы), касающиеся участия в выборах депутатов Государственной Думы политических партий, в частности выдвижения ими кандидатов по одномандатным избирательным округам, должны - исходя из необходимости обеспечения разумного баланса коллективных и индивидуальных интересов всех субъектов избирательного процесса - отвечать конституционным требованиям идеологического и политического плюрализма, многопартийности и равенства политических партий перед законом и судом и одновременно не допускать деформирования истинного смысла народовластия, искажения существа пассивного избирательного права граждан, создания необоснованных и (или) избыточных барьеров, препятствующих его полноценному осуществлению.

2.2. Действующее законодательство о выборах депутатов Государственной Думы основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 12 июня 2002 года N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», имеющего прямое действие и определяющего основные гарантии реализации гражданами конституционного права на участие в любых выборах, проводимых на территории Российской Федерации (пункты 1 и 2 статьи 1), Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также, как следует из части 1 его статьи 2, других федеральных законов.

В развитие положений Конституции Российской Федерации, содержащихся в ее статьях 3 (части 1 - 3), 11 (часть 1), 32 (части 1 и 2), 95 (части 1 и 3), 96 и 97, Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривает, что в Государственную Думу избирается 450 депутатов: 225 депутатов - по одномандатным избирательным округам (один округ - один депутат) и 225 депутатов - по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы (части 1 - 3 статьи 3); гражданин Российской Федерации, достигший на день голосования 21 года, может быть избран депутатом Государственной Думы (часть 4 статьи 4); граждане, обладающие пассивным избирательным правом, могут быть выдвинуты кандидатами непосредственно или в составе федеральных списков кандидатов; непосредственное выдвижение кандидатов

может быть осуществлено путем самовыдвижения, а также путем их выдвижения политическими партиями, имеющими в соответствии с Федеральным законом от 11 июля 2001 года N 95-ФЗ «О политических партиях» право принимать участие в выборах, в том числе выдвигать кандидатов, списки кандидатов; политическая партия вправе выдвинуть один федеральный список кандидатов и одним списком выдвинуть кандидатов по одномандатным избирательным округам; политическая партия вправе выдвигать кандидатами как граждан, являющихся ее членами, так и тех, кто не является членами данной или иной политической партии; политическая партия не вправе выдвинуть кандидатами граждан, являющихся членами иных политических партий (части 1, 2 и 4 статьи 6, часть 1 статьи 36, части 1 и 5 статьи 39, части 1 и 8 статьи 40, часть 1 статьи 41).

Из названных законоположений вытекает, что выборы депутатов Государственной Думы проводятся по смешанной (мажоритарно-пропорциональной) избирательной системе, т.е. граждане Российской Федерации, обладающие пассивным избирательным правом, могут реализовать его как через выдвижение политическими партиями федеральных списков кандидатов, так и путем непосредственного выдвижения своей кандидатуры в одномандатном избирательном округе (в порядке самовыдвижения или выдвижения политической партией), что обуславливает объективную потребность в адекватном законодательном закреплении соответствующих избирательных процедур.

Порядок выдвижения кандидатов по одномандатным избирательным округам политической партией установлен статьей 40 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», предусматривающей, что решение политической партии о выдвижении кандидатов по одномандатным избирательным округам принимается тайным голосованием на съезде политической партии в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях»; выдвинутые кандидаты включаются в список кандидатов по одномандатным избирательным округам (часть 1); в одном одномандатном избирательном округе политическая партия вправе выдвинуть только одного кандидата (часть 2); решение съезда политической партии о выдвижении кандидатов по одномандатным избирательным округам оформляется протоколом, в котором указываются число зарегистрированных делегатов съезда, число делегатов съезда, необходимое для принятия решения в соответствии с уставом политической партии, решение о выдвижении кандидатов по одномандатным избирательным округам и итоги голосования за это решение (с приложением списка кандидатов), решение о назначении уполномоченных представителей политической партии, дата принятия решения (часть 5); список кандидатов по одномандатным избирательным округам должен содержать наименование и номер избирательного округа, в котором будет баллотироваться каждый кандидат (часть 6); в список кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, наряду с членами данной политической партии могут быть включены

граждане, не являющиеся членами данной или иной политической партии (часть 8).

Выдвинутый политической партией список кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам подлежит представлению в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации с соблюдением требований, установленных статьей 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», частью 9 которой на Центральную избирательную комиссию Российской Федерации возлагается обязанность в течение семи дней рассмотреть представленные политической партией документы и по результатам их рассмотрения заверить список кандидатов по одномандатным избирательным округам и выдать уполномоченному представителю политической партии копию заверенного списка или отказать в заверении списка с принятием об этом мотивированного решения, копия которого также подлежит выдаче уполномоченному представителю политической партии.

Основаниями отказа в заверении списка кандидатов по одномандатным избирательным округам в соответствии с частью 10 той же статьи могут являться прямо указанные в данном Федеральном законе обстоятельства, а именно отсутствие необходимых документов либо нарушение установленного порядка выдвижения политической партией списка кандидатов по одномандатным избирательным округам. В то же время несоблюдение требований, предусмотренных ее частью 5 (о представлении каждым включенным в список кандидатом заявления о согласии баллотироваться по одномандатному избирательному округу, содержащего сведения о его гражданстве, образовании, месте работы или службы, принадлежности к общественным объединениям, судимости и т.п.) и частью 7 (о запрете включения одного и того же гражданина более чем в один список кандидатов по одномандатным избирательным округам), влечет за собой - в изъятие из общего правила - лишь исключение соответствующего кандидата из списка кандидатов по одномандатным избирательным округам до его заверения Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

2.3. Заверение списка кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам, является непреложным условием реализации пассивного избирательного права включенными в него гражданами, претендующими на избрание депутатами Государственной Думы от соответствующей политической партии, поскольку принятие Центральной избирательной комиссией Российской Федерации решения об отказе в заверении указанного списка, как это прямо вытекает из части 1 статьи 43 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», препятствует - вне зависимости от конкретных причин такого отказа - дальнейшему участию в федеральных парламентских выборах всех включенных в список кандидатов, по крайней мере в рамках соответствующей партийной инициативы.

Оценивая содержащиеся в части 10 статьи 42 данного Федерального закона нормативные положения,

требующие от Центральной избирательной комиссии Российской Федерации принятия решения об отказе в заверении списка кандидатов по одномандатным избирательным округам в случае выявления допущенных политической партией нарушений установленного порядка его выдвижения, принципиально важно учитывать правовой статус кандидатов-одномандатников, который - притом что реализация права быть избранным депутатом Государственной Думы по правилам мажоритарной избирательной системы ориентирована, по сути, на электоральное соревнование не политических партий, а отдельных кандидатов, в том числе участвующих в выборах в порядке самовыдвижения, - тем не менее, будучи неразрывно связанным с действиями и решениями политической партии по их выдвижению, имеет заметные особенности.

Так, согласно Федеральному закону «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» граждане, выдвинутые политической партией кандидатами в депутаты по одномандатным избирательным округам, одновременно могут быть включены этой политической партией в свой федеральный список кандидатов (часть 10 статьи 39); регистрация выдвинутого политической партией кандидата по одномандатному избирательному округу не требует в качестве обязательного условия сбора и представления в окружную избирательную комиссию необходимого количества подписей избирателей соответствующего одномандатного избирательного округа (части 1 - 5 статьи 44); политическая партия в порядке и по основаниям, которые предусмотрены федеральным законом и (или) уставом политической партии, вправе в любое время, но не позднее чем за пять дней до дня голосования отозвать выдвинутого ею по одномандатному избирательному округу кандидата (часть 5 статьи 56); при проведении агитационных мероприятий от имени политической партии вправе выступать кандидаты, уполномоченные на то политической партией, включая выдвинутых ею по одномандатным избирательным округам (часть 6 статьи 62); политическая партия обязана не позднее чем за двадцать дней до дня голосования опубликовать свою предвыборную программу даже в случае регистрации только кандидатов, выдвинутых данной партией по одномандатным избирательным округам (часть 12 статьи 62); на политическую партию и зарегистрированного кандидата, выдвинутого ею в одномандатном избирательном округе, не распространяется запрет использовать представленное им бесплатное и платное эфирное время, бесплатную и платную печатную площадь для проведения предвыборной агитации друг за друга (части 2 и 4 статьи 64).

Еще более наглядно корпоративный (коллективный) формат участия в федеральных парламентских выборах кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, проявляется в организации работы Государственной Думы, о чем свидетельствует Регламент Государственной Думы (в редакции постановления Государственной Думы от 10 марта 2017 года N 1082-7 ГД), в соответствии с частью 1 статьи 16 которого в случае избрания все они входят в образованную выдвинув-

шей их политической партией фракцию, являющуюся согласно части первой статьи 7.1 Федерального закона от 8 мая 1994 года N 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» объединением депутатов Государственной Думы, избранных в составе федерального списка кандидатов, который был допущен к распределению депутатских мандатов.

Таким образом, при осуществлении пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной Думы в качестве кандидата, выдвинутого политической партией по одномандатному избирательному округу, гражданин испытывает на себе значительное партийное воздействие на протяжении не только собственно избирательной кампании, но и - в случае получения парламентского мандата - последующего исполнения депутатских полномочий, а потому его личное участие в выборах не может не зависеть от принимаемых политической партией решений, их правомерности и надлежащего юридического оформления. Соответственно, нарушения установленного порядка выдвижения кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам, допущенные политической партией, которая, выдвигая список кандидатов, действует и в своих интересах, и в интересах включенных в этот список граждан, не могут не затрагивать дальнейшее участие в выборах как самих политических партий, так и выдвинутых ими кандидатов, чем предопределяется не только право, но и обязанность избирательных комиссий надлежащим образом реагировать на такие нарушения. В противном случае - вопреки требованиям статей 1 (часть 1), 15 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 32 (часть 2) и 97 (часть 1) Конституции Российской Федерации - проведение федеральных парламентских выборов будет противоречить принципам правового государства, верховенства права и юридического равенства.

Исходя из этого возложение на Центральную избирательную комиссию Российской Федерации обязанности отказать в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, в случае нарушения политической партией установленного порядка выдвижения такого списка, если устранение допущенного нарушения невозможно без принятия Центральной избирательной комиссией Российской Федерации соответствующего решения, не может рассматриваться как не имеющее разумного оправдания и выходящее за конституционные пределы дискреционных полномочий федерального законодателя.

2.4. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляя регулирование правового статуса личности, федеральный законодатель должен соблюдать критерии возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина, производные от предписаний статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и не допускающие искажения самого существа этих прав и свобод; цели вводимых им ограничений должны быть не только юридически, но и социально оправданными, а сами ограничения - сопоставимыми с этими целями и от-

вечающими требованиям справедливости; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения эквивалентны социально необходимому результату.

В силу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в том числе в постановлениях от 20 декабря 1995 года N 17-П, от 30 октября 2003 года N 15-П и от 22 июня 2010 года N 14-П, порождаемые в связи с применением части 2 статьи 40 и части 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» последствия, препятствующие дальнейшему участию в выборах политической партии и выдвинутых ею кандидатов, должны быть обоснованными, пропорциональными и соразмерными.

От решения Центральной избирательной комиссией Российской Федерации вопроса о заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам зависит не только возможность реализации пассивного избирательного права всеми включенными в него кандидатами, но и реальный объем (содержание) свободы волеизъявления избирателей в ходе голосования на выборах, при отсутствии которой процесс формирования федерального парламента не отвечал бы целям обеспечения подлинных демократических выборов и действительного народного представительства, что - принимая во внимание правовую позицию, изложенную в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2000 года N 7-П, - обязывает законодательную власть предусмотреть такие правила заверения списка кандидатов по одномандатным избирательным округам, которые, с одной стороны, позволяли бы, не допуская злоупотреблений со стороны политической партии, исправить допущенные ею при выдвижении кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам нарушения, а с другой - не приводили бы к произвольному ограничению пассивного избирательного права включенных в представленный список граждан, тем более когда такие нарушения носят сугубо формальный характер.

Введение законодательных требований к политическим партиям, которым они должны соответствовать как участники избирательного процесса, правомерно, когда эти требования, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 марта 2008 года N 4-П, распространяются в равной мере на все политические партии, участвующие в выборах, по своему смыслу и содержанию направлены на формирование политической воли значительной части электората и не связаны с несоразмерными ограничениями избирательных прав граждан и свободы деятельности политических партий. С учетом этого при использовании тех или иных средств реагирования на нарушения, выявленные при выдвижении политиче-

ской партией списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам, их необходимо соотносить с природой и масштабом обнаруженных нарушений, степенью причастности к ним политической партии и отдельных кандидатов, а также с вызываемыми ими фактическими отклонениями от установленных правил партийного выдвижения кандидатов по одномандатным избирательным округам. Иначе правовое регулирование соответствующих избирательных процедур, не имея под собой необходимого обоснования, будет вступать в противоречие с общеправовыми критериями допустимого вмешательства государства в осуществление прав и свобод граждан и их объединений.

Выдвижение политической партией на федеральных парламентских выборах в одном или нескольких одномандатных избирательных округах более одного кандидата, безусловно, требует устранения нарушения запрета, установленного частью 2 статьи 40 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Однако это вовсе не означает, тем более принимая во внимание наличие в правовом регулировании института исключения отдельных кандидатов из списка до его заверения, что единственным и безальтернативным вариантом исправления сложившейся вследствие такого нарушения ситуации может быть лишь полный отказ в заверении соответствующего списка кандидатов, в результате которого отстраненными от участия в выборах оказываются все включенные в него граждане, в том числе и те, которые были выдвинуты политической партией без каких-либо отступлений от предусмотренных избирательным законодательством правил.

Как следует из Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», политическая партия, реализуя свое право осуществлять в одномандатных избирательных округах непосредственное выдвижение кандидатов (части 1 и 2 статьи 6), обязана сначала принять персональное решение в отношении каждого кандидата в отдельности и лишь затем включить всех выдвинутых ею граждан в список кандидатов по одномандатным избирательным округам (часть 1 статьи 40). Соответственно, и оценка законности (правомерности) их выдвижения должна зависеть не от любых допущенных при формировании указанного списка нарушений, - она в обязательном порядке предполагает учет влияния выявленных нарушений на возможность дальнейшей реализации пассивного избирательного права конкретными кандидатами.

В данном контексте заслуживает внимания правовой режим участия в выборах кандидатов, выдвинутых политическими партиями на выборах депутатов представительных органов публичной власти в одномандатных избирательных округах, на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, не предполагающий при выдвижении избирательным объединением (политической партией) кандидатов по одномандатным избирательным округам их обязательного включения в единый список и допускающий составление списка кандидатов,

выдвинутых избирательным объединением (политической партией) по одномандатным избирательным округам, и его представление в организующую выборы избирательную комиссию для заверения, только если такая процедура предусмотрена законом субъекта Российской Федерации (пункт 1.1 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). В силу этого в тех субъектах Российской Федерации, где выдвижение избирательными объединениями (политическими партиями) кандидатов по одномандатным избирательным округам производится без их последующего включения в единый список (Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Владимирская область, Калининградская область, Мурманская область, Рязанская область, Самарская область, Краснодарский край, Приморский край и др.), препятствием для их участия в выборах могут служить только такие нарушения избирательного законодательства, которые были допущены непосредственно в отношении конкретного лица им самим либо выдвинувшей его политической партией.

Отказ Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в заверении выдвинутого политической партией на выборах депутатов Государственной Думы списка кандидатов по одномандатным избирательным округам на том основании, что согласно представленному списку в некоторых из таких округов было выдвинуто более одного кандидата, не обеспечивает дифференцированного реагирования на различные - как по характеру, так и по масштабам - нарушения установленного порядка выдвижения политической партией кандидатов по одномандатным избирательным округам, исключая дальнейшую реализацию пассивного избирательного права всеми гражданами, включенными в список. Если применительно к кандидатам, непосредственно выдвинутым политической партией с нарушением требования части 2 статьи 40 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», невозможность дальнейшего осуществления ими права быть избранным продиктована объективной потребностью обеспечения справедливых и равных условий участия в выборах депутатов Государственной Думы граждан и политических партий, то отстранение в таких случаях от федеральных парламентских выборов всех выдвинутых по одномандатным избирательным округам кандидатов (включая и тех, при выдвижении которых было соблюдено правило «один округ - один кандидат») расходится с конституционно значимыми принципами соразмерности и пропорциональности, порождает избыточные препятствия в реализации избирательных прав граждан и неоправданно ограничивает электоральную конкуренцию политических партий.

Возложение - в порядке конкретизации предписаний, закрепленных в статьях 2, 6 (часть 2), 17 (часть 1) и 18 Конституции Российской Федерации, - пунктом 3 статьи 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» на избирательные комиссии обязанности обеспечения и защиты

избирательных прав граждан требует от них ответственного отношения к исполнению своих полномочий, сопряженного с эффективной заботой о создании всех необходимых условий для полноценного участия в выборах граждан, политических партий и других субъектов избирательного процесса. Игнорирование этой обязанности не согласуется с конституционной ценностью избирательных прав граждан и их объединений и конституционной ролью органов и должностных лиц публичной власти в их соблюдении и защите при подготовке и проведении выборов.

2.5. Таким образом, положения части 2 статьи 40 и части 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 18, 19 (части 1 и 2), 32 (часть 2), 55 (часть 3) и 97 (часть 1), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они позволяют Центральной избирательной комиссии Российской Федерации отказывать в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, если представленные для заверения этого списка документы содержат сведения о выдвижении в некоторых одномандатных избирательных округах более одного кандидата, в случае, когда решения о выдвижении кандидатов по другим одномандатным избирательным округам приняты политической партией в рамках установленных правил выдвижения и позволяют достоверно определить поименный состав кандидатов и их распределение по соответствующим одномандатным избирательным округам.

3. Согласно Конституции Российской Федерации в России как демократическом правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства (статья 1, часть 1; статья 2); будучи непосредственно действующими, права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18); все равны перед законом и судом (статья 19, часть 1); каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 46, части 1 и 2).

Право каждого на доступ к суду, в том числе в целях защиты своих избирательных прав, получило - наряду с конституционным - и международно-правовое признание и подтверждение. Так, Конвенция о защите прав человека и основных свобод предусматривает, что каждый в случае спора о его гражданских правах имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона (пункт 1 статьи 6), а Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах - участниках Содружества Независимых Государств, относящая судебную защиту избирательных

прав к фундаментальным стандартам демократических выборов (пункт 2 статьи 1), требует, чтобы в случае нарушения избирательных прав и свобод лицо или лица, чьи права были нарушены, имели право и возможность обжалования и восстановления нарушенных прав в судах, а в случаях и порядке, установленных законами, - также в избирательных органах (пункт 1 статьи 16).

Раскрывая содержание права на судебную защиту как одного из основных неотчуждаемых прав человека и одновременно - как гарантии и средства обеспечения всех других прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации неизменно исходит из того, что данное право предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, не нарушая при этом надлежащий баланс между частными и публичными интересами, и что законодательное регулирование доступа к суду, включая определение условий и порядка реализации права на судебное обжалование, не должно отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, а возможные их ограничения должны быть соразмерными и обуславливаться необходимостью защиты конституционных ценностей (постановления от 3 февраля 1998 года N 5-П, от 25 декабря 2001 года N 17-П, от 11 мая 2005 года N 5-П, от 19 июля 2011 года N 17-П, от 27 декабря 2012 года N 34-П и др.).

Соответственно, основанный на предписаниях статей 2, 17 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 32 (часть 2) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации порядок судебной защиты нарушенных избирательных прав призван гарантировать охрану как активного, так и пассивного избирательного права, а также ответственность избирательных комиссий за неправомерные действия и решения, препятствующие свободному участию граждан в выборах; суды, в свою очередь, соблюдая конституционные требования об обеспечении правосудием прав и свобод человека и гражданина, обязаны использовать действенные способы и формы защиты нарушенных избирательных прав, не допуская одной только констатации выявленных нарушений, отказа от применения компенсаторных механизмов для устранения их последствий, исключения ответственности причастных к обнаруженным нарушениям субъектов избирательного процесса (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2005 года N 14-П и от 22 апреля 2013 года N 8-П).

Из приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации следует, что судебная защита избирательных прав в случае их нарушения должна быть доступной на всем протяжении избирательной кампании для всех избирателей, кандидатов в депутаты, политических партий и иных субъектов избирательных правоотношений; поэтому, устанавливая порядок ее осуществления, федеральный законодатель обязан, руководствуясь императивом *justitiam in eum neganda est* (нельзя никому отказывать в правосудии), избегать произвольного ограничения

судебных гарантий конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления и обеспечивать своевременность, компетентность и справедливость судебного разбирательства электоральных споров.

3.1. В силу взаимосвязанных положений части 1 статьи 98 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и пунктов 1, 2 и 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, а также решения и действия (бездействие) избирательных комиссий и их должностных лиц, нарушающие при проведении выборов депутатов Государственной Думы избирательные права граждан, могут быть обжалованы в суд; решения и действия (бездействие) Центральной избирательной комиссии Российской Федерации обжалуются в Верховный Суд Российской Федерации; с жалобами на решения и действия (бездействие), нарушающие избирательные права, могут обратиться избиратели, кандидаты, их доверенные лица, избирательные объединения и их доверенные лица, иные общественные объединения, наблюдатели, избирательные комиссии. Аналогичное регулирование содержится в статье 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, предусматривающей, что избиратели, кандидаты и их доверенные лица, избирательные объединения и их доверенные лица, политические партии, их региональные отделения и иные структурные подразделения, другие общественные объединения вправе оспаривать в суде решения, действия (бездействие) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, общественного объединения, избирательной комиссии, должностного лица, нарушающие их права, свободы и законные интересы (части 1 и 2).

Тем не менее это не означает, что граждане, выдвинутые политической партией кандидатами в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам, вправе наравне с самой партией обращаться в суд во всех случаях, когда в результате тех или иных решений (действий) избирательных комиссий создаются препятствия для дальнейшего участия в федеральных парламентских выборах как политической партии в целом, так и всех выдвинутых ею кандидатов, поскольку наряду с общими условиями судебного оспаривания нарушений избирательных прав применительно к отдельным категориям (видам) электоральных споров установлены особые правила, выражающие принцип *lex specialis derogat generali* (специальный закон отстраняет общий закон). К числу таких правил относится, в частности, определение исчерпывающим образом круга субъектов, имеющих право обжаловать в суде отказ Центральной избирательной комиссии Российской Федерации в заверении выдвинутого политической партией списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одноман-

датным избирательным округам: согласно части 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации это право предоставлено только политической партии, выдвинувшей соответствующий список кандидатов. Что касается непосредственно кандидатов, выдвинутых этой политической партией, то они правом судебного оспаривания решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении списка кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам, не наделены, что позволяет судам не принимать (отклонять) их административные иски по данному предмету со ссылкой на пункты 2 и 3 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Избрание федеральным законодателем такой модели судебного оспаривания решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, обусловлено тем, что это решение распространяется на всю политическую партию, на всех без исключения выдвинутых ею кандидатов и тем самым затрагивает пассивное избирательное право каждого из них, а следовательно, признание права на обращение в суд с соответствующим административным иском заявлением за отдельными кандидатами означало бы не что иное как предоставление им возможности добиваться судебной защиты не только своего пассивного избирательного права, но и прав и законных интересов других кандидатов и политической партии в целом, что не вытекает из конституционного содержания гарантированного каждому права на судебную защиту его прав и свобод.

Кроме того, отсутствие права на судебное оспаривание решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, у отдельных кандидатов не лишает их возможности - в случае обращения в суд политической партии - как по собственной инициативе, так и по ходатайству самой политической партии или по инициативе суда вступить в дело на основании статьи 47 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в качестве заинтересованного лица (часть 2), пользующегося процессуальными правами и несущего процессуальные обязанности одной из сторон, за исключением права на изменение основания или предмета административного иска, отказ от административного иска или заключение соглашения о примирении (часть 3).

3.2. Вместе с тем, по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 2013 года N 8-П, конституционное значение пассивного избирательного права на федеральных парламентских выборах не исчерпывается предоставлением его обладателю возможности в установленном законом поряд-

ке участвовать в них в качестве кандидата в депутаты Государственной Думы, в том числе посредством выдвижения политической партией, - им предопределяются и последующие отношения, связанные с дальнейшей реализацией данного права, включая заверение Центральной избирательной комиссией Российской Федерации выдвинутого политической партией списка кандидатов по одномандатным избирательным округам. Иной подход - отождествляющий осуществление пассивного избирательного права с принятием политической партией решения о выдвижении гражданина кандидатом в депутаты Государственной Думы и не предполагающий признание и защиту, включая судебную, его индивидуальных электоральных интересов - девальвирует конституционную ценность не только права быть избранным, но и самих свободных выборов, поскольку в таком случае гражданин лишается возможности обращаться к суду как независимому арбитру в целях подтверждения или, напротив, опровержения правомочности любых затрагивающих его участие в выборах избирательных процедур, тем более если их применение повлекло за собой возникновение препятствий в реализации пассивного избирательного права.

Значимость для конституционной демократии принципов политического плюрализма и многопартийности, равно как и электоральный статус политических партий, являющихся единственным видом общественного объединения, наделенным правом выдвижения кандидатов (списка кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти (пункт 1 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях»), не отменяют того, что конституционное право избирать и быть избранным не может существовать изолированно от его носителей, которые и в случае партийного выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам не утрачивают правомочий, образующих данное право и находящихся под судебной защитой.

Необходимость надлежащего судебного гарантирования избирательных прав граждан, включая пассивное избирательное право, специально отмечается Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией). Так, согласно Руководящим принципам относительно выборов (Венеция, 5 - 6 июля 2002 года) обжалование по всем избирательным вопросам может производиться либо в избирательной комиссии, либо в суде; в любом случае должно допускаться окончательное обжалование в суде; процедура должна быть простой и не слишком сложной в формальном отношении, в частности в отношении приемлемости жалоб; орган по рассмотрению заявлений об обжаловании должен быть уполномочен решать, наряду с другими, вопросы, связанные с правом быть избранным, с соответствием выдвинутых кандидатур установленным требованиям и соблюдением правил, регулирующих проведение избирательных кампаний; все кандидаты и избиратели, зарегистрированные по соответствующему избирательному округу, должны иметь право на обжалование (подпункты a, b, d, f пункта 3.3). Как указывается в Положении о правовом

регулировании деятельности политических партий (Венеция, 15 - 16 октября 2010 года), национальное законодательство должно содержать нормы, позволяющие политическим партиям оспорить в судебном порядке правомерность решений государственных органов, влекущих за собой вмешательство в их деятельность (пункт 230), а также распространяющие право на судебное обжалование таких решений на всех лиц, чьи интересы были затронуты обжалуемым решением (пункт 233).

Применительно к судебной защите пассивного избирательного права это означает, что она должна быть в полной мере доступна для всех кандидатов в депутаты Государственной Думы, баллотирующихся по одномандатным избирательным округам, т.е. не только для граждан, реализующих данное право посредством самовыдвижения, но и для граждан, выдвинутых политическими партиями, которым не может быть отказано в судебном оспаривании решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, в части, относящейся к реализации их личного права быть избранными. Иное приводило бы к необоснованному отступлению от конституционных принципов равенства избирательных прав граждан и их судебной защиты, особенно заметному в случае выдвижения политической партией по правилам мажоритарной избирательной системы единственного кандидата, вероятность чего многократно возрастает при проведении предусмотренных Федеральным законом «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» повторных (статья 91) и дополнительных (статья 97) выборов.

Не случайно в части 11 статьи 42 названного Федерального закона, признающей право на обжалование в суд решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении списка кандидатов, выдвинутых по одномандатным избирательным округам, как такового за выдвинувшей его политической партией, дополнительно оговаривается, что отдельные кандидаты, исключенные из данного списка до его заверения, также обладают правом самостоятельно оспорить свое исключение в суде. *Ipsofacto* это означает, что каждому из выдвинутых политической партией в составе списка кандидатов-одномандатников гражданину должно быть гарантировано право на судебное оспаривание решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении этого списка в части, затрагивающей его пассивное избирательное право, тем более в случаях, когда политическая партия по тем или иным причинам не прибегает к судебному оспариванию данного решения.

3.3. Таким образом, часть 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и часть 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержа-

щиеся в них положения не препятствуют кандидату, выдвинутому политической партией по одномандатному избирательному округу, участвовать в качестве заинтересованного лица в возбужденном по административному исковому заявлению политической партии деле об оспаривании решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, и не исключают возможность самостоятельного судебного оспаривания им указанного решения в части, непосредственно затрагивающей его пассивное избирательное право.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть 2 статьи 40 и часть 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 18, 19 (части 1 и 2), 32 (часть 2), 55 (часть 3) и 97 (часть 1), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения позволяют Центральной избирательной комиссии Российской Федерации отказывать в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, если представленные для заверения этого списка документы содержат сведения о выдвижении в некоторых одномандатных избирательных округах более одного кандидата, в случае, когда решения о выдвижении кандидатов по другим одномандатным избирательным округам приняты политической партией в рамках установленных правил выдвижения и позволяют достоверно определить поименный состав кандидатов и их распределение по соответствующим одномандатным избирательным округам.

2. Признать часть 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и часть 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения не препятствуют кандидату, выдвинутому политической партией по одномандатному избирательному округу, участвовать в качестве заинтересованного лица в возбужденном по административному исковому заявлению политической партии деле об оспаривании решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации об отказе в заверении списка кандидатов, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, и не исключают возможность самостоятельного судебного оспаривания им указанного решения в части, непосредственно затрагивающей его пассивное избирательное право.

Конституционно-правовой смысл указанных законоположений, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации при заверении выдвинутого политической партией списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам, а Верховный Суд Российской Федерации - при оспаривании отказа в заверении такого списка обязаны руководствоваться правовыми позициями, выраженными Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении.

4. Признание части 2 статьи 40 и части 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации, а части 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации - не противоречащими Конституции Российской Федерации в их конституционно-правовом смысле, выявленном в настоящем Постановлении, не затрагивает результаты выборов в Государственную Думу седьмого созыва, состоявшихся 18 сентября 2016 года, и не может служить основанием для их пересмотра.

Этим для заявителей по настоящему делу - граждан Трунова Игоря Леонидовича и Юревича Михаила Валериевича не исключается возможность использовать для защиты своих прав компенсаторные механизмы, предусмотренные действующим законодательством, в соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Совершение деяния, в последствии утратившего уголовно-правовую оценку в качестве преступного, не может служить таким же основанием для установления ограничений прав, как совершение преступления.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 18 апреля 2017 г. N 12-П

ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПУНКТА «М» ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 58 ПОЛОЖЕНИЯ О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУНКТА 7 ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 82 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНКИ О.И. ГУРОВОЙ

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки О.И. Гуровой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем нормы.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Согласно пункту «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года N 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации») сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы в связи

с осуждением за преступление после вступления в законную силу обвинительного приговора суда, а также прекращением уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, за исключением уголовных дел частного обвинения, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием. В силу части первой статьи 21 Федерального закона от 21 июля 1998 года N 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации распространяется на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы впредь до принятия федерального закона о службе в уголовно-исполнительной системе.

В соответствии с пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» контракт о прохождении службы в органах внутренних дел подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с осуждением его за преступление; в связи с прекращением в отношении него уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, за исключением случаев, если на момент расторжения контракта и увольнения со службы в органах внутренних дел преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом.

1.1. Оспаривающая конституционность названных нормативных положений гражданка О.И. Гурова, с 27 ноября 2006 года проходившая службу в должности младшего инспектора 2 категории группы надзора отдела безопасности федерального казенного учреждения «Исправительная колония N 4 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Оренбургской области» и имевшая специальное звание «прапорщик внутренней службы», была уволена со службы по основанию, предусмотренному пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (приказ от 28 декабря 2015 года).

Увольнению предшествовала специальная проверка, в ходе которой было выявлено, что до поступления на службу О.И. Гурова приговором мирового судьи судебного участка N 4 Дзержинского района города Оренбурга от 20 февраля 2001 года была осуждена по части третьей статьи 30 и части первой статьи 200 УК Российской Федерации за покушение на обман потребителей и ей было назначено наказание в виде штрафа в размере двухмесячной заработной платы. Факт указания в анкете, заполненной при поступлении на службу в учреждение уголовно-исполнительной системы, сведений об отсутствии у нее судимости О.И. Гурова объяснила тем, что считала себя лицом, ранее не судимым, поскольку совершенное ею деяние было декриминализовано Федеральным законом от 8

декабря 2003 года N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», признавшим статью 200 УК Российской Федерации утратившей силу, т.е. до ее поступления на службу.

Удовлетворяя требования О.И. Гуровой к федеральному казенному учреждению «Исправительная колония N 4 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Оренбургской области» о восстановлении на службе и взыскании денежного довольствия за период вынужденного прогула, Дзержинский районный суд города Оренбурга в решении от 18 февраля 2016 года указал, что сокрытие истицей наличия в отношении нее обвинительного приговора должно было послужить поводом к ее увольнению по пункту «п» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (представление подложных документов или заведомо ложных сведений при приеме на службу), а не по пункту «м» той же статьи.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Оренбургского областного суда от 12 мая 2016 года решение суда первой инстанции было отменено и вынесено новое решение, которым О.И. Гуровой отказано в удовлетворении ее исковых требований со ссылкой на то, что декриминализация деяния не изменяет факта осуждения лица вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, т.е. не устраняет его как основание для увольнения лица, проходящего службу в учреждении уголовно-исполнительной системы, и что запрет на прохождение осужденными лицами такой службы носит безусловный характер, поскольку связывается лишь с самим фактом осуждения, вне зависимости от снятия или погашения судимости и декриминализации преступления. Определением судьи Оренбургского областного суда от 16 августа 2016 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2016 года в передаче кассационных жалоб О.И. Гуровой для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции также отказано.

1.2. В соответствии со статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующими статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли они Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившей-

ся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» своих прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации, ее статьями 15, 19 (части 1 и 2), 37 (части 1 и 3), 46 (части 1 и 2), 54 и 55 (части 2 и 3), гражданка О.И. Гурова усматривает в том, что они устанавливают безусловный и бессрочный запрет на прохождение службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы лицами, имевшими судимость. По мнению заявительницы, оспариваемые нормативные положения, не предусматривая необходимость учета при решении вопроса об увольнении такого лица вида и тяжести совершенного им противоправного деяния, формы вины, срока, прошедшего с момента снятия или погашения судимости, его отношения к исполнению служебных обязанностей, обстоятельств, характеризующих личность, а также факта декриминализации преступного деяния, несоразмерно ограничивают право каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду и на получение социальных гарантий, а также нарушают баланс конституционно значимых ценностей.

Поскольку, как следует из приложенных к жалобе судебных решений, пункт 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» при разрешении дела заявительницы не применялся, производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению в силу пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Соответственно, пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании принимается решение об увольнении со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в случае их осуждения вступившим в законную силу обвинительным приговором суда за деяния, которые на момент принятия такого решения более не признаются преступлениями.

2. Служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, посредством прохождения которой граждане реализуют свое право на труд, представляет собой, как и служба в органах внутренних дел, особый вид государственной службы, связанной с обеспечением общественного порядка, законности, прав и свобод граждан и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 года N 17-П и от 15 октября 2013 года N 21-П).

Порядок и условия прохождения службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнитель-

ной системы регулируются, как и ранее, до ее передачи Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 1998 года N 904 из ведения Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации, Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Предусмотренные данным Положением, а именно пунктом «м» части первой его статьи 58, основания расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел и его увольнения со службы впоследствии были закреплены в пункте 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в первоначальной редакции, действовавшей до ее изменения Федеральным законом от 12 февраля 2015 года N 16-ФЗ, согласно которой контракт о прохождении службы в органах внутренних дел подлежал расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с осуждением сотрудника за преступление, а также в связи с прекращением в отношении сотрудника уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием.

2.1. Конституционный Суд Российской Федерации, давая в порядке конкретного нормоконтроля оценку приведенному правовому регулированию, опирающемуся на сформулированную им в Постановлении от 18 июля 2013 года N 19-П правовую позицию, пришел к следующим выводам (постановления от 21 марта 2014 года N 7-П и от 11 ноября 2014 года N 29-П, Определение от 24 сентября 2013 года N 1415-О и др.):

при применении пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующего служебные отношения, вступая в которые гражданин реализует свое конституционное право на труд, необходимо учитывать волю федерального законодателя, устранившего преступность и наказуемость того или иного деяния, однако в правоприменительной практике названное законоположение рассматривается как не допускающее распространение действия нового уголовного закона, которым соответствующие деяния более не признаются преступлениями, на граждан, увольняемых со службы в органах внутренних дел;

правовое регулирование, предполагающее обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение со службы сотрудника, в отношении которого уголовное преследование по делу частного обвинения в связи с примирением сторон прекращено до вступления Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в силу, - притом что деяние, в связи с совершением которого он привлекался к уголовной ответственности, впоследствии декриминализовано - ставит его в неравное положение с сотрудниками ор-

ганов внутренних дел, совершившими аналогичные деяния после их декриминализации, и потому не соответствует конституционному принципу равенства всех перед законом и судом и нарушает конституционные права увольняемого лица;

в равной мере это относится к расторжению контракта и увольнению со службы в органах внутренних дел сотрудников, в отношении которых до вступления названного Федерального закона в силу уголовное преследование по делам публичного обвинения прекращено в связи с примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием, если совершенные ими деяния на момент решения вопроса о расторжении с ними контракта о прохождении службы и увольнении со службы более не признаются преступлениями.

Таким образом, вопрос о возможности продолжения профессиональной деятельности лицом, к которому в силу особенностей его правового статуса предъявляются специальные требования и которое было привлечено к уголовной ответственности за совершенные деяния, декриминализованного новым уголовным законом к моменту принятия решения об увольнении этого лица, разрешен Конституционным Судом Российской Федерации применительно к лицам, проходящим службу в органах внутренних дел.

Сформулированные по этому вопросу правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации могут быть распространены и на соответствующие случаи увольнения со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, которые, как и лица, проходящие службу в органах внутренних дел, выполняют возложенные на них задачи в публичных интересах и имеют схожий правовой статус. Иное означало бы нарушение конституционных принципов равенства и справедливости, которые гарантируют защиту от всех форм дискриминации, предполагают, что при равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении, и соблюдение которых означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года N 8-П, от 26 мая 2015 года N 11-П и др.).

2.2. В отличие от граждан, оспаривавших конституционность пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2015 года N 16-ФЗ, т.е. аналогичной предписанию пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, заявительница по настоящему делу была уволена на основании данного предписания в связи с осуждением за преступление, совершенное ею до поступления на службу.

Тем не менее - поскольку указанные нормативные положения предусматривают и для лиц, в отноше-

нии которых уголовное преследование прекращено, и для лиц, осужденных за преступление, одно и то же правовое последствие в виде расторжения контракта и увольнения со службы - правовые позиции, выраженные Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 21 марта 2014 года N 7-П и от 11 ноября 2014 года N 29-П применительно к увольнению сотрудников органов внутренних дел, в отношении которых было прекращено уголовное преследование за совершение ими деяния, утратившего в дальнейшем уголовно-правовую оценку в качестве преступного, могут быть использованы и при оценке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации применительно к случаям увольнения сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, осужденных за совершение преступления, впоследствии декриминализованного.

Как следует из этих правовых позиций, уголовный закон, устрояющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, согласно статье 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующей ее требования статье 10 УК Российской Федерации, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость, а потому воля федерального законодателя должна учитываться и при применении иных, помимо уголовного, законов, предусматривающих общеправовые последствия совершения лицом уголовно наказуемого деяния.

В противном случае лица, подвергнутые уголовному преследованию и осуждению до принятия уголовного закона, устрояющего уголовную ответственность, как это имело место в отношении заявительницы по настоящему делу, находились бы в неравном положении с теми лицами, которые совершили аналогичные деяния после вступления в силу нового уголовного закона, исключающего возможность уголовного преследования и осуждения данных лиц по приговору суда. Тем самым, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, нарушались бы конституционные принципы справедливости, юридического равенства и конституционной законности и обусловленные ими критерии действия закона во времени и по кругу лиц, в силу которых совершение деяния, впоследствии утратившего уголовно-правовую оценку в качестве преступного, не может служить таким же основанием для установления ограничений прав, как совершение преступления, и которые распространяются на все декриминализованные деяния независимо от времени их совершения и на всех лиц (постановления от 20 апреля 2006 года N 4-П, от 18 июля 2013 года N 19-П, от 21 марта 2014 года N 7-П и от 11 ноября 2014 года N 29-П).

Соответственно, поскольку правовое значение декриминализации носит общий характер и поскольку служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы по своей природе сходна со службой

в органах внутренних дел, увольнение со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в связи с их осуждением за совершение деяний, которые на момент решения вопроса об увольнении утратили уголовно-правовую оценку в качестве преступных, не может рассматриваться как согласующееся с природой Российской Федерации как правового государства, высшей ценностью которого являются права и свободы человека и гражданина, подлежащие защите на основе конституционного принципа равенства.

2.3. Таким образом, пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 32 (часть 4), 37 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой - по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, - он предполагает увольнение со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сотрудников, осужденных вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, притом что деяния, в связи с совершением которых они были осуждены, на момент решения вопроса о расторжении с ними контракта о прохождении службы и увольнении со службы были декриминализованы.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 32 (часть 4), 37 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой - по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, - он предполагает увольнение со службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сотрудников, осужденных вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, притом что деяния, в связи с совершением которых они были осуждены, на момент решения вопроса о расторжении с ними контракта о прохождении службы и увольнении со службы были декриминализованы.

2. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом основанных на этих требованиях правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федера-

ции и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

4. Правоприменительные решения по делу гражданки Гуровой Оксаны Ильиничны, основанные на пункте «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в той мере, в какой он признан настоящим Постановлением не соответствующим Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

В случае причинения вреда транспортному средству потерпевший при недостаточности страховой выплаты на покрытие ущерба вправе рассчитывать на возмещение разницы за счет причинителя вреда.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
от 4 апреля 2017 г. N 716-О

ПО ЖАЛОБЕ
ГРАЖДАНИНА БУДАНОВА АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
НА НАРУШЕНИЕ ЕГО КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
АБЗАЦЕМ ВТОРЫМ ПУНКТА 19 СТАТЬИ 12
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи В.Г. Ярославцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.В. Буданова,

установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.В. Буданов оспаривает конституционность абзаца второго пункта 19 статьи 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 года N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», согласно которому размер расходов на запасные части (в том числе в случае возмещения причиненного вреда в порядке, предусмотренном абзацем вторым пункта 15 данной статьи) определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте; при этом на указанные комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) не может начисляться износ свыше 50 процентов их стоимости.

Как следует из представленных материалов, решением Октябрьского районного суда города Рызани от 8 декабря 2015 года, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, А.В. Буданову - которому было выдано направление на осуществление восстановительного ремонта принадлежащего ему автомобиля, поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия, в условиях станции технического обслуживания, принадлежащей ООО «Фест», направившему для оплаты ремонта автомобиля в адрес страховой компании счет, в котором стоимость заменяемых запасных частей была указана с учетом износа 49,1 процента, а оставшуюся часть стоимости замененных деталей предъявившему к оплате А.В. Буданову как собственнику автомобиля, и который осуществил доплату за ремонт автомобиля, - было отказано в удовлетворе-

нии исковых требований к гражданину К., являвшемуся виновным в совершении дорожно-транспортного происшествия, о возмещении имущественного ущерба, в состав которого была включена также произведенная А.В. Будановым за ремонт автомобиля доплата в сумме 67 395 рублей. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2016 года А.В. Буданову было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. При этом суды исходили из того, что правоотношения сторон по данному спору регулируются Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в связи с чем размер убытков определяется только в соответствии со статьей 12 данного Федерального закона, т.е. с учетом износа автомобиля потерпевшего, а, следовательно, у истца отсутствуют правовые основания требовать с причинителя вреда денежную сумму, составляющую разницу между стоимостью восстановительного ремонта автомобиля и полученным от страховой компании страховым возмещением.

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение по смыслу, придаваемому ему в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, не соответствует статье 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, поскольку ставит потерпевших при возмещении ущерба, причиненного их транспортному средству в результате дорожно-транспортного происшествия, в неравное положение в зависимости от того, распространяется или не распространяется на виновное в причинении ущерба лицо действие Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», позволяя в первом случае требовать с этого лица возмещения вреда только с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, т.е. в меньшем - не соответствующем полному - размере, а во втором случае, в том числе когда гражданская ответственность виновного в причинении ущерба лица не была застрахована, - взыскивать с него возмещение вреда на основании положений Гражданского кодекса Российской Федерации в полном объеме (без учета износа комплектующих изделий).

2. Вопрос, касающийся возможности возмещения потерпевшему - владельцу транспортного средства вреда, причиненного ему лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, в размере, превышающем размер страхового возмещения, ранее уже рассматривался Конституционным Судом Российской Федерации применительно к возмещению вреда, осуществляемому путем выплаты потерпевшему страховой компанией страхового возмещения.

В Постановлении от 10 марта 2017 года N 6-П Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Россий-

ской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» они предполагают - исходя из принципа полного возмещения вреда - возможность возмещения потерпевшему лицом, гражданской ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, вреда, причиненного при эксплуатации транспортного средства, в размере, который превышает страховое возмещение, выплаченное потерпевшему в соответствии с законодательством об обязательном страховании гражданской ответственности.

Давая оценку указанным положениям Гражданского кодекса Российской Федерации в системе действующего правового регулирования, Конституционный Суд Российской Федерации, соотнеся их с положениями Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», исходя в том числе из того, что в противном случае потерпевшие, которым имущественный вред причинен лицом, чья ответственность застрахована в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, ставились бы в худшее положение не только по сравнению с теми потерпевшими, которым имущественный вред причинен лицом, не исполнившим обязанность по страхованию риска своей гражданской ответственности, но и вследствие самого введения в правовое регулирование института страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств - в отличие от периода, когда вред во всех случаях его причинения источником повышенной опасности подлежал возмещению по правилам главы 59 ГК Российской Федерации, т.е. в полном объеме, - пришел к следующим выводам:

предусматривая максимальный размер страховой выплаты, на которую вправе рассчитывать потерпевший в случае причинения ему вреда, расчет размера подлежащих возмещению страховщиком убытков в случае повреждения имущества с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте транспортного средства, порядок определения размера расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, и проведения независимой технической и судебной экспертиз транспортного средства с использованием Единой методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, федеральный законодатель - с учетом специфики соответствующих отношений и исходя из принципов эффективности, целесообразности и экономической обоснованности - обозначил пределы, в которых путем осуществления страховщиком страховой выплаты потерпевшему гарантируется возмещение вреда, причиненного его жизни, здоровью или имуществу;

введение Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» правила, в соответствии с которым страховщик при наступлении страхового случая обязуется возместить потерпевшему причиненный вред не в полном объеме, а лишь в пределах указанной в его статье 7 страховой суммы (в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, - 500 тысяч руб., в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, - 400 тысяч руб.) и с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте, направлено на обеспечение баланса экономических интересов всех участвующих в страховом правоотношении лиц, на доступность цены договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, а также на предотвращение противоправных внеюрисдикционных механизмов разрешения споров по возмещению вреда и не может рассматриваться как не отвечающее вытекающим из статей 17 (часть 3), 35 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации требованиям.

В связи с этим, как указал в названном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, положения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации - по их конституционно-правовому смыслу в системе мер защиты права собственности, основанной на требованиях статей 7 (часть 1), 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации и вытекающих из них гарантий полного возмещения потерпевшему вреда, - не предполагают, что правила, предназначенные исключительно для целей обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, распространяются и на деликтные отношения, урегулированные указанными законоположениями; соответственно, институт обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, введенный в действующее законодательство с целью повышения уровня защиты прав потерпевших при причинении им вреда при использовании транспортных средств иными лицами, не может подменять собой институт деликтных обязательств, регламентируемый главой 59 ГК Российской Федерации, и не может приводить к снижению размера возмещения вреда, на которое вправе рассчитывать потерпевший на основании общих положений гражданского законодательства.

Поскольку названный Федеральный закон, как специальный нормативный правовой акт, не исключает распространение на отношения между потерпевшим и лицом, причинившим вред, общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах из причинения вреда, потерпевший при недостаточности страховой выплаты на покрытие причиненного ему фактического ущерба вправе рассчитывать на восполнение образовавшейся разницы за счет лица, в результате противоправных действий которого образовался этот ущерб, путем предъявления к нему соответствующего требования.

В контексте конституционно-правового предназначения статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 ГК Российской Федерации Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», как регулирующий иные - страховые - отношения, и основанная на нем Единая методика определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства не могут рассматриваться в качестве нормативно установленного исключения из общего правила об определении размера убытков в рамках деликтных обязательств и, таким образом, не препятствуют учету полной стоимости новых деталей, узлов и агрегатов при определении размера убытков, подлежащих возмещению лицом, причинившим вред.

Указанные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации носят общий характер и распространяются на все предусмотренные пунктом 15 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» формы возмещения вреда, в том числе и на возмещение вреда, осуществляемое путем выдачи и организации оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на станции технического обслуживания.

Таким образом, поставленный А.В. Будановым вопрос получил разрешение по существу в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 года N 6-П.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктом 3 статьи 43, частью четвертой статьи 71, статьями 78 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

1. Признать жалобу гражданина Буданова Андрея Васильевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определить Конституционный Суд Российской Федерации по данной жалобе окончательно и не подлежит обжалованию.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН

Верховным Судом РФ актуализированы разъяснения положений ГПК РФ и АПК РФ об упрощенном производстве.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 18 апреля 2017 г. N 10

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АРБИТРАЖНОГО
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ УПРОЩЕННОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ**

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) об упрощенном производстве Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения.

Общие положения.

Дела, рассматриваемые в порядке упрощенного производства

1. Упрощенное производство представляет собой специальный порядок рассмотрения дел, предусмотренный главой 21.1 ГПК РФ и главой 29 АПК РФ, согласно которым судами общей юрисдикции рассматриваются дела искового производства, а арбитражными судами рассматриваются дела искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. В отличие от приказного производства рассмотрение дел в порядке упрощенного производства не исключает наличие спора о праве.

Дела, перечисленные в части первой статьи 232.2 ГПК РФ и частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ, а при согласии сторон - и иные дела рассматриваются мировыми судьями, иными судами общей юрисдикции и арбитражными судами в порядке упрощенного производства.

2. С иском заявлением (заявлением) по требованиям, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, вправе обратиться граждане - физические лица и индивидуальные предприниматели, организации, органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы. С иском заявлением (заявлением) по требованиям, рассматриваемым в указанном порядке, в суд общей юрисдикции, арбитражный суд вправе обратиться прокурор в пределах своих полномочий.

3. С учетом положений пункта 5 части первой статьи 23 ГПК РФ мировыми судьями в порядке упрощен-

ного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств или об истребовании имущества, дела по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает пятидесяти тысяч рублей, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности (часть первая статьи 232.2 ГПК РФ).

Иные дела, предусмотренные статьей 232.2 ГПК РФ, рассматриваются районными судами в порядке упрощенного производства.

4. В соответствии с пунктом 1 части первой статьи 232.2 ГПК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 227 АПК РФ суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств в порядке упрощенного производства, если цена иска, рассматриваемого судом общей юрисдикции, не превышает ста тысяч рублей, а цена иска, рассматриваемого арбитражным судом, - пятидесяти тысяч рублей (когда ответчиком является юридическое лицо) и двухсот пятидесяти тысяч рублей (когда ответчиком является индивидуальный предприниматель). При этом заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства только в случаях:

если указанное требование не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства;

если по указанным требованиям может быть выдан судебный приказ, но в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа по данным требованиям мировым судьей, арбитражным судом было отказано или судебный приказ был отменен (часть третья статьи 125, статьи 128 и 129 ГПК РФ, часть 3 статьи 229.4, часть 4 статьи 229.5 АПК РФ).

5. Согласно пункту 1 части первой статьи 232.2 ГПК РФ, пункту 1 части 1 статьи 227 АПК РФ под денежными средствами, которые подлежат взысканию в порядке упрощенного производства, понимаются суммы основного долга, а также начисленные на основании федерального закона или договора суммы процентов и неустоек (штрафа, пени), общая сумма которых не должна превышать пределов, установленных указанными нормами.

Цена иска, рассматриваемого судами общей юрисдикции, арбитражными судами и состоящего из нескольких самостоятельных требований, определяется суммой всех требований.

6. Требования, вытекающие из гражданских правоотношений, одно из которых носит имущественный характер и относится к требованиям, указанным в части первой статьи 232.2 ГПК РФ, частях 1, 2 статьи 227 АПК РФ, а другое - неимущественный характер, рассматриваются в порядке упрощенного производства в случае, если суд не выделит требование, которое носит неимущественный характер в отдельное производство (часть шестая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 7 статьи 227 АПК РФ). Так, рассматриваются в порядке упрощенного производства дела, в которых, наряду с подлежащими рассмотрению в таком порядке требованиями потребителя о взыскании денежных средств, заявлено требование о компенсации морального вреда.

7. По смыслу пункта 1 части первой статьи 232.2 ГПК РФ, в порядке упрощенного производства судами общей юрисдикции рассматриваются дела об истребовании как движимого, так и недвижимого имущества. При этом стоимость недвижимого имущества определяется исходя из его кадастровой стоимости, а стоимость движимого имущества и стоимость недвижимого имущества, сведения о кадастровой стоимости которого отсутствуют, - исходя из рыночной стоимости.

8. В соответствии с пунктом 2 части первой статьи 232.2 ГПК РФ в порядке упрощенного производства рассматриваются дела по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает ста тысяч рублей. К таким делам относятся, например, дела о признании права собственности на недвижимое имущество.

9. В силу пункта 3 части первой статьи 232.2 ГПК РФ, пункта 1 части 2 статьи 227 АПК РФ суды общей юрисдикции и арбитражные суды, независимо от суммы заявленных требований, рассматривают дела по искам, основанным на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства.

К числу документов, устанавливающих денежные обязательства ответчика, относятся, например, договор займа, кредитный договор, договор энергоснабжения, договор на оказание услуг связи, договор аренды, договор на коммунальное обслуживание.

К документам, подтверждающим задолженность по договору, относятся документы, которые содержат письменное подтверждение ответчиком наличия у него задолженности перед истцом (например, расписка, подписанная ответчиком, ответ на претензию, подписанный сторонами акт сверки расчетов).

По смыслу пункта 1 части 2 статьи 227 АПК РФ, к документам, указанным в данном пункте, также может относиться представленная налогоплательщиком в налоговый орган налоговая декларация в случае, если исчисленная сумма налога, сведения о которой указаны в этой декларации, не уплачена в установленный срок.

Дело подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства, если представленные документы подтверждают только часть задолженности, а часть требований, которая не подтверждена такими документами, не превышает пределов, установленных пунктом 1 части первой статьи 232.2 ГПК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 227 АПК РФ.

Судам следует иметь в виду, что в случае необходимости выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств суд вправе вынести определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (часть четвертая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

10. Требования, предусмотренные пунктом 3 части первой статьи 232.2 ГПК РФ и пунктом 1 части 2 статьи

227 АПК РФ, подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства в одном из следующих случаев:

если цена иска превышает установленные частью первой статьи 121 ГПК РФ и статьей 229.2 АПК РФ пределы;

если цена иска не превышает таких пределов, но в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа по данным требованиям мировым судьей, арбитражным судом было отказано или судебный приказ был отменен (часть третья статьи 125, статьи 128 и 129 ГПК РФ, часть 3 статьи 229.4, часть 4 статьи 229.5 АПК РФ);

если цена иска не превышает указанных пределов, но требование не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства (например, требование о взыскании неначисленной работнику заработной платы).

Размер денежной суммы, взыскиваемой на основании пункта 3 части первой статьи 232.2 ГПК РФ и пункта 1 части 2 статьи 227 АПК РФ, может быть пересчитан на дату вынесения решения суда, а также на дату фактического исполнения денежного обязательства.

11. Согласно пункту 2 части 1 статьи 227 АПК РФ в порядке упрощенного производства арбитражными судами подлежат рассмотрению дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если в соответствующих ненормативном правовом акте, решении содержится требование об уплате денежных средств или предусмотрено взыскание денежных средств либо обращение взыскания на иное имущество заявителя при условии, что указанные акты, решения оспариваются заявителем в части требования об уплате денежных средств или взыскания денежных средств либо обращения взыскания на иное имущество заявителя и при этом оспариваемая заявителем сумма не превышает ста тысяч рублей.

Если заявителем оспариваются действия (бездействие) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц (часть 1 статьи 198 АПК РФ), не связанные с изданием актов, решений, содержащих требование об уплате денежных средств или предусматривающих взыскание денежных средств либо обращение взыскания на иное имущество заявителя, такие дела не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства.

При этом дела об оспаривании решений и действий (бездействия) должностного лица службы судебных приставов с учетом положений абзаца второго части 1 статьи 200 АПК РФ также не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства.

12. Если с учетом положений части 1 статьи 130 АПК РФ в заявлении соединены требования об оспаривании различных ненормативных правовых актов (решений) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц либо требование об оспаривании ненормативного правового акта (решения) и требование об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности и связанность заявленных требований обусловлена установлением одних и тех же фактов в оспариваемых ненормативных правовых актах

(решениях), в том числе если один из оспариваемых ненормативных правовых актов (решений) принят на основе другого ненормативного правового акта (решения), что позволяет рассматривать такие требования в рамках одного судебного дела, при этом одно из требований относится к делам, указанным в пунктах 2 или 4 части 1 статьи 227 АПК РФ, а второе к ним не относится, рассмотрение дела арбитражными судами осуществляется по общим правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

13. По смыслу положений пунктов 3 и 4 части 1 статьи 227 АПК РФ, части 5 статьи 28.1, статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ), в порядке упрощенного производства подлежат рассмотрению также дела об оспаривании постановлений административных органов об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении или о прекращении производства по делу об административном правонарушении, если за совершение административного правонарушения законом установлено административное наказание в виде административного штрафа, максимальный размер которого не превышает ста тысяч рублей.

14. При применении пункта 5 части 1 статьи 227 АПК РФ необходимо учитывать, что в порядке упрощенного производства арбитражными судами подлежат рассмотрению дела о взыскании обязательных платежей и санкций, если указанный в заявлении общий размер подлежащей взысканию денежной суммы не превышает ста тысяч рублей, в случае, если в принятии заявления о выдаче судебного приказа по данным требованиям арбитражным судом было отказано или судебный приказ был отменен (часть 3 статьи 229.4, часть 4 статьи 229.5 АПК РФ).

15. В порядке упрощенного производства судами общей юрисдикции и арбитражными судами могут быть рассмотрены дела, не включенные в перечень, содержащийся в части первой статьи 232.2 ГПК РФ, частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ, если стороны согласовали рассмотрение такого дела по правилам упрощенного производства и если отсутствуют обстоятельства, указанные в частях третьей и четвертой статьи 232.2 ГПК РФ, частях 4 и 5 статьи 227 АПК РФ.

Согласование рассмотрения дела в порядке упрощенного производства осуществляется в ходе подготовки дела к судебному разбирательству посредством заявления стороной ходатайства об этом и представления согласия другой стороны либо представления в суд согласия сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, предложенное по инициативе суда (пункт 5.1 части первой статьи 150, статья 152, часть вторая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 3 статьи 135, часть 3 статьи 227 АПК РФ).

Согласие сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства должно быть очевидным, например следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления сторон.

Отсутствие возражений сторон в отношении предложения суда о рассмотрении дела в порядке упрощен-

ного производства само по себе не является согласием на рассмотрение дела в таком порядке.

16. Не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела, связанные с государственной тайной; дела по спорам, затрагивающим права детей; дела о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; дела особого производства (часть третья статьи 232.2 ГПК РФ), дела по корпоративным спорам; дела о защите прав и законных интересов группы лиц (часть 4 статьи 227 АПК РФ), даже если стороны согласовали рассмотрение такого дела по правилам упрощенного производства.

Исходя из особенностей, установленных федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности (банкротства) (часть 1 статьи 223 АПК РФ), не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства также дела о банкротстве.

Кроме того, не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела, отнесенные к подсудности Суда по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции.

Особенности рассмотрения дел в порядке упрощенного производства

17. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются по правилам искового производства с особенностями, установленными главой 21.1 ГПК РФ, главой 29 АПК РФ, в частности, судебные заседания по указанным делам не назначаются, в связи с чем лица, участвующие в деле, не извещаются о времени и месте судебного заседания, протоколирование в письменной форме и с использованием средств аудиозаписи не осуществляется, правила об отложении разбирательства дела (судебного разбирательства), о перерыве в судебном заседании, об объявлении судебного решения не применяются (статья 232.1 ГПК РФ, статья 226 АПК РФ).

18. При принятии искового заявления (заявления) к производству суд решает вопрос о том, относится ли дело к категориям дел, указанным в части первой статьи 232.2 ГПК РФ, частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ.

Если по формальным признакам дело относится к категориям дел, названным в части первой статьи 232.2 ГПК РФ и частях 1 и 2 статьи 227 АПК РФ, то оно должно быть рассмотрено в порядке упрощенного производства, о чем указывается в определении о принятии искового заявления (заявления) к производству (часть вторая статьи 232.3 ГПК РФ, часть 2 статьи 228 АПК РФ). Согласие сторон на рассмотрение данного дела в таком порядке не требуется.

Указание в исковом заявлении третьих лиц само по себе не является препятствием для его рассмотрения в порядке упрощенного производства (часть четвертая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

19. Если дело не относится к категориям дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства, суд, приняв исковое заявление (заявление) к производству по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, начинает подготовку дела к судеб-

ному разбирательству (статьи 133 и 147 ГПК РФ, статьи 127 и 134 АПК РФ).

В определении о принятии искового заявления (заявления) к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству суд может предложить сторонам рассмотреть данное дело в порядке упрощенного производства (часть вторая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 3 статьи 227 АПК РФ).

20. При обращении с иском (заявлением) по требованию, подлежащему рассмотрению или рассмотренному в порядке приказного производства, истец или заявитель должен указать в исковом заявлении (заявлении) об отказе в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа или об отмене судебного приказа и приложить копии соответствующих определений.

Если копия соответствующего определения отсутствует, однако заявитель обращался с заявлением о выдаче судебного приказа, такое исковое заявление (заявление) подлежит оставлению без движения (статья 136 ГПК РФ, статья 128 АПК РФ).

Если указанные требования не рассматривались в порядке приказного производства, то исковое заявление (заявление) подлежит возвращению (пункт 1.1 части первой статьи 135 ГПК РФ, пункт 2.1 части 1 статьи 129 АПК РФ).

21. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом общей юрисдикции, арбитражным судом в срок, не превышающий двух месяцев со дня поступления искового заявления (заявления) в суд (часть первая статьи 154 ГПК РФ, часть 2 статьи 226 АПК РФ).

22. В определении о принятии искового заявления (заявления) к производству суд указывает на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства и устанавливает следующие сроки представления участвующими в деле лицами в суд и друг другу доказательств и документов (части вторая и третья статьи 232.3 ГПК РФ, части 2 и 3 статьи 228 АПК РФ):

1) пятнадцать дней или более - как для представления ответчиком отзыва (возражений) на исковое заявление (заявление), так и для представления любым участвующим в деле лицом доказательств, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений;

2) тридцать дней или более - для представления только дополнительных документов, содержащих объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции, но не содержащих ссылки на доказательства, которые не были раскрыты в установленный судом срок.

Сроки для совершения названных действий могут быть определены судом общей юрисдикции, арбитражным судом посредством указания точной календарной даты либо периода, исчисляемого со дня вынесения определения о принятии искового заявления (заявления) к производству или определения о переходе к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства.

При определении продолжительности этого срока следует учитывать время на доставку почтовой корреспонденции и общий срок рассмотрения дела в по-

рядке упрощенного производства. Период между моментами окончания первого и второго сроков должен составлять не менее пятнадцати дней.

При исчислении сроков представления лицами, участвующими в деле, в суд и друг другу доказательств и документов следует иметь в виду, что такие сроки в судах общей юрисдикции исчисляются в календарных днях (статьи 107 и 108, части вторая и третья статьи 232.2 ГПК РФ), а в арбитражных судах - в рабочих (часть 3 статьи 113, части 2 и 3 статьи 228 АПК РФ).

23. При применении положений части 1 статьи 228 АПК РФ арбитражным судам необходимо исходить из того, что в целях реализации права лиц, участвующих в деле, на ознакомление с материалами дела в электронном виде на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее - официальный сайт арбитражного суда) в режиме ограниченного доступа (часть 2 статьи 228 АПК РФ) в срок, не превышающий пяти дней со дня вынесения определения о принятии искового заявления (заявления) к производству, размещается как само исковое заявление (заявление), так и все прилагаемые к такому заявлению документы.

24. Лица, участвующие в деле, рассматриваемом в порядке упрощенного производства, считаются получившими копии определения о принятии искового заявления (заявления) к производству и рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, если ко дню принятия решения суд располагает доказательствами вручения им соответствующих копий, направленных заказным письмом с уведомлением о вручении (часть первая статьи 113 ГПК РФ, часть 1 статьи 122 АПК РФ), а также в случаях, указанных в частях второй - четвертой статьи 116 ГПК РФ, в частях 2 - 5 статьи 123 АПК РФ, или иными доказательствами получения лицами, участвующими в деле, информации о начавшемся судебном процессе.

Гражданин, индивидуальный предприниматель и юридическое лицо несут риск последствий неполучения копии указанного определения по обстоятельствам, зависящим от них.

Если ко дню принятия решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, соответствующая информация в суд не поступила, либо поступила, но с очевидностью свидетельствует о том, что лицо не имело возможности ознакомиться с материалами дела и представить возражения и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном частью четвертой статьи 232.3 ГПК РФ, частью 3 статьи 228 АПК РФ, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (часть четвертая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

25. При применении части четвертой статьи 232.3 ГПК РФ, части 4 статьи 228 АПК РФ необходимо исходить из того, что каждое участвующее в деле лицо, представляющее доказательства и документы, должно предпринять все зависящие от него меры к тому, что-

бы до истечения срока, установленного в определении, в суд поступили представляемые им отзыв на исковое заявление, отзыв на заявление, доказательства и иные документы (в том числе в электронном виде) либо информация о направлении таких документов (например, телеграмма, телефонограмма и т.п.). Направление документов в суд и лицам, участвующим в деле, по почте без учета времени доставки корреспонденции не может быть признано обоснованием невозможности своевременного представления документа в суд, поскольку соответствующие действия относятся к обстоятельствам, зависящим от участвующего в деле лица.

Исходя из особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон, при представлении в суд общей юрисдикции указанных доказательств, документов и возражений лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление таких доказательств, документов и возражений другим участвующим в деле лицам (часть четвертая статьи 1, статья 12, часть первая статьи 35, части вторая и третья статьи 232.2 ГПК РФ).

Если в суд общей юрисдикции наряду с доказательствами, документами и возражениями не представлены документы, подтверждающие их направление другим участвующим в деле лицам, то такие доказательства, документы и возражения судом общей юрисдикции не принимаются и подлежат возвращению, о чем выносится определение.

26. При рассмотрении дела в порядке упрощенного производства письменные доказательства представляются с учетом положений статей 71, 72 ГПК РФ, статьи 75 АПК РФ.

Суд в пределах двухмесячного срока рассмотрения дела вправе при необходимости устанавливать дополнительные сроки для представления подлинных документов по требованию суда, истребования доказательств по правилам частей второй - четвертой статьи 57 ГПК РФ, частей 5 и 6 статьи 66 АПК РФ.

27. Если доказательства и документы поступили в суд по истечении установленного судом срока, такие доказательства и документы не принимаются и не рассматриваются судом и возвращаются лицам, которыми они были поданы, за исключением случаев, когда сроки представления таких доказательств и иных документов пропущены по уважительным причинам (часть четвертая статьи 232.3 ГПК РФ), или если эти лица обосновали невозможность представления указанных документов в установленный судом срок по причинам, не зависящим от них (часть 4 статьи 228 АПК РФ).

О возвращении таких документов суд общей юрисдикции, арбитражный суд выносят определение (часть четвертая статьи 1 ГПК РФ, часть 4 статьи 228 АПК РФ).

28. Если невозможность представления в суд доказательств (документов), которые, по мнению суда, имеют значение для правильного разрешения спора, признана судом обоснованной по причинам, не зависящим от лица, участвующего в деле (например, необходимость в представлении доказательства воз-

ника в результате ознакомления с доказательством, представленным другим участвующим в деле лицом на исходе срока представления доказательств), такое доказательство (документ) учитывается судом, когда оно поступило в суд не позднее даты принятия решения по делу и при наличии возможности лиц, участвующих в деле, ознакомиться с таким доказательством (документом), а также высказать позицию в отношении его.

При этом суд в пределах двухмесячного срока рассмотрения дела устанавливает разумный срок для ознакомления лиц, участвующих в деле, с представленными доказательствами (документами).

В случае отсутствия у суда возможности установить срок, необходимый для ознакомления лиц, участвующих в деле, с представленными доказательствами (документами), суд вправе вынести определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств (часть четвертая статьи 232.3 ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

29. Заявления и ходатайства рассматриваются судом общей юрисдикции, арбитражным судом в порядке, предусмотренном статьей 166 ГПК РФ, статьей 159 АПК РФ без проведения судебного заседания и с учетом других особенностей рассмотрения дела в порядке упрощенного производства.

Суд общей юрисдикции, арбитражный суд рассматривают заявление и ходатайство в разумный срок, обеспечивающий лицам, участвующим в деле, возможность заявить свои возражения, и по результатам их рассмотрения выносят определение.

Исходя из особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон, при направлении в суд общей юрисдикции заявлений и ходатайств лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление указанных заявлений и ходатайств другим участвующим в деле лицам (часть четвертая статьи 1, статья 12, часть первая статьи 35, части вторая и третья статьи 232.3 ГПК РФ).

Заявления и ходатайства, поданные в арбитражный суд, размещаются на официальном сайте арбитражного суда в режиме ограниченного доступа в срок, не превышающий трех дней со дня их поступления в арбитражный суд, применительно к положениям абзаца второго части 4 статьи 228 АПК РФ. Лица, участвующие в деле, вправе высказать по ним свое мнение в письменной форме, направив соответствующий документ в арбитражный суд, в том числе в электронном виде посредством системы «Мой Арбитр».

Определение арбитражного суда, вынесенное по результатам рассмотрения заявления или ходатайства, размещается на его официальном сайте не позднее следующего дня после дня вынесения этого определения применительно к части 2 статьи 228 АПК РФ. В силу части четвертой статьи 1 ГПК РФ определение суда общей юрисдикции также подлежит размещению на

официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в указанный срок.

30. При рассмотрении дела в порядке упрощенного производства стороны вправе заключить мировое соглашение.

Сторона или стороны могут направить в суд в том числе в электронном виде подписанный ими проект мирового соглашения до истечения срока рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. В этом случае суд не переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, а назначает судебное заседание для рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения с вызовом участвующих в деле лиц, а также с осуществлением протоколирования в письменной форме и с использованием средств аудиозаписи (часть вторая статьи 39, статья 173 ГПК РФ, часть 2 статьи 141 АПК РФ).

Если мировое соглашение не будет утверждено в этом судебном заседании, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, на основании пункта 2 части четвертой статьи 232.2 ГПК РФ, пункта 3 части 5 статьи 227 АПК РФ.

**Переход к рассмотрению дела
по общим правилам искового производства
или по правилам производства по делам,
возникающим из административных
и иных публичных правоотношений**

31. Переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, осуществляется судом по своей инициативе или по ходатайству лица, участвующего в деле, при наличии оснований, предусмотренных частью четвертой статьи 232.2 ГПК РФ, частью 5 статьи 227 АПК РФ.

В определении о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, должно содержаться обоснование вывода суда о невозможности рассмотрения дела в порядке упрощенного производства.

32. Если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства истец заявит ходатайство об увеличении размера исковых требований, в результате чего цена иска превысит пределы, установленные пунктом 1 части первой статьи 232.2 ГПК РФ, пунктом 1 части 1 статьи 227 АПК РФ, суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Если же в результате увеличения размера исковых требований цена иска не превысит установленные пределы, вопрос о необходимости перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства решается судом с учетом фактической возможности обеспечения права ответчика представить возраже-

ния и доказательства в обоснование своей позиции в порядке, предусмотренном частью второй статьи 232.3 ГПК РФ и частью 3 статьи 228 АПК РФ.

33. Обстоятельства, препятствующие рассмотрению дела в порядке упрощенного производства, указанные в части четвертой статьи 232.2 ГПК РФ, части 5 статьи 227 АПК РФ (например, необходимость выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств), могут быть выявлены как при принятии искового заявления (заявления) к производству, так и в ходе рассмотрения этого дела.

В случае выявления таких обстоятельств суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, и указывает в нем действия, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, и сроки совершения этих действий (часть пятая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 6 статьи 227 АПК РФ). Такое определение не подлежит обжалованию.

Указанное определение может быть вынесено в том числе по результатам рассмотрения судом ходатайства участвующего в деле лица, указавшего на наличие одного из обстоятельств, предусмотренных пунктами 1 и 2 части четвертой статьи 232.2 ГПК РФ, пунктами 1 - 3 части 5 статьи 227 АПК РФ. Данное ходатайство может быть подано до окончания рассмотрения дела по существу.

34. Если в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства удовлетворено ходатайство о вступлении в дело третьего лица как заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, так и не заявляющего таковых, суд выносит определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (часть четвертая статьи 232.2 ГПК РФ, часть 5 статьи 227 АПК РФ).

Удовлетворение ходатайства стороны о привлечении третьего лица к участию в деле или привлечение его по инициативе суда (часть первая статьи 43 ГПК РФ, части 1 и 3 статьи 51 АПК РФ) само по себе не является основанием для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

При рассмотрении дела в порядке упрощенного производства третьи лица пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности стороны (часть первая статьи 42, часть первая статьи 43 ГПК РФ, часть 2 статьи 50, часть 2 статьи 51 АПК РФ). В связи с этим третьему лицу, участвующему в рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, направляется определение о привлечении его к участию в деле.

Одновременно с таким определением, применительно к части 2 статьи 228 АПК РФ, указанному лицу направляются данные, необходимые для его идентификации, в целях доступа к материалам дела в электронном виде.

Судебные акты по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства

35. Решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается судом общей юрисдикции, арбитражным судом не ранее истечения сроков, установленных для представления доказательств и иных документов, но до истечения двухмесячного срока рассмотрения дела (часть пятая статьи 232.3 ГПК РФ, часть 5 статьи 228 АПК РФ).

Дата вынесения и подписания судом резолютивной части решения считается датой принятия решения (часть первая статьи 232.4 ГПК РФ, часть 1 статьи 229 АПК РФ).

36. В решении, принятом путем вынесения (подписания) резолютивной части, по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, должны содержаться в том числе основание возникновения обязательства (например, договор с указанием реквизитов), состав взыскиваемой задолженности (суммы основного долга, процентов и неустоек), период, за который произведено взыскание (статья 198 ГПК РФ, статья 170 АПК РФ).

37. По делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемым арбитражными судами в порядке упрощенного производства, решение принимается путем подписания его резолютивной части.

Составление по таким делам мотивированного решения, обжалование решения осуществляются по правилам статьи 229 АПК РФ.

Решение, принятое путем подписания резолютивной части, и мотивированное решение по таким делам принимаются арбитражным судом с учетом особенностей, которые предусматривают требования к резолютивной части решений по этим делам (части 4, 6 статьи 201, часть 3 статьи 206, часть 4 статьи 211, часть 2 статьи 216 АПК РФ), порядок исполнения указанных решений (части 8 и 9 статьи 201, часть 4.2 статьи 206, часть 5.2 статьи 211 АПК РФ), направления копий таких решений (часть 5 статьи 206, часть 6 статьи 211 АПК РФ).

При этом следует учитывать, что трехдневный срок направления арбитражным судом копии решения, установленный частью 5 статьи 206 АПК РФ, применяется к делам о привлечении к административной ответственности, рассмотренным арбитражным судом в порядке упрощенного производства, по которым назначено наказание в виде предупреждения.

Решения по делам о привлечении к административной ответственности, рассмотренным арбитражным судом в порядке упрощенного производства, по которым назначено наказание в виде административного штрафа, могут быть направлены для исполнения после истечения 60-дневного срока со дня вступления соответствующего судебного акта в законную силу (части 1 и 5 статьи 32.2 КоАП РФ).

38. По рассматриваемым в порядке упрощенного производства делам о привлечении к административной ответственности, об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности принудительное исполнение

производится на основании решения, принятого путем подписания резолютивной части, поскольку исполнительный лист на основании судебных актов по данным делам не выдается (часть 4.2 статьи 206, часть 5.2 статьи 211 АПК РФ).

39. В силу части второй статьи 232.4 ГПК РФ суд общей юрисдикции, принявший решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, составляет мотивированное решение как по заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей, так и в случае подачи апелляционных жалобы, представления.

Поскольку арбитражный суд, исходя из части 2 статьи 229 АПК РФ, составляет мотивированное решение только по заявлению лица, участвующего в деле, рассмотренном в порядке упрощенного производства, то при отсутствии соответствующего заявления лица, участвующего в деле, обжалованию подлежит решение, принятое путем подписания резолютивной части.

Суд общей юрисдикции, арбитражный суд вправе изготовить мотивированное решение по своей инициативе. В этом случае решение вступает в законную силу и срок на его обжалование исчисляется со дня принятия решения путем вынесения (подписания) резолютивной части.

Если срок подачи апелляционной жалобы, представления пропущен, то мотивированное решение по делу изготавливается только в случае восстановления указанного срока.

40. Пропущенный по уважительной причине срок на обращение с заявлением о составлении мотивированного решения (например, при отсутствии у лица, участвующего в деле, сведений о судебном акте, принятом в процедуре упрощенного производства) может быть восстановлен судом по ходатайству лица, участвующего в деле, в порядке, предусмотренном статьей 112 ГПК РФ, статьей 117 АПК РФ. С учетом особенностей упрощенного производства данное ходатайство рассматривается без проведения судебного заседания.

При отсутствии ходатайства о восстановлении пропущенного срока, а также при отказе в его восстановлении суд выносит определение о возвращении заявления о составлении мотивированного решения, которое может быть обжаловано (часть пятая статьи 112, пункт 2 части первой статьи 331 ГПК РФ, часть 6 статьи 117, часть 1 статьи 188 АПК РФ).

41. Заявление о составлении мотивированного решения, поданное до вынесения судом резолютивной части решения (например, содержащееся в тексте искового заявления, отзыва на исковое заявление), не влечет обязанности суда составить мотивированное решение (часть третья статьи 232.4 ГПК РФ, часть 2 статьи 229 АПК РФ).

42. Мотивированное решение может быть изготовлено только судьей, подписавшим резолютивную часть решения (статья 157 ГПК РФ, статья 10, часть 2 статьи 18 АПК РФ).

Поскольку в случае подачи апелляционных жалобы, представления по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, составление судом общей юрисдикции мотивированного решения является обязательным, апелляционная инстанция суда

общей юрисдикции в случае обжалования резолютивной части решения по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, и при отсутствии возможности у суда первой инстанции изготовить мотивированное решение (например, в случае прекращения полномочий судьи) отменяет такое решение и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства (часть третья статьи 335.1 ГПК РФ).

43. Решение, принятое путем вынесения (подписания) резолютивной части, мотивированное решение (в случае его составления) по делу, рассмотренному судом общей юрисдикции, арбитражным судом в порядке упрощенного производства, размещаются в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее следующего дня после их принятия или изготовления (часть четвертая статьи 1 ГПК РФ, часть 1 статьи 229 АПК РФ).

44. Определения по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства (например, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения, по вопросу о судебных расходах), выносятся путем подписания судьей резолютивной части. При этом мотивированное определение составляется по правилам статьи 232.4 ГПК РФ, статьи 229 АПК РФ (часть четвертая статьи 1 ГПК РФ, часть 5 статьи 3 АПК РФ).

45. Заявление по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в порядке упрощенного производства, поданное в период производства по делу, подлежит рассмотрению вместе с основным требованием вне зависимости от размера заявляемых судебных расходов, что отражается в решении, принятом путем вынесения (подписания) резолютивной части.

Если вопрос о судебных расходах не разрешен, но требование о взыскании судебных расходов заявлялось и в суд представлялись обосновывающие его доказательства, то суд вправе принять дополнительное решение в порядке, предусмотренном статьей 201 ГПК РФ, статьей 178 АПК РФ без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле.

Лица, участвующие в деле, вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением по вопросу о судебных расходах после принятия решения в порядке, предусмотренном статьей 112 АПК РФ. В силу части четвертой статьи 1 ГПК РФ данное правило подлежит применению также в судах общей юрисдикции. Такое заявление рассматривается с учетом особенностей, предусмотренных статьей 232.3 ГПК РФ, статьей 228 АПК РФ.

Дополнительное решение, определение, принятые по результатам рассмотрения данного заявления, обжалуются по правилам, предусмотренным частью восьмой статьи 232.4 ГПК РФ, частью 4 статьи 229 АПК РФ для обжалования решений судов по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства.

46. Решение суда общей юрисдикции по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, приводится в исполнение после вступления его в законную силу (статья 209, статья 210, часть первая статьи 232.1 ГПК РФ) или после его принятия в случаях

обращения судом решения к немедленному исполнению (статьи 211, 212 ГПК РФ).

Решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению (часть 3 статьи 229 АПК РФ). Арбитражный суд выдает исполнительный лист взыскателю по его ходатайству независимо от подачи в суд заявления о составлении мотивированного решения или подачи апелляционной жалобы.

Обжалование судебных актов, принятых в порядке упрощенного производства

47. Апелляционные жалобы, представления на судебные акты по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, рассматриваются судом апелляционной инстанции по правилам рассмотрения дела судом первой инстанции в упрощенном производстве с особенностями, предусмотренными статьей 335.1 ГПК РФ, статьей 272.1 АПК РФ.

В частности, такая апелляционная жалоба, представление рассматривается судьей единолично без проведения судебного заседания, без извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения судебного заседания, без осуществления протоколирования в письменной форме или с использованием средств аудиозаписи. В то же время правила частей первой и второй статьи 232.4 ГПК РФ, абзаца первого части 1, части 2 статьи 229 АПК РФ не применяются.

Судебное заседание проводится с ведением протокола в письменной форме и осуществлением протоколирования с использованием средств аудиозаписи в том случае, если с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов апелляционных жалобы, представления и возражений относительно них суд вызывает лиц, участвующих в деле, в судебное заседание (часть первая статьи 335.1 ГПК РФ, часть 1 статьи 272.1 АПК РФ).

Учитывая, что при рассмотрении дела арбитражным судом первой инстанции в порядке упрощенного производства участвующим в деле лицам обеспечивается возможность ознакомления с материалами дела в режиме ограниченного доступа, арбитражным судам апелляционной инстанции следует при рассмотрении апелляционной жалобы разместить жалобу, отзыв на нее и прилагаемые к ним документы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в том же режиме.

48. В силу статей 325 и 335.1 ГПК РФ суд общей юрисдикции, рассмотревший дело в первой инстанции, после получения апелляционных жалобы, представления на решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, направляет лицам, участвующим в деле, копии жалобы, представления и приложенные к ним документы и устанавливает разумный срок для представления такими лицами возражений в письменной форме относительно апелляционных жалобы, представления в суд первой инстанции.

Исходя из особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон,

при представлении в первую инстанцию суда общей юрисдикции указанных возражений лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление указанных возражений другим участвующим в деле лицам (часть четвертая статьи 1, статья 12, часть первая статьи 35, части вторая и третья статьи 232.3, статья 325 ГПК РФ).

Если в первую инстанцию суда общей юрисдикции наряду с возражениями не представлены документы, подтверждающие их направление другим участвующим в деле лицам, то такие возражения судом не принимаются, о чем выносится определение.

Суд первой инстанции направляет дело с апелляционной жалобой, представлением и поступившими возражениями относительно них в суд апелляционной инстанции по истечении срока обжалования и установленного судом срока на представление в суд возражений (часть третья статьи 325 ГПК РФ), о чем уведомляет участвующих в деле лиц.

Апелляционная инстанция суда общей юрисдикции рассматривает поступившее по апелляционным жалобе, представлению дело в срок, не превышающий двух месяцев со дня его поступления в суд апелляционной инстанции (часть первая статьи 327.2 ГПК РФ).

Лица, участвующие в деле, могут быть вызваны в судебное заседание суда апелляционной инстанции с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов апелляционных жалобы, представления и возражений относительно них (часть первая статьи 335.1 ГПК РФ).

49. Арбитражный суд апелляционной инстанции после принятия апелляционной жалобы на решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, устанавливает разумный срок для представления отзыва на апелляционную жалобу и принимает постановление по итогам рассмотрения данной жалобы только после истечения указанного срока, но не позднее двух месяцев со дня ее поступления вместе с делом в арбитражный суд апелляционной инстанции (статьи 261, 262, 267, 271 АПК РФ).

Лица, участвующие в деле, могут быть вызваны в судебное заседание суда апелляционной инстанции с учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов апелляционной жалобы и возражений относительно нее (часть 1 статьи 272.1 АПК РФ).

50. Судом общей юрисдикции при рассмотрении апелляционных жалобы, представления могут быть приняты дополнительные доказательства только в случае, если они поступили в суд первой инстанции при рассмотрении им дела и суд первой инстанции необоснованно отказал в принятии данных доказательств, в том числе по причине того, что сроки их представления пропущены по неважным причинам, либо вопрос об их принятии не был рассмотрен судом (статья 335.1 ГПК РФ).

Арбитражным судом при рассмотрении апелляционной жалобы могут быть приняты дополнительные доказательства только в случае, если суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, по основаниям,

предусмотренным пунктами 1, 3 - 5 части 4 статьи 270 АПК РФ (часть 2 статьи 272.1 АПК РФ).

51. Если в процессе рассмотрения апелляционных жалобы, представления судом установлены основания для отмены решения суда первой инстанции, предусмотренные пунктами 1, 3 - 5 части четвертой статьи 330 ГПК РФ, пунктами 1, 3 - 5 части 4 статьи 270 АПК РФ, то суд общей юрисдикции отменяет решение и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства с учетом особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, закрепленных в главе 21.1 ГПК РФ (часть третья статьи 335.1 ГПК РФ), а арбитражный суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, с учетом закрепленных в главе 29 АПК РФ особенностей рассмотрения дел в порядке упрощенного производства (часть 6.1 статьи 268 АПК РФ).

Если в процессе рассмотрения апелляционных жалобы, представления судом общей юрисдикции, арбитражным судом признаны обоснованными приведенные в апелляционных жалобе, представлении доводы о том, что дело, рассмотренное в порядке упрощенного производства, подлежало рассмотрению по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, то суд общей юрисдикции отменяет решение и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства (часть третья статьи 335.1 ГПК РФ), а арбитражный суд апелляционной инстанции рассматривает дело по общим правилам искового производства и производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции (часть 6.1 статьи 268 АПК РФ).

52. Если при рассмотрении апелляционной жалобы на решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, арбитражный суд осуществил переход к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в суде первой инстанции (часть 6.1 статьи 268 АПК РФ), производство по делу осуществляется по правилам раздела II АПК РФ. Такое дело рассматривается судьей единолично на основании части 1 статьи 272.1 АПК РФ.

Арбитражный суд апелляционной инстанции указывает на рассмотрение дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в соответствующем определении.

Представленные в суд дополнительные доказательства размещаются арбитражным судом апелляционной инстанции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в режиме ограниченного доступа.

53. Исходя из смысла упрощенного производства определения суда первой инстанции, которые могут

выступать предметом самостоятельного обжалования, подлежат пересмотру по правилам, установленным ГПК РФ, АПК РФ для обжалования решений судов по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства (часть первая статьи 331, часть восьмая статьи 232.4 ГПК РФ, часть 1 статьи 188, часть 4 статьи 229 АПК РФ). К таким определениям относятся, например, определение об оставлении искового заявления (заявления) без рассмотрения, определение о прекращении производства по делу.

54. Судом общей юрисдикции кассационные жалобы, представления на постановления по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, рассматриваются в судебном заседании, без вызова лиц, участвующих в деле, и без ведения протокола (статья 386.1 ГПК РФ).

С учетом характера и сложности разрешаемого вопроса, а также доводов кассационных жалобы, представления и возражений относительно них суд на основании части пятой статьи 386.1 ГПК РФ может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание, при проведении которого ведется протокол.

55. Арбитражным судом кассационные жалобы на судебные акты по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, рассматриваются без проведения судебного заседания, без вызова лиц, участвующих в деле, и без осуществления протоколирования (часть 2 статьи 284, часть 2 статьи 288.2 АПК РФ).

С учетом характера и сложности разрешаемого вопроса, а также доводов кассационной жалобы и возражений относительно нее арбитражный суд на основании части 2 статьи 288.2 АПК РФ может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание.

Учитывая, что при рассмотрении дела арбитражным судом первой инстанции в порядке упрощенного производства участвующим в деле лицам обеспечивается возможность ознакомления с материалами дела в режиме ограниченного доступа, арбитражным судам кассационной инстанции следует при рассмотрении кассационной жалобы разместить жалобу, отзыв на нее и прилагаемые к ним документы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в том же режиме.

56. С учетом положений части 4 статьи 229 АПК РФ решения по делам о привлечении к административной ответственности, об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности, если размер административного штрафа за административное правонарушение, совершенное индивидуальным предпринимателем, составляет от пяти тысяч до ста тысяч рублей, и если такие решения являлись предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции или если арбитражный суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы, а также постановление арбитражного суда апелляционной инстанции, принятое по данному делу, могут быть обжалованы в арбитражный суд кассационной инстанции только по основаниям, предусмотренным частью 4 статьи 288 АПК РФ.

При этом положения части 4.1 статьи 206, части 5.1 статьи 211 АПК РФ не применяются.

57. Вступившие в законную силу судебные акты арбитражных судов по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, которые не были предметом рассмотрения в арбитражном суде кассационной инстанции в силу отсутствия оснований, предусмотренных частью 4 статьи 288 АПК РФ, могут быть обжалованы в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в порядке, предусмотренном частью 1 статьи 291.1 АПК РФ.

Заключительные положения

58. В связи с принятием настоящего постановления признать не подлежащим применению постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 года № 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства».

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Верховным Судом РФ актуализированы разъяснения по применению норм уголовного закона об ответственности за контрабанду (статьи 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ).

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 27 апреля 2017 г. № 12

О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О КОНТРАБАНДЕ

В целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного закона об ответственности за контрабанду (статьи 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), а также в связи с вопросами, возникшими у судов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения:

1. При рассмотрении уголовных дел о контрабанде судам необходимо учитывать, что правовое регулирование таможенных отношений в Российской Федерации осуществляется в соответствии с международными договорами и законодательством Российской Федерации о таможенном деле.

К числу международных договоров, в частности, относится Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее - Договор и Союз соответственно), а также иные международные договоры, заключенные Российской Федерацией с государствами - членами Союза, другими государствами (например, Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года).

Обратить внимание судов на то, что в соответствии с пунктом 1 статьи 101 Договора до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года (далее - ТК ТС) и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза (например, Соглашение о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза от 24 октября 2013 года).

С учетом положений пункта 2 статьи 101 Договора под используемыми в статьях 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза»), «Государственная граница Российской Федерации с государствами - членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует понимать соответственно «таможенная граница Евразийского экономического союза» (далее - таможенная граница), «Государственная граница Российской Федерации с государствами - членами Евразийского экономического союза» (далее - государственная граница).

2. Судам следует принимать во внимание, что порядок перемещения через таможенную границу или государственную границу товаров и иных предметов, а также связанные с таким перемещением запреты и (или) ограничения наряду с законодательством Российской Федерации (о таможенном деле, о государственной границе Российской Федерации, о валютном регулировании и валютном контроле, об экспортном контроле и другим) устанавливаются правом Союза (статьи 6 и 32 Договора).

К праву Союза в том числе относятся решения и распоряжения постоянно действующего регулирующего органа Союза - Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках ее полномочий (например, решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 года N 30 «О мерах нетарифного регулирования»).

При рассмотрении дел о контрабанде культурных ценностей судам надлежит учитывать, что перечень культурных ценностей, в отношении которых установлен разрешительный порядок вывоза с таможенной территории Союза, правила их вывоза из Российской Федерации в другие государства, не являющиеся государствами - членами Союза, определяются решениями Коллегии Евразийской экономической комиссии.

3. При решении вопроса о наличии в действиях лица признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ, судам необходимо устанавливать принадлежность незаконно перемещенных товаров или иных предметов к перечисленным в этих статьях предметам контрабанды.

Если при установлении принадлежности незаконно перемещенных товаров или иных предметов к предметам контрабанды требуются специальные познания, то суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов.

4. При определении размера стоимости незаконно перемещенных через таможенную границу либо государственную границу предметов контрабанды судам следует исходить из государственных регулируемых цен, если таковые установлены; в остальных случаях размер указанной стоимости определяется на основании рыночной стоимости товаров, за исключением перемещенных физическим лицом через таможенную границу товаров для личного пользования, в отношении которых используется таможенная стоимость, определяемая в соответствии с главой 49 ТК ТС. При этом необходимо принимать во внимание правовые нормы, позволяющие не учитывать ту часть стоимости незаконно перемещенных товаров, которая разрешена к перемещению без декларирования и (или) была задекларирована (например, примечание 3 к статье 200.1, примечание 2 к статье 200.2 УК РФ).

При отсутствии сведений о цене товара его стоимость определяется на основании заключения эксперта или специалиста.

5. Перемещение через таможенную границу или государственную границу товаров и иных предметов заключается в совершении действий по ввозу соответственно на таможенную территорию Союза или территорию Российской Федерации или вывозу с этих

территорий товаров или иных предметов любым способом.

Под незаконным перемещением товаров или иных предметов через таможенную границу следует понимать перемещение товаров или иных предметов вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

При установлении факта незаконного перемещения товаров или иных предметов через государственную границу судам необходимо учитывать, что правовое регулирование ввоза или вывоза товаров и иных предметов с территории одного государства - члена Союза на территорию другого государства - члена Союза имеет свои особенности.

В частности, несмотря на то, что в Союзе обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, пункт 3 статьи 29 Договора допускает возможность ограничения оборота отдельных категорий товаров по основаниям, указанным в пункте 1 данной статьи Договора. При этом порядок перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза определяется в соответствии с Договором, а также международными договорами в рамках этого Союза.

Кроме того, на территории Российской Федерации, исходя из положений пункта 2 статьи 129 Гражданского кодекса Российской Федерации, законом или в установленном законом порядке могут вводиться меры правового регулирования, ограничивающие свободный оборот отдельных веществ или предметов, в частности, представляющих угрозу общественной безопасности.

6. Незаконное перемещение товаров или иных предметов через таможенную границу при контрабанде может совершаться посредством сокрытия от таможенного контроля товаров или иных предметов, то есть путем совершения любых действий, направленных на то, чтобы затруднить обнаружение таких товаров (предметов) либо утаить их подлинные свойства или количество, в том числе придание одним товарам (предметам) вида других, использование тайников, специально изготовленных или приспособленных для контрабанды в предметах багажа, одежды или оборудованных на транспортных средствах, используемых для перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу.

7. Недекларирование как возможный способ совершения контрабанды заключается в невыполнении лицом требований права Союза и законодательства Российской Федерации о таможенном деле по декларированию товаров, то есть таможенному органу не заявляется весь товар либо его часть (не заявляется часть однородного товара, либо при декларировании товарной партии, состоящей из нескольких товаров, в таможенной декларации сообщаются сведения толь-

ко об одном товаре, либо таможенному органу представляется товар, отличный от того, сведения о котором были заявлены в таможенной декларации).

Если декларантом либо таможенным представителем в таможенной декларации заявлены не соответствующие действительности (недостовверные) сведения о качественных характеристиках товара, необходимые для таможенных целей (например, сведения о наименовании, описании, классификационном коде по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Союза, о стране происхождения, о таможенной стоимости), то указанные действия следует рассматривать как недостоверное декларирование товаров.

При этом следует учитывать, что сведениями, необходимыми для таможенных целей, являются сведения, представляемые таможенным органам для принятия решения о выпуске товаров, помещения их под избранную таможенную процедуру, исчисления и взимания таможенных платежей, либо сведения, влияющие на применение к товарам запретов или ограничений.

8. Судам следует иметь в виду, что при контрабанде, совершенной путем использования документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, таможенному органу в качестве оснований или условий для перемещения (помещения под таможенную процедуру) товаров или иных предметов, указанных в статьях 200.1, 200.2, 226.1, 229.2 УК РФ, могут представляться документы, содержащие недостоверные сведения, в частности, о наименовании, описании, классификационном коде по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, о стране происхождения, отправлении, о таможенной стоимости, об описании упаковки (количество, вид, маркировка и порядковые номера).

Использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации при контрабанде является использование поддельных таможенных пломб, печатей, иных средств идентификации или подлинных средств идентификации, относящихся к другим товарам.

Незаконное перемещение товаров или иных предметов, совершенное с использованием изготовленного другим лицом поддельных официального документа, печати, полностью охватывается составом контрабанды и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ.

Если лицо использует подделанный им же официальный документ или печать, содеянное квалифицируется как совокупность преступлений, предусмотренных статьей 327 УК РФ и статьями 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ.

9. Контрабанда, совершенная при ввозе на таможенную территорию Союза или вывозе с этой территории товаров или иных предметов вне установленных мест (пунктов пропуска через таможенную границу) или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, является оконченным преступлением с момента фактического пересечения товарами или иными предметами таможенной границы.

В тех случаях когда при контрабанде применяются иные способы незаконного перемещения товаров или иных предметов, например, недостоверное декларирование или использование документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, контрабанда признается оконченной с момента представления таможенному органу таможенной декларации либо иного документа, допускающего ввоз на таможенную территорию Союза или вывоз с этой территории товаров или иных предметов, в целях их незаконного перемещения через таможенную границу.

10. По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 226.1 и 229.1 УК РФ, в тех случаях, когда незаконное перемещение предмета контрабанды осуществлено не только через таможенную границу, но и через государственную границу, содеянное следует рассматривать как одно преступление при наличии единого умысла лица на совершение перечисленных действий. Если у лица, совершившего контрабанду предметов, указанных в статьях 226.1 и 229.1 УК РФ, через таможенную границу, в дальнейшем возник умысел на перемещение этих же предметов через государственную границу, содеянное образует совокупность преступлений.

11. Обратить внимание судов, что в соответствии с примечанием 4 к статье 200.1 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если им добровольно были сданы денежные средства и (или) денежные инструменты и если в его действиях не содержится иного состава преступления. По смыслу закона, добровольная сдача означает выдачу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов представителям правоохранительных органов по своей воле, несмотря на реальную возможность распорядиться ими.

Если лицо наряду с контрабандой наличных денежных средств и (или) денежных инструментов обвиняется в совершении иных преступлений, оно освобождается от ответственности по статье 200.1 УК РФ независимо от привлечения его к ответственности за совершение иных преступлений.

12. Если лицо наряду с незаконным перемещением через таможенную границу либо через государственную границу предметов, перечисленных в статьях 226.1 и 229.1 УК РФ, совершает умышленное противоправное деяние, связанное с незаконным оборотом этих предметов, в том числе их перевозку, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 226.1 и (или) 229.1 УК РФ и соответствующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (в частности, статьями 218, 220, 222, 222.1, 228, 228.1, 228.2, 228.3, 228.4, 234, 355 УК РФ).

13. В случае признания контрабанды совершенной организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении этого преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по части третьей статьи 200.2, части третьей статьи 226.1, пункту «а» части четвертой статьи 229.1 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ (например, одни участники организованной группы приобретали товар или иные предметы, дру-

гие - незаконно их перемещали через таможенную границу, третьи - руководили указанными действиями).

14. Если лицо, владеющее товарами или иными предметами, осуществило их незаконное перемещение через таможенную границу либо государственную границу, используя в этих целях другое лицо, которое при этом не осознавало незаконности такого перемещения, оно подлежит ответственности по статье 200.1, 200.2, 226.1 и (или) 229.1 УК РФ как исполнитель данных преступлений. В этих случаях действия лица, не осознававшего факта совершения им контрабанды, не являются уголовно наказуемыми.

15. Получатель международного почтового отправления, содержащего предметы контрабанды, если он, в частности, приискал, осуществил заказ, оплатил, предоставил свои персональные данные, адрес, предусмотрел способы получения и (или) сокрытия заказанного товара, подлежит ответственности как исполнитель контрабанды.

16. При решении вопроса о территориальной подследности уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ, судам следует исходить из положений статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) и при этом учитывать пункт 1 статьи 5 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств - членов Таможенного союза, согласно положениям которого уголовное дело возбуждается и расследуется по месту совершения преступления, а в случае невозможности определения места совершения преступления - по месту обнаружения преступления.

В частности, если предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию под видом товара посредством регистрируемого международного почтового отправления (заказным письмом, бандеролью, мелким пакетом), местом совершения такого преступления является место, по которому с таким товаром совершаются операции, связанные с его выпуском (место международного почтового обмена).

Если указанный предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию простым (нерегистрируемым) международным почтовым отправлением и установить точное место перемещения через таможенную границу либо государственную границу такого почтового отправления невозможно, то местом совершения преступления следует считать: почтовый адрес получателя - в случае, когда почтовое отправление получено адресатом; адрес почтовой организации - в случае, когда почтовое отправление вручено получателю в почтовой организации или изъято в ней сотрудниками правоохранительных органов.

17. Обратить внимание судов на необходимость применения положений главы 15.1 УК РФ о конфискации предметов незаконного перемещения через таможенную границу либо государственную границу, ответственность за которое установлена статьями 200.1, 200.2, 226.1 и (или) 229.1 УК РФ, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Если владельцем предметов контрабанды является лицо, признанное виновным в их незаконном перемещении, то такие предметы контрабанды подлежат конфискации.

18. В соответствии с частью третьей статьи 81 УПК РФ при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела суд должен разрешить вопрос о признанных вещественными доказательствами предметах контрабанды и транспортных средствах, использовавшихся для незаконного перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу либо государственную границу.

Если принадлежащее виновному транспортное средство было оборудовано специальными хранилищами для сокрытия товаров или иных предметов при перемещении их через таможенную границу или государственную границу (тайниками, изготовленными в целях сокрытия товаров, а также оборудованными и приспособленными на транспортных средствах в этих же целях конструктивными емкостями и предметами, предварительно подвергшимися разборке и монтажу), то оно рассматривается в качестве орудия преступления и подлежит конфискации в соответствии с пунктом 1 части третьей статьи 81 УПК РФ.

При прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям лицу должны быть разъяснены юридические последствия такого прекращения, в том числе о возможности конфискации принадлежащего ему имущества, признанного вещественным доказательством.

В случае неустановления законных владельцев предметы контрабанды должны быть обращены по решению суда в собственность государства в установленном законом порядке.

Споры о принадлежности предметов контрабанды, признанных вещественными доказательствами, разрешаются в порядке гражданского судопроизводства.

Предметы контрабанды, запрещенные к обращению (наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, оружие и т.п.), согласно пункту 2 части третьей статьи 81 УПК РФ подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются.

19. Признать не действующим на территории Российской Федерации постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 года N 2 «О судебной практике по делам о контрабанде».

Признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2010 года N 23 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года N 6 «О судебной практике по делам о контрабанде».

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Свидетельство о рождении исключено из перечня документов, необходимых для предоставления государственной услуги по замене паспорта гражданина Российской Федерации.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

РЕШЕНИЕ

от 20 марта 2017 г. N АКПИ17-78

Верховный Суд Российской Федерации в составе: судьи Верховного Суда Российской Федерации Иваненко Ю.Г.,

при секретаре С.,

с участием прокурора Коробкова Е.И.,

рассмотрев в открытом судебном заседании административное дело по административному исковому заявлению К.Д. о признании недействующим пункта 24 Административного регламента Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по выдаче и замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, утвержденного приказом Федеральной миграционной службы от 30 ноября 2012 г. N 391,

установил:

приказом Федеральной миграционной службы от 30 ноября 2012 г. N 391 утвержден Административный регламент Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по выдаче и замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации (далее - Административный регламент). Нормативный правовой акт зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 27 мая 2013 г., регистрационный номер 28532, опубликован в «Российской газете» 7 июня 2013 г., N 122.

Пунктом 24 (Свидетельство о рождении) Административного регламента предусмотрено, что в случае отсутствия у гражданина свидетельства о рождении ему рекомендуется обратиться в орган ЗАГС на территории Российской Федерации по месту регистрации рождения или по месту жительства для получения повторного свидетельства о рождении.

При невозможности представления свидетельства о рождении (повторного свидетельства о рождении) в случае регистрации рождения компетентными органами иностранного государства, а также при подтверждении органом ЗАГС на территории Российской Федерации невозможности выдачи свидетельства о рождении (повторного свидетельства о рождении), паспорт может быть выдан на основании других документов, подтверждающих сведения, необходимые для его получения.

Данный пункт имеет ссылку на абзац пятый пункта 11 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. N 828.

К.Д. обратилась в Верховный Суд Российской Федерации с административным исковым заявлением о признании недействующим пункта 24 Административного регламента, ссылаясь на его противоречие пункту 13 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, подпункту 7.4 Положения о Федеральной миграционной службе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2012 г. N 711. Требование мотивировано тем, что свидетельство о рождении не указано Правительством Российской Федерации в качестве обязательного документа, который должен представляться гражданами для замены паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации. Непредставление такого документа послужило основанием для отказа К.Д. в предоставлении государственной услуги по замене паспорта в связи с изменением фамилии в результате заключения брака, поэтому она считает, что оспариваемое нормативное положение нарушает ее право на замену паспорта.

Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. N 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» упразднена Федеральная миграционная служба, ее функции и полномочия переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации (пункты 1, 2).

В письменных возражениях на административное исковое заявление Министерство внутренних дел Российской Федерации указало, что Административный регламент издан уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в пределах предоставленных ему полномочий, оспариваемое нормативное положение соответствует действующему законодательству и не нарушает прав и охраняемых законом интересов административного истца.

Министерство юстиции Российской Федерации в письменных объяснениях полагало, что пункт 24 Административного регламента противоречит Положению о паспорте гражданина Российской Федерации в части установления дополнительной обязанности по представлению свидетельства о рождении для замены паспорта в связи с изменением фамилии, поэтому требование административного истца подлежит удовлетворению.

В судебном заседании представитель административного истца Б. уточнил требование административного иска и просил признать не действующим пункт 24 Административного регламента в той части, в которой данная норма относит свидетельство о рождении к документам, необходимым для предоставления государственной услуги по замене паспорта.

Представители Министерства внутренних дел Российской Федерации И. и Л. не признали административный иск.

Представитель Министерства юстиции Российской Федерации К.Н. считала, что административный иск подлежит удовлетворению.

Выслушав объяснения представителя административного истца Б., возражения представителей Мини-

стерства внутренних дел Российской Федерации И., Л., объяснения представителя Министерства юстиции Российской Федерации К.Н., проверив оспариваемое нормативное положение на соответствие нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, заслушав заключение прокурора Генеральной прокуратуры Российской Федерации Коробкова Е.И., полагавшего, что заявленное требование подлежит удовлетворению, Верховный Суд Российской Федерации находит административное исковое заявление подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Основным документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, является паспорт гражданина Российской Федерации. Паспорт обязаны иметь все граждане Российской Федерации, достигшие 14-летнего возраста и проживающие на территории Российской Федерации (пункт 1 Указа Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 г. N 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации», пункт 1 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации).

На день издания оспариваемого в части нормативного правового акта федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять выдачу и замену паспортов и определять подобный порядок, являлась Федеральная миграционная служба (пункт 10 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, подпункт 7.13.11 Положения о Федеральной миграционной службе).

Административный регламент (пункт 1) определяет сроки и последовательность административных процедур (действий) Федеральной миграционной службы (ФМС России), ее территориальных органов и их структурных подразделений, а также порядок взаимодействия ФМС России, территориальных органов и их подразделений с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления при выдаче и замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 13 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации для замены паспорта гражданин представляет заявление по форме, установленной Министерством внутренних дел Российской Федерации; паспорт, подлежащий замене; две личные фотографии размером 35 x 45 мм; документы, подтверждающие указанные в пункте 12 Положения основания для замены паспорта.

В пунктах 23 - 30.3 Административного регламента, как следует из объединяющего их заголовка, приведен исчерпывающий перечень документов, необходимых в соответствии с нормативными правовыми актами для предоставления государственной услуги. В частности, в числе этих документов пункт 24 предусматривает свидетельство о рождении.

Содержание оспариваемого пункта непосредственно не указывает, в целях получения какой из двух го-

сударственных услуг (выдача или замена паспорта) необходимо представлять свидетельство о рождении.

Согласно пункту 23 Административного регламента заявление о выдаче (замене) паспорта по форме N 1П (приложение N 1 к Административному регламенту), заполненное от руки или машинописным способом гражданином, лично обратившимся за получением паспорта.

Пунктом 30 Административного регламента закреплено, что при обращении по вопросу замены паспорта во всех случаях, установленных пунктом 2.2 Административного регламента, гражданин дополнительно к документам, предусмотренным пунктами 23 - 27 Административного регламента, представляет паспорт, подлежащий замене, и документы, подтверждающие наличие соответствующих обстоятельств, являющихся основанием для замены паспорта.

Из приведенного содержания таких норм следует, что пункт 23 Административного регламента не разделяет административные процедуры по выдаче и замене паспорта, несмотря на различие соответствующих государственных услуг, а пункт 30 применительно к государственной услуге по замене паспорта не исключает обязанности гражданина представлять документ, в том числе предусмотренный пунктом 24.

Таким образом, в системе действующего правового регулирования пункт 24 позволяет органу, предоставляющему государственную услугу, относить свидетельство о рождении к документам, необходимым для предоставления государственной услуги по замене паспорта гражданина Российской Федерации, что противоречит пункту 13 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, имеющему большую юридическую силу.

Именно в таком расширительном толковании оспариваемый пункт был применен к административному истцу. Как усматривается из материалов дела, непредставление указанного документа послужило основанием для отказа К.Д., фамилия которой была изменена в связи с государственной регистрацией заключения брака, в предоставлении государственной услуги по замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации.

Письменные возражения Министерства внутренних дел Российской Федерации о том, что свидетельство о рождении необходимо представлять для государственной услуги в целом (при выдаче паспорта либо его замене) не только не учитывают различие названных услуг и правовых оснований для их предоставления, но и не соответствуют предписаниям пунктов 11, 13 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, в силу которых свидетельство о рождении предусмотрено только в числе документов, необходимых для получения (выдачи) паспорта.

При изложенных обстоятельствах в силу пункта 1 части 2 статьи 215 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации пункт 24 Административного регламента подлежит признанию не действующим со дня вступления решения суда в законную силу в той мере, в какой данный пункт в системе действующего правового регулирования позволяет

относить свидетельство о рождении к документам, необходимым для предоставления государственной услуги по замене паспорта гражданина Российской Федерации.

Согласно части 1 статьи 111 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы.

При подаче административного искового заявления К.Д. в лице ее уполномоченного представителя Б. уплачена государственная пошлина в размере 300 (трехсот) рублей согласно платежному поручению от 24 января 2017 г. N 664.

Данные судебные расходы подлежат взысканию с административного ответчика Министерства внутренних дел Российской Федерации в пользу административного истца.

Руководствуясь статьями 111, 175 - 180, 215 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации

решил:

административное исковое заявление К.Д. удовлетворить.

Признать не действующим со дня вступления решения суда в законную силу пункт 24 Административного регламента Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по выдаче и замене паспорта гражданина Российской Федерации, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, утвержденного приказом Федеральной миграционной службы от 30 ноября 2012 г. N 391, в той мере, в какой данная норма в системе действующего правового регулирования позволяет относить свидетельство о рождении к документам, необходимым для предоставления государственной услуги по замене паспорта гражданина Российской Федерации.

Сообщение о решении суда подлежит опубликованию в течение одного месяца со дня вступления решения суда в законную силу в официальном печатном издании, в котором был опубликован оспоренный в части нормативный правовой акт.

Взыскать с Министерства внутренних дел Российской Федерации в пользу К.Д. расходы на уплату государственной пошлины в размере 300 (трехсот) рублей.

Решение может быть обжаловано в Апелляционную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в течение месяца со дня его принятия в окончательной форме.

Судья Верховного Суда
Российской Федерации
Ю.Г. ИВАНЕНКО

Заявление продавца о запрете записи в ЕГРП без его участия суд посчитал уклонением от регистрации.

АС Московского округа согласился с нижестоящими судами: управление Росреестра должно зарегистрировать право собственности покупателя на переданную ему недвижимость.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД МОСКОВСКОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 3 апреля 2017 г. по делу N А40-162206/2016,
А40-187986/2016

Резолютивная часть постановления объявлена 29 марта 2017 года

Полный текст постановления изготовлен 03 апреля 2017 года

Арбитражный суд Московского округа
в составе:

председательствующего-судьи Нечаева С.В.,
судей Денисовой Н.Д., Дунаевой Н.Ю.

при участии в заседании:

от истца: Сафонова Н.В., дов. от 20.05.2016

от ответчика: Сотников М.И., дов. от 20.02.2012

рассмотрев в судебном заседании кассационную жалобу

общества с ограниченной ответственностью «Бриз»
на решение от 20 октября 2016 года

Арбитражного суда города Москвы,

принятое судьей Михайловой Е.В.,

и постановление от 20 декабря 2016 года

Девятого арбитражного апелляционного суда,

принятое судьями Панкратовой Н.И., Лящевским
И.С., Барановской Е.Н.,

по делу по иску Компании с ограниченной ответственностью «Базис ЛР» (Израиль)

к обществу с ограниченной ответственностью «Бриз» (Москва, ОГРН 1087746331540), Управлению Росреестра по городу Москве

о государственной регистрации права собственности по встречному иску о признании сделки недействительной

установил:

Компания с ограниченной ответственностью Базис ЛР (истец) обратилась в Арбитражный суд города Москвы с иском к обществу с ограниченной ответственностью «Бриз» (ответчик) о государственной регистрации перехода права собственности по договору купли-продажи от 03 апреля 2015 года нежилых помещений общей площадью 130,1 кв. м, кадастровый (условный) номер 189625, расположенных по адресу: 103064, Москва, ул. Казакова, Д. 8-8А, стр. 2, состоящих из: этаж 1, помещение N 5, тип: учрежденческие: комната N 1: зал заседаний, площадью 72,9 кв. м; комната N 2: кабинет, площадью 12,7 кв. м; комната N 3: прихожая, площадью 6,4 кв. м; комната N 4: кухня, площадью 18 кв. м; комната N 5: коридор, площадью 1,8 кв. м; комната N 6: коридор, площадью 1,7 кв. м; комната N 7: уборная, площадью 6,3 кв. м; комната N 8: уборная, площадью 1,6 кв. м; этаж 2, помещение N 3, тип: учрежденческие: комната N 5: кабинет, площадью 8,7 кв. м (с учетом уточнения исковых требований)

в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно спора, привлечено Управление Росреестра по городу Москве.

Общество с ограниченной ответственностью «Бриз» обратилась в Арбитражный суд города Москвы с иском к Компании с ограниченной ответственностью «Базис ЛР» о признании недействительной сделки - договора купли-продажи нежилых помещений от 03 апреля 2015 года (делу присвоен номер N А40-187986/2016).

Определением Арбитражного суда города Москвы от 19 сентября 2016 года по делу N А40-162206/16 объединены в одно производство дела N А40-162206/2016 и N А40-187986/2016 с присвоением делу номер А40-162206/2016.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 20 октября 2016 года искивые требования Компании с ограниченной ответственностью Базис ЛР удовлетворены; в удовлетворении искивых требований общества с ограниченной ответственностью «Бриз» отказано.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 декабря 2016 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Не согласившись с указанными судебными актами, ответчик подал кассационную жалобу, в которой просит решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменить, как принятые с нарушением норм процессуального права, при несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела, направить дело на новое рассмотрение.

В заседании суда кассационной инстанции представитель ответчика поддержал доводы кассационной жалобы.

Представитель истца возражал против удовлетворения кассационной жалобы по основаниям, изложенным в отзыве на жалобу, просил оставить в силе обжалуемые судебные акты.

Третье лицо, надлежаще извещенное о времени и месте рассмотрения кассационной жалобы, своих представителей в суд кассационной инстанции не направило, что согласно ч. 3 ст. 284 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не является препятствием для рассмотрения дела в его отсутствие.

Обсудив доводы кассационной жалобы, заслушав представителей сторон, проверив в порядке статей 284, 286, 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации правильность применения судами норм материального права и соблюдение норм процессуального права при вынесении обжалуемых судебных актов, а также соответствие выводов судов в решении и постановлении установленным по делу фактическим обстоятельствам и имеющимся в деле доказательствам, суд кассационной инстанции не находит оснований для удовлетворения кассационной жалобы в связи со следующим.

Как установлено судом и следует из материалов дела, 03 апреля 2015 года между Компанией с ограниченной ответственностью Базис ЛР и ООО «Бриз» был

заключен договор купли-продажи нежилых помещений в отношении нежилых помещений общей площадью 130,1 кв. м, кадастровый (условный) номер 189625, расположенных по адресу: 103064, г. Москва, ул. Казакова, Д. 8-8А, стр. 2, состоящие из: этаж 1, помещение N 5, тип: учрежденческие: комната N 1: зал заседаний, площадью 72,9 кв. м; комната N 2: кабинет, площадью 12,7 кв. м; комната N 3: прихожая, площадью 6,4 кв. м; комната N 4: кухня, площадью 18 кв. м; комната N 5: коридор, площадью 1,8 кв. м; комната N 6: коридор, площадью 1,7 кв. м; комната N 7: уборная, площадью 6,3 кв. м; комната N 8: уборная, площадью 1,6 кв. м; этаж 2, помещение N 3, тип: учрежденческие: комната N 5: кабинет, площадью 8,7 кв. м.

Данный договор купли-продажи был заключен с одобрения единственного на момент совершения сделки учредителя продавца - ООО «Бриз», что подтверждается решением N 7 от 01 апреля 2015 года единственного учредителя ООО «Бриз» Ивахова В.М.

От имени ООО «Бриз» договор купли-продажи заключил также Ивахов В.М., занимавший должность генерального директора ООО «Бриз».

03 апреля 2015 года был подписан передаточный акт и нежилые помещения были переданы Компании с ограниченной ответственностью Базис ЛР.

В пункте 3 договора купли-продажи стороны оценили указанные помещения на момент подписания договора в 1 200 000 руб.

В соответствии с пунктом 4 договора была произведена оплата в полном объеме, что подтверждается квитанцией к приходному кассовому ордеру N 1 от 03 апреля 2015 года.

30.03.2016 Компания с ограниченной ответственностью Базис ЛР и ООО «Бриз» обратились в Управление Росреестра по г. Москве для государственной регистрации права собственности в отношении вышеуказанного спорного объекта.

Сообщением исх. N 77/011/002/2016-239 от 07.07.2016 Управлением отказано в государственной регистрации права собственности (перехода права) в отношении объекта недвижимого имущества, расположенного по адресу: г. Москва, ул. Казакова, Д. 8-8А, стр. 2.

На основании заявления генерального директора ООО «Бриз» Ивахова В.М. в ЕГРП внесена запись о невозможности государственной регистрации перехода, ограничения (обременения), прекращения права на объект недвижимости без личного участия правообладателя, а именно: ООО «Бриз» в лице генерального директора, в отношении объекта недвижимого имущества, расположенного по адресу: г. Москва, ул. Казакова, д. 8-8А, стр. 2, плщ. 130, 1 кв. м (нежилое помещение кад. N 77:01:0003007:3411).

Ссылаясь на указанные обстоятельства, как свидетельствующие об уклонении ответчика от государственной регистрации перехода права собственности, истец обратился в арбитражный суд с первоначальным иском.

Согласно выписке из ЕГРЮЛ от 30.03.2016 единственным учредителем ООО «БРИЗ» является Ивахов В.М.

Из выписки ЕГРЮЛ от 07.06.2016 в отношении ООО «Бриз» следует, что 06 мая 2016 года были внесе-

ны сведения об изменении состава участников, согласно которым учредителями юридического лица, помимо Ивахова В.М., являются Ишора И.Д., Миронов Д.Г., Хомутов С.Н.

Таким образом, до 06 мая 2016 года на момент совершения сделки и подписания договора купли-продажи от 03 апреля 2015 года единственным участником ООО «БРИЗ» являлся Ивахов В.М., который принял решение о продаже нежилого помещения, расположенного по адресу: г. Москва, ул. Казакова, Д. 8-8А, стр. 2.

Таким образом, представленное уполномоченной единственным учредителем ООО «БРИЗ» Сафоновой Н.В. (действующей по доверенности от 03.04.2015) решение N 7 от 01.04.2015 соответствует требованиям, предъявляемым к документам, необходимым для регистрации перехода права собственности.

Пунктами 1, 3 статьи 551 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит государственной регистрации. В случае, когда одна из сторон уклоняется от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость, суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации перехода права собственности.

Согласно абз. 3 п. 60 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ N 10/22, после передачи владения недвижимым имуществом покупателю, но до государственной регистрации права собственности покупатель является законным владельцем этого имущества и имеет право на защиту своего владения на основании статьи 305 ГК РФ.

В соответствии с п. 61 вышеуказанного Постановления Пленума, если одна из сторон договора купли-продажи недвижимого имущества уклоняется от совершения действий по государственной регистрации перехода права собственности на это имущество, другая сторона вправе обратиться к этой стороне с иском о государственной регистрации перехода права собственности (пункт 3 статьи 551 ГК РФ).

Иск покупателя о государственной регистрации перехода права подлежит удовлетворению при условии исполнения обязательства продавца по передаче имущества.

Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 556 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае, если иное не предусмотрено законом или договором, обязательство продавца передать недвижимость покупателю считается исполненным после вручения этого имущества покупателю и подписания сторонами соответствующего документа о передаче.

Поскольку что материалами дела подтверждается фактическая передача имущества истцу, суд пришел к правомерному выводу о том, что заявление генерального директора ответчика ООО «Бриз» Ивахова В.М. невозможности государственной регистрации перехода, ограничения (обременения), прекращения права на объект недвижимости без личного участия правообладателя, а именно: ООО «Бриз» в лице генерального директора, направлено на уклонение от государственной регистрации перехода права собственности.

При таких обстоятельствах суд обоснованно удовлетворил исковые требования Компания с ограниченной ответственностью Базис ЛР.

В обоснование своих исковых требований ООО «Бриз» ссылается на притворность сделки на основании пункта 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку кадастровая стоимость объекта согласно кадастровому паспорту помещения составляет 8 441 759 руб. 67 коп., что значительно превышает сумму в 1 200 000 руб., установленную договором, в связи с чем ответчик полагает, что стоимость объекта по договору была установлена сторонами существенно ниже рыночной, спорная сделка по сути являлась договором дарения.

В соответствии с пунктом 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила.

По смыслу указанной нормы права, ООО «Бриз», обращаясь в арбитражный суд с настоящими исковыми требованиями, должно доказать, что при заключении договора воля обеих сторон сделки была направлена не на достижение соответствующих ей правовых результатов, а на создание иных правовых последствий, соответствующих сделке, которую стороны действительно имели в виду.

При этом, намерения одного участника на совершение притворной сделки для применения пункта 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации недостаточно (пункт 87 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Согласно разъяснениям абзаца третьего пункта 87 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 N 25 притворной сделкой считается также сделка, совершенная на иных условиях.

При установлении того факта, что стороны с целью прикрыть сделку на крупную сумму совершили сделку на меньшую сумму, суд признает заключенную между сторонами сделку, как совершенную на крупную сумму, то есть применяет правила, относящиеся к прикрываемой сделке.

Таким образом, бремя доказывания признаков притворности оспариваемой сделки возлагается на ООО «Бриз» в соответствии с требованиями статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Как правильно указано судом, из материалов дела не усматривается, а ответчиком не представлено доказательств, подтверждающих наличие оснований для признания спорного договора недействительной сделкой в соответствии со статьями 166 - 168 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Доводы ответчика о том, что спорная сделка имела место незадолго смены генерального директора Ивахова В.М. и учредителя, денежные средства не проведены по бухгалтерскому учету, а согласно кадастровому па-

спорту стоимость помещения составляет 8 441 759 руб. 67 коп., не свидетельствуют о возможности применения судом статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку сделки купли-продажи недвижимости не являются притворными, если продавец передал в собственность покупателя объект недвижимости, а покупатель оплатил эту недвижимость.

В соответствии с нормами действующего гражданского законодательства стороны договора вправе самостоятельно определить цену сделки; сам по себе факт реализации имущества по цене иной, нежели кадастровая стоимость, не может свидетельствовать о ничтожности сделки по основанию притворности.

Единственный учредитель ООО «БРИЗ» Ивахов В.М. доверенностью от 03.04.2015 уполномочил Сафонову Н.В. продать за цену и на условиях по своему усмотрению принадлежащее ООО «БРИЗ» на праве собственности помещение, назначение: нежилое, общая площадь 130,1 кв. м, номера на поэтажном плане: этаж 1, помещение V - комнаты с 1 по 8, этаж 2, помещение III - комната 5, адрес (местонахождение) объекта: г. Москва, ул. Казакова, д. 8-8А, стр. 2, для чего предоставил право зарегистрировать переход права собственности и ранее возникшее право собственности в Управлении Росреестра по Москве, с правом получения всех регистрационных документов.

Таким образом, Ивахов В.М. определенно выразил свою волю на отчуждение помещения.

Доводы ответчика о том, что цена в размере 1 200 000 руб. является заниженной по сравнению с кадастровой стоимостью в размере 8 441 759 руб. 67 коп., подлежат отклонению, поскольку стороны договора купли-продажи вольны в определении стоимости отчуждаемого имущества.

Спорное имущество было приобретено: ООО «Бизнес-Альянс» в соответствии с договором купли-продажи 28 декабря 2012 года по цене 1 000 000 руб.; ООО «Бриз» по договору купли-продажи у ООО «Бизнес Альянс» 24 января 2013 года по цене 1 100 000 руб.; КОО Базис ЛР (BAZIS LR LTD) по договору купли-продажи от 03 апреля 2015 года у ООО «Бриз» по цене 1 200 000 руб.

При этом, указанное имущество в момент отчуждения по договору купли-продажи от 03 апреля 2015 года было обременено залогом.

При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному выводу об отказе в удовлетворении исковых требований ООО «Бриз».

Выводы суда основаны на результатах оценки доказательств, указание на которые содержится в обжалуемых судебных актах, при этом в силу положений части 2 статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суд исходил из такой степени достаточности доказательств, которая позволяла сделать однозначный вывод относительно подлежащих установлению по делу обстоятельств.

Нарушений требований процессуального законодательства при сборе и оценке судом доказательств по делу суд кассационной инстанцией не усматривает.

Доводы кассационной жалобы основаны на иной оценке исследованных судом доказательств и установленных обстоятельств, а поэтому они не могут слу-

жить основанием для отмены обжалуемых судебных актов. Переоценка установленных судом первой или апелляционной инстанций обстоятельств и доказательств по делу находится за пределами компетенции и полномочий арбитражного суда кассационной инстанции, определенных положениями статей 286, 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Нормы процессуального права, несоблюдение которых является безусловным основанием для отмены решения и постановления в соответствии с частью 4 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, не нарушены.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 284, 286 - 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Московского округа

постановил:

решение Арбитражного суда города Москвы от 20 октября 2016 года и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 декабря 2016 года по делу N А40-162206/2016 оставить без изменения, кассационную жалобу - без удовлетворения.

Председательствующий судья
С.В. НЕЧАЕВ

Судьи
Н.Д. ДЕНИСОВА
Н.Ю. ДУНАЕВА

По мнению АС Северо-Западного округа, нельзя не оплатить работы лишь потому, что подрядчик не выдал исполнительную документацию.

К этому общему для договора подряда выводу суд пришел, разбирая спор между подрядчиком и субподрядчиком.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 31 марта 2017 г. по делу N А56-26956/2016

Арбитражный суд Северо-Западного округа в составе председательствующего Журавлевой О.Р., судей Бурматовой Г.Е., Соколовой С.В., при участии от общества с ограниченной ответственностью «Фасад Реконструкция» Морозовой Е.В. (доверенность от 28.10.2015), от общества с ограниченной ответственностью «Нева-Ресурс» Кремсалюк В.А. (доверенность от 02.06.2016), рассмотрев 29.03.2017 в открытом судебном заседании кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «Нева-Ресурс» на решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.08.2016 (судья Кожемякина Е.В.) и постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2016 (судьи Толкунов В.М., Зотеева Л.В., Сомова Е.А.) по делу N А56-26956/2016,

установил:

общество с ограниченной ответственностью «Фасад Реконструкция», место нахождения: 196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15, лит. А, ОГРН 1089847160534, ИНН 7813412170 (далее - ООО «Фасад Реконструкция») обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском к обществу с ограниченной ответственностью «Нева-Ресурс», место нахождения: 197198, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 38, лит. А, ОГРН 1037869000278, ИНН 7842000950 (далее - ООО «Нева-Ресурс») о взыскании 477 613,42 руб. задолженности, а также судебных издержек на оплату услуг представителя в размере 15 000 руб.

Решением суда первой инстанции от 10.08.2016, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 26.12.2016, иск удовлетворен.

В кассационной жалобе ООО «Нева-Ресурс», ссылаясь на неправильное применение судами норм материального права, просит принятые судебные акты отменить, в иске отказать. По мнению подателя жалобы, судами не принято во внимание условие заключенного между сторонами договора о задержании оплаты работ до момента передачи исполнительной документации.

В судебном заседании представитель ООО «Нева-Ресурс» поддержал доводы кассационной жалобы, а представитель ООО «Фасад Реконструкция» отклонил их по основаниям, изложенным в отзыве.

Законность обжалуемых судебных актов проверена в кассационном порядке.

Как следует из материалов дела, 27.03.2013 между ООО «Нева-Ресурс» (Подрядчик) и ООО «Фасад Реконструкция» (Субподрядчик) заключен договор подряда N 037/13-Вулкан (далее - Договор) на произ-

водство строительно-монтажных работ по устройству стяжки полов в квартирах на объектах строительства Вулкан 1-1, Вулкан 1-2, Вулкан 1-3, расположенных по адресу: г. Санкт-Петербург, Петроградский район, ул. Пионерская, д. 50, корпус 3.4, 3.7 (Вулкан 1-1), корпус 3.2 (Вулкан 1-2), корпус 3.5, 3.8 (Вулкан 1-3).

Стоимость Договора согласно пункту 2.1 составляет 1 500 867 руб.

Пунктом 4.1 Договора предусмотрено, что сдача-приемка выполненных работ производится ежемесячно, в следующем порядке:

Не позднее 21-го числа отчетного месяца Субподрядчик передает Подрядчику справку по форме КС-3 по работам, выполненным в отчетном месяце, акт по форме КС-2, счет-фактуру и соответствующую исполнительную документацию (пункт 4.1.1.);

Подрядчик в течение 7 рабочих дней проверяет, уточняет и подписывает справку по форме КС-3, акт по форме КС-2 и возвращает их Субподрядчику, датированными не позднее 22-го числа отчетного месяца (пункт 4.1.2.);

При несогласии Подрядчика с объемами или качеством выполненных Субподрядчиком работ он в течение 10 рабочих дней возвращает Субподрядчику справку по форме КС-3 и акт по форме КС-2 с указанием исправленных объемов работ или с указанием об отказе в приемке некачественно выполненных работ. В случае корректировки Подрядчиком объемов работ Субподрядчик в течение 3 дней вносит такие изменения в соответствующие справку и акт и направляет новую редакцию справки и акта Подрядчику. В случае отказа Подрядчика от приемки некачественно выполненных работ Субподрядчик устраняет недостатки в выполненных работах в установленный Подрядчиком срок и после устранения представляет на подпись Подрядчику справку по форме КС-3 и акт по форме КС-2 (пункт 4.1.3.).

Согласно пункту 5.3. Договора Подрядчик производит оплату выполненных работ за вычетом стоимости строительных материалов, указанных в приложении N 8 к Договору, в размере 80% от стоимости работ за истекший месяц, указанной в справке по форме КС-3, в течение 45 дней со дня подписания Подрядчиком справки по форме КС-3. В случае несогласования одной из сторон суммы оплаты стороны в течение 60 дней должны произвести сверку расчетов.

Окончательный расчет по договору в размере 20% от стоимости работ производится после подписания акта сдачи-приемки работ, подтверждающего выполнение полного комплекса работ и устранение обнаруженных при приемке недостатков (дефектов), в следующем порядке:

- стороны в 10-дневный срок после подписания акта сдачи-приемки работ проводят сверку расчетов и подписывают акт сверки между субподрядчиком и подрядчиком;

- на основании акта сдачи-приемки и акта сверки Подрядчик перечисляет Субподрядчику в течение 60 дней с момента подписания акта сдачи-приемки работ сумму оплаты, установленную в акте сверки расчетов.

Во исполнение условий договора Субподрядчик выполнил и передал, а Подрядчик принял без претен-

зий к качеству и стоимости выполненные работы, что подтверждается актами сдачи-приемки выполненных работ от 31.05.2013 N 1 на сумму 324 037,95 руб., от 31.05.2013 N 1 на сумму 314 703,55 руб., от 31.05.2013 N 1 на сумму 360 180 руб., от 31.07.2013 N 2 на сумму 78 721,25 руб., от 31.07.2013 N 2 на сумму 46 941,26 руб. от 31.10.2013 N 2 на сумму 333 469,98 руб. и от 31.10.2013 N 3 на сумму 19 559,43 руб. - всего на сумму 1 477 613,42 руб.

Платежными поручениями, представленными в материалы дела, Подрядчик произвел оплату работ частично, в сумме 1 000 000 руб.

Наличие задолженности по оплате работ послужило основанием для обращения Субподрядчика в арбитражный суд с настоящим иском.

Суды обеих инстанций, удовлетворяя заявленные требования, правомерно руководствовались следующим.

В соответствии с пунктом 1 статьи 702 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену (пункт 1 статьи 740 ГК РФ).

В силу пункта 1 статьи 746 ГК РФ оплата выполненных подрядчиком работ производится заказчиком в размере, предусмотренном сметой, в сроки и в порядке, которые установлены законом или договором строительного подряда.

Факт выполнения работ и передачи их результата подтверждается актами по форме КС-2 и справками по форме КС-3, подписанными Субподрядчиком и Подрядчиком без замечаний, что последним не оспаривается.

В кассационной жалобе ее податель указывает, что отказ от оплаты выполненных работ обусловлен непредставлением Субподрядчиком исполнительной документации.

Согласно статье 726 ГК РФ подрядчик обязан передать заказчику вместе с результатом работы информацию, касающуюся эксплуатации или иного использования предмета договора подряда, если это предусмотрено договором либо характер информации таков, что без нее невозможно использование результата работы для целей, указанных в договоре.

По смыслу названной нормы сам по себе факт непредставления исполнительной документации не может являться основанием для отказа от оплаты выполненных работ. В данном случае Подрядчик должен доказать, что отсутствие исполнительной документации, на передаче которой он настаивает, исключает возможность использования результата работ по назначению.

Такие доказательства в материалы дела не представлены.

Более того, судами установлено, что на весь объект выдано разрешение на его ввод в эксплуатацию, что подателем жалобы не оспаривается.

При таких обстоятельствах суды правомерно удовлетворили заявленное требование.

На основании изложенного суд кассационной инстанции полагает, что выводы судов обеих инстанций соответствуют фактическим обстоятельствам дела и имеющимся в деле доказательствам. Суды правильно применили нормы материального и процессуального права. В связи с этим кассационная инстанция не находит оснований для отмены обжалуемых судебных актов.

Таким образом, кассационная жалоба удовлетворению не подлежит.

Руководствуясь статьями 286 и 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Северо-Западного округа

постановил:

решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.08.2016 и постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2016 по делу N А56-26956/2016 оставить без изменения, а кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «Нева-Ресурс» - без удовлетворения.

Председательствующий
О.Р. ЖУРАВЛЕВА

Судьи
Г.Е. БУРМАТОВА
С.В. СОКОЛОВА

Покупатель заплатит договорную неустойку за просрочку оплаты товара, принятого в большем количестве.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 20 марта 2017 г. по делу N А56-27801/2016

Арбитражный суд Северо-Западного округа в составе председательствующего Пастуховой М.В., судей Матлиной Е.О., Серовой В.К., при участии от акционерного общества «Пролетарский завод» Бедровой А.А. (доверенность от 01.12.2016 N 10-394/16), от общества с ограниченной ответственностью «СевЗапСервис» Мозыревой А.И. (доверенность от 29.09.2016) и Шафиковой Л.А. (доверенность от 29.09.2016), рассмотрев 13.03.2017 в открытом судебном заседании кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «СевЗапСервис» на решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07.09.2016 (судья Сергеева О.Н.) и постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2016 (судьи Луцаев С.В., Будылева М.В., Загарева Л.П.) по делу N А56-27801/2016,

установил:

Общество с ограниченной ответственностью «СевЗапСервис», место нахождения: 191123, Санкт-Петербург, переулок Манежный, дом 14, литера А, ОГРН 1107847011250, ИНН 7841419579 (далее - ООО «СевЗапСервис», истец), обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ), к акционерному обществу «Пролетарский завод», ОГРН 1027806079289, ИНН 7811039386, место нахождения: 192029, Санкт-Петербург, улица Дудко, дом 3 (далее - АО «Пролетарский завод», ответчик), о взыскании 2 641 232 руб. 70 коп. задолженности по договору от 09.10.2014 N 70/531/14, 829 633 руб. 81 коп. неустойки за просрочку платежа и далее по день фактической уплаты долга.

Решением суда первой инстанции от 07.09.2016, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда от 09.12.2016, исковые требования удовлетворены частично. С АО «Пролетарский завод» в пользу ООО «СевЗапСервис» взыскано 2 641 232 руб. 70 коп. основного долга и 251 226 руб. 75 коп. неустойки, а также 37 462 руб. 30 коп. судебных расходов по уплате государственной пошлины. В удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

В кассационной жалобе истец, ссылаясь на неправильное применение судами норм процессуального и материального права, просит отменить решение и постановление в части отказа в удовлетворении иска.

В судебном заседании представители истца поддержали доводы кассационной жалобы, представитель ответчика просил отказать в удовлетворении жалобы.

Законность обжалуемых судебных актов проверена в кассационном порядке.

Как следует из материалов дела, сторонами 09.10.2014 заключен договор поставки N 70/531/14, в соответствии с условиями которого ООО «СевЗапСервис» (поставщик) обязалось передать АО «Пролетарский завод» (заказчик) товары в ассортименте, количестве и сроки, указанные в спецификации, являющейся неотъемлемой частью договора.

Согласно пункту 2.1 договора его цена составляет 16 454 882 руб. 50 коп.

В соответствии с пунктом 4 спецификации (приложение N 1) заказчик перечисляет 30% от стоимости товара в качестве предварительной оплаты, остальные 70 % заказчик перечисляет по факту отгрузки в течение 30 дней.

В силу пункта 6.2 договора в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств по оплате поставщик вправе начислить неустойку в размере 1/300 ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации.

Во исполнение обязательств по договору истец поставил ответчику товар на сумму 19 096 115 руб. 20 коп., что подтверждается товарными накладными и не оспаривается сторонами.

Ответчик не оплатил поставленный товар на сумму 2 641 232 руб. 70 коп., что послужило основанием для обращения ООО «СевЗапСервис» в арбитражный суд с настоящим иском.

Удовлетворяя иск в части взыскания суммы задолженности, суды установили, что факт поставки товара на спорную сумму подтвержден материалами дела. Наряду с этим суды пришли к выводу о том, что передача товара стоимостью 2 641 232 руб. 70 коп. была произведена сверх согласованной цены договора, является внедоговорной поставкой, следовательно, начисление договорной неустойки за просрочку оплаты товара на указанную сумму необоснованно. Кроме того, суды указали, что действующее гражданское законодательство не предусматривает возможности взыскания судом неустойки по день фактической уплаты суммы долга кредитору.

В соответствии с частью 1 статьи 286 АПК РФ арбитражный суд кассационной инстанции проверяет законность решений, постановлений, принятых арбитражным судом первой и апелляционной инстанций, устанавливая правильность применения норм материального права и норм процессуального права при рассмотрении дела и принятии обжалуемого судебного акта и исходя из доводов, содержащихся в кассационной жалобе и возражениях относительно жалобы, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

В кассационной жалобе истец оспаривает выводы судов в части отказа во взыскании неустойки.

Проверив законность принятых при рассмотрении дела судебных актов и обоснованность доводов, приведенных в кассационной жалобе, суд кассационной инстанции пришел к следующим выводам.

Согласно статье 329 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ, Кодекс) исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором.

Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков (статья 330 Кодекса).

В силу пункта 6.2 договора в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств по оплате поставщик вправе начислить неустойку в размере 1/300 ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации.

Истцом начислена неустойка за период с 26.04.2015 по 18.08.2016 в размере 829 633 руб. 81 коп.

Отказывая во взыскании 633 175 руб. 55 коп. неустойки, суды указали, что она не подлежит взысканию, поскольку начислена за нарушение срока оплаты товара, поставленного вне договора от 09.10.2014 N 70/531/14.

Суд кассационной инстанции полагает указанный вывод ошибочным с учетом следующего.

При установленных судами обстоятельствах дела следует, что заключенный сторонами договор поставки от 09.10.2014 N 70/531/14, не содержащий условия о количестве поставляемого товара (статьи 455, 465 ГК РФ), но предусматривающий в период его действия неоднократную поставку товара, количество которого должно определяться иными документами, является рамочным договором (статья 429.1 Кодекса).

В соответствии со статьей 429.1 ГК РФ рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. К отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, в том числе в случае незаключения сторонами отдельных договоров, подлежат применению общие условия, содержащиеся в рамочном договоре, если иное не указано в отдельных договорах или не вытекает из существа обязательства.

Из материалов дела следует, что наименование и количество товара определены сторонами путем подписания спецификации к договору поставки.

Во всех товарных накладных, представленных в материалы дела, имеется ссылка на договор поставки от 09.10.2014 N 70/531/14 (том дела 1, листы 28,31-34, 36-40, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 55).

Кроме того, в силу общих положений о договоре купли-продажи (пункты 2, 3 статьи 466 ГК РФ) если продавец передал покупателю товар в количестве, превышающем указанное в договоре купли-продажи, покупатель обязан известить об этом продавца в порядке, предусмотренном пунктом 1 статьи 483 Кодекса. В случае, когда в разумный срок после получения сообщения покупателя продавец не распорядится соответствующей частью товара, покупатель вправе, если иное не предусмотрено договором, принять весь товар.

В случае принятия покупателем товара в количестве, превышающем указанное в договоре купли-продажи (пункт 2 настоящей статьи), дополнительно принятый товар оплачивается по цене, определенной для товара, принятого в соответствии с договором, если иная цена не определена соглашением сторон.

Таким образом, если товар передан в количестве сверх определенного в договоре купли-продажи и принят покупателем, продавец вправе требовать не только оплату товара по цене, установленной в договоре, но и предусмотренную договором неустойку за просрочку его оплаты.

Как следует из материалов дела, отгруженный товар в количестве, указанном в товарных накладных, принят покупателем без замечаний и возражений.

В соответствии с пунктом 4.2.2 договора при обнаружении уполномоченными контрольными органами несоответствия количества, ассортимента, комплектности и стоимости поставленных товаров условиям договора заказчик обязан вызвать полномочных представителей поставщика для представления разъяснений в отношении поставленных товаров.

Однако доказательства того, что покупатель в установленный договором или разумный срок письменно сообщил продавцу об излишнем количестве полученного товара, а также об отсутствии намерения его принять, в материалы дела не представлены.

Задолженность по оплате товара по согласованному в договоре ценам ответчиком признана.

Таким образом, вывод судов о том, что поставка товара на сумму большую, нежели предусмотрено договором, свидетельствует о передаче товар вне договора, противоречит положениям статей 429.1, 466 ГК РФ и установленным фактическим обстоятельствам дела.

С учетом изложенного отказ судов во взыскании неустойки не может быть признан обоснованным.

Кроме того, согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 65 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», истец вправе требовать присуждения неустойки по день фактического исполнения обязательства (в частности, фактической уплаты кредитору денежных средств).

Таким образом, следует признать, что выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права, неполном исследовании всех значимых для дела обстоятельств и существенных для правильного рассмотрения спора доказательств, что в силу пункта 3 части 1 статьи 287 АПК РФ влечет за собой отмену принятых по делу судебных актов в части отказа во взыскании неустойки и направление дела на новое рассмотрение в указанной части в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду необходимо учесть изложенное, оценить в полном объеме доводы и возражения участвующих в деле лиц применительно к положениям действующего гражданского законодательства, после чего принять законный, обоснованный и мотивированный судебный акт в соответствии

с нормами права, регулируемыми спорные правоотношения.

Руководствуясь статьей 286, пунктом 3 части 1 статьи 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Северо-Западного округа

постановил:

решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07.09.2016 и постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2016 по делу N А56-27801/2016 отменить в части отказа во взыскании с акционерного общества «Пролетарский завод» в пользу общества с ограниченной ответственностью «СевЗапСервис» неустойки, а также взыскания судебных расходов.

В отмененной части направить дело N А56-27801/2016 на новое рассмотрение в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В остальной части решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07.09.2016 и постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.12.2016 по делу N А56-27801/2016 оставить без изменения.

Председательствующий
М.В. ПАСТУХОВА

Судьи
Е.О. МАТЛИНА
В.К. СЕРОВА

ФПА РФ утверждены единые требования к деятельности адвокатов, осуществляющих защиту по уголовному делу.

Утвержден
Решением Комиссии ФПА РФ
по этике и стандартам

СТАНДАРТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДВОКАТОМ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Настоящий Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее - «Стандарт») утвержден в целях формирования единых требований к осуществлению защиты по уголовному делу.

Никакое положение Стандарта не должно толковаться как предписывающее или допускающее совершение адвокатом (далее - «адвокат» или «защитник») действий, противоречащих независимости адвоката, при условии соблюдения им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также норм уголовно-процессуального законодательства.

Стандарт содержит минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, установление которых не ограничивает адвоката в целях защиты прав и законных интересов подзащитного в использовании иных средств, не запрещенных законодательством.

Последовательность и достаточность совершения защитником действий в соответствии со Стандартом определяются, в том числе, конкретными обстоятельствами уголовного дела.

Разъяснения по вопросам применения Стандарта дает Комиссия Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам. Данные разъяснения утверждаются Советом Федеральной палаты адвокатов РФ и являются обязательными для всех адвокатских палат и адвокатов.

1. Основанием для принятия адвокатом поручения на защиту является соглашение об оказании юридической помощи либо постановление о назначении защитника, вынесенное дознавателем, следователем или судом, при условии соблюдения порядка оказания юридической помощи по назначению, установленного в соответствии с законодательством.

2. Защита по уголовному делу осуществляется на основании ордера. После оформления ордера адвокату следует вступить в уголовное дело в качестве защитника, предъявив удостоверение адвоката и ордер дознавателю, следователю или суду, в производстве которого находится уголовное дело. Процессуальные полномочия защитника возникают у адвоката с момента его вступления в уголовное дело в качестве защитника, до этого момента адвокат действует, исходя из полномочий, определенных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

3. Адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или

Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве

суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении.

4. В рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует:

а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу;

б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом;

в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению;

г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий;

д) выяснить отношение к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления.

5. Адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат:

а) принимает меры к выяснению существа обвинения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться;

б) в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности.

6. В случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором.

7. Адвокат обязан уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии.

8. В процессе осуществления защиты адвокат:

а) консультирует подзащитного и разъясняет ему процессуальные права и обязанности, применяемые по делу нормы материального и процессуального права;

б) оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела, в написании ходатайств, жалоб и иных процессуальных документов или готовит их самостоятельно;

в) предпринимает иные меры, не запрещенные законодательством.

9. Адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

10. Защитник участвует во всех следственных и процессуальных действиях, проводимых с участием

подзащитного либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника, а также во всех судебных заседаниях по уголовному делу, за исключением случаев, когда такое участие не является обязательным в силу закона и отсутствия просьбы подзащитного.

11. В случае отказа подзащитного от подписания протокола следственного действия адвокат обязан выяснить мотивы такого отказа и принять необходимые меры, направленные на защиту прав и законных интересов подзащитного.

12. По окончании предварительного расследования, равно как и судебного разбирательства, защитник должен ознакомиться с материалами уголовного дела и при необходимости заявить ходатайства в соответствии с правовой позицией по делу.

13. Защитник принимает меры к собиранию и представлению необходимых для защиты доказательств, в том числе посредством заявления ходатайств, направления адвокатских запросов, привлечения специалиста, если в ходе уголовного судопроизводства возникает такая необходимость и обстоятельства дела позволяют принять такие меры, а также совершает иные действия, необходимые для реализации правовой позиции по делу.

14. Адвокату следует заявлять возражения против действий председательствующего в судебном заседании при наличии к тому оснований.

15. Защитник не вправе уклоняться от участия в судебных прениях.

16. Защитник обжалует в апелляционном порядке приговор суда при наличии к тому оснований, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора и защитник убежден в отсутствии самооговора.

17. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов РФ.

18. Адвокат, прекративший защиту до завершения судопроизводства по уголовному делу, обязан незамедлительно передать полученные от подзащитного или иного доверителя и находящиеся у адвоката документы самому подзащитному либо иному лицу по его указанию.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПАЛАТА АДВОКАТОВ

ОБРАЩЕНИЕ
от 20 апреля 2017 года**О СОБЛЮДЕНИИ
НОРМ КОДЕКСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ
АДВОКАТА И СТАНДАРТА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
АДВОКАТОМ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Принятые VIII Всероссийским съездом адвокатов изменения и дополнения в Кодекс профессиональной этики адвоката, а также Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве явились результатом учета изменений, внесенных в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и реализации решений предыдущих Съездов и Совета ФПА РФ.

Положения, которыми дополнен Кодекс профессиональной этики адвоката, направлены прежде всего на приведение норм Кодекса в соответствие с новеллами Закона об адвокатуре, касающимися статуса, порядка формирования, полномочий и деятельности Комиссии по этике и стандартам, а также наделяя президента ФПА РФ дополнительным полномочием по возбуждению дисциплинарного производства в исключительных случаях, предусмотренных законом.

VIII Съезд образовал Комиссию по этике и стандартам с учетом новых требований Закона об адвокатуре и выражает уверенность, что эта Комиссия внесет достойный вклад в формирование единой практики применения общих правил адвокатской профессии, единых принципов и критериев деятельности квалификационных комиссий, в совершенствование дисциплинарной практики адвокатских палат, выработку стандартов адвокатской профессии.

Совершенствование норм Кодекса этики обусловлено также необходимостью учета позиций, сформулированных в Обращении VI Всероссийского съезда адвокатов «О соблюдении правил профессиональной этики» 2013 года и в Правилах поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», принятых решением Совета ФПА РФ от 28 сентября 2016 года.

Принятые VIII Съездом новеллы Кодекса этики о сроке допуска к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката лицом, чей статус адвоката прекращен в дисциплинарном порядке, о сроке предоставления в квалификационную комиссию письменных доказательств и документов, а также некоторые уточнения норм Кодекса о круге обязанностей адвоката обусловлены назревшими потребностями практики дисциплинарного производства адвокатских палат субъектов РФ и не ущемляют независимость адвоката в профессиональной деятельности. Указанные новеллы также не нарушают свободу выражения мнений и другие общепризнанные права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ.

Целью поправок в Кодекс этики, продиктованных заботой адвокатского сообщества об авторитете ад-

вокатуры, является не ограничение адвоката в свободе выражения мнения, включая критическое мнение, а недопустимость злонамеренной лжи, распространения сведений, не соответствующих действительности, и употребления выражений, умаляющих авторитет адвокатуры, защита и поддержание которого является обязанностью каждого члена корпорации.

Принятие Стандарта защиты вызвано велением времени и требованиями, закладываемыми Министерством юстиции РФ в проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи, а также решением VII Всероссийского съезда адвокатов 2015 года о создании Комиссии по этике и стандартам, одной из задач которой стала разработка стандартов адвокатской профессии.

Работа над Стандартом велась с сентября 2015 года. Принятая VIII Съездом редакция Стандарта явилась результатом долгой и кропотливой работы Комиссии по этике и стандартам. В этой работе участвовали органы адвокатского самоуправления ряда регионов, а также многие адвокаты, которым Съезд выражает благодарность.

Стандарт разработан с учетом многолетней адвокатской практики, накопленной адвокатами и адвокатскими палатами, и призван служить для адвоката руководством при определении обязательных действий в процессе осуществления защиты. Алгоритмы действий, закрепленные в Стандарте, будут особенно важны для молодых адвокатов.

VIII Съезд обращает внимание, что Стандарт содержит минимальные требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту в уголовном судопроизводстве. Установление этих требований не ограничивает адвоката в использовании иных не запрещенных законодательством средств и способов защиты. К этому обязывает творческий и независимый характер адвокатской профессии. У Стандарта нет цели формализовать адвокатскую деятельность, препятствовать ее творческой составляющей.

Принятие Стандарта свидетельствует о том, что российская адвокатура поднялась на более высокую ступень в своем профессиональном развитии.

VIII Съезд призывает адвокатское сообщество поддерживать новеллы Кодекса этики и Стандарт, которые учитывают общие интересы корпорации, российских адвокатов - соблюдать эти нормы, а органы адвокатского самоуправления - активно использовать их в организации адвокатской деятельности и в дисциплинарной практике.

По поведению одного представителя нашей профессии судят обо всем адвокатском сообществе. Поддержание высоких нравственных принципов, самоуважения, уважения друг к другу и к адвокатуре в целом является традицией российской адвокатуры и позволит укрепить и поднять ее престиж.

Резолюция от 20.04.2017 г. О Федеральном законе от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ

Резолюция

**О Федеральном законе от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ
«О внесении изменений и дополнений
в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»**

20.04.2017

20 апреля 2017 г.
город Москва

Адвокатским сообществом с одобрением встречен инициированный Президентом РФ Федеральный закон от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который вступит в силу 28 апреля 2017 года.

Федеральный закон направлен на обеспечение состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, предусматривает дополнительные гарантии независимости адвокатов при осуществлении профессиональной деятельности, способствует укреплению защиты прав, свобод и интересов граждан и обеспечению их доступа к правосудию. Это замечательный профессиональный подарок VIII Всероссийскому съезду адвокатов и всем российским адвокатам.

VIII Съезд выражает признательность Президенту РФ, Администрации Президента РФ, Совету при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации ФС РФ, всем государственным и иным органам, организациям и другим лицам, которые приняли участие в работе по подготовке этого Федерального закона и поддерживали его принятие.

Гарантии адвокатской деятельности, предусмотренные данным Федеральным законом, имеют для адвокатуры исключительно важное значение. Они должны обеспечить повышение роли и авторитета адвокатуры, способствовать осуществлению активной защиты в уголовном судопроизводстве.

В частности, Федеральный закон вводит нормы, которые, развивая уже закрепленные в УПК РФ требования, позволят сократить риски воспрепятствования вступлению защитника в уголовное судопроизводство, исключить немотивированные отказы в удовлетворении ходатайств об исследовании доказательств, приобщении к делу документов и других материалов и иные неправомерные ограничения в реализации адвокатом его процессуальной функции.

Вместе с тем нельзя допустить злоупотреблений нормами Закона со стороны недобросовестных адвокатов, использования законодательных новелл в целях иных, чем те, ради которых введены эти нормы.

В этой связи особое значение приобретает соблюдение правил изготовления, учета, хранения, оформления, выдачи и использования ордеров – прежде всего, по уголовным делам.

VIII Съезд поручает Совету ФПА РФ подвергнуть ревизии действующие Методические рекомендации о порядке изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам, утвержденные Советом ФПА РФ 10 декабря 2003 года. Также VIII Съезд призывает советы адвокатских палат субъектов РФ обеспечить строгий кон-

троль за использованием адвокатами ордеров и разъяснить адвокатам недопустимость недобросовестного использования права на вступление в уголовное дело и оформление ордера для получения свидания с обвиняемым исключительно с целью навязывать ему свою помощь. Подобные действия должны оцениваться как грубое нарушение профессиональной этики, а недобросовестные адвокаты должны нести строгую дисциплинарную ответственность.

VIII Съезд призывает российских адвокатов пользоваться инструментарием, который предоставляют Федеральный закон от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», а также ранее принятый Федеральный закон от 2 июня 2016 года № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»», в соответствии с теми правовыми целями, ради достижения которых указанные федеральные законы принимались, а органы адвокатского самоуправления – приложить все усилия к формированию правоприменительной практики на основании принятых новелл уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатуре в интересах справедливого правосудия и защиты законных прав граждан, подвергшихся уголовному преследованию.

Принята VIII Всероссийским съездом адвокатов

Резолюция

Об оплате труда адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве защитников по назначению

20 апреля 2017 г.
город Москва

Несмотря на принятие Всероссийскими съездами адвокатов в 2013 и 2015 годах резолюций о необходимости повышения ставок оплаты труда адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда, о недопустимости длительных задержек с оплатой и о несовершенстве порядка выделения бюджетных средств на оплату труда адвокатов, ситуация из года в год ухудшается.

Сложилась нелогичная ситуация, при которой размер начисления оплаты труда адвоката, участвующего в защите по назначению в досудебной стадии процесса, а также возможность выплаты начисленных сумм зависят от волеизъявления должностного лица, которому защитник противостоит в процессуальном споре.

Применяемые без изменений на протяжении пяти лет базовые ставки оплаты защиты по назначению в размере 550 рублей за один день участия в судопроизводстве не только недопустимо низки, но и не индексируются годами, несмотря на нормативное закрепление этой государственной обязанности.

Размер оплаты труда адвоката, осуществляющего защиту по назначению, на порядок меньше размера оплаты аналогичной юридической помощи, сложившегося в обычном экономическом обороте, и является для адвокатских палат серьезным препятствием к тому, чтобы обеспечить надлежащее качество защиты по назначению.

Установленный Правительством РФ 30-дневный срок выплат по постановлениям (определениям) дознавателей, следователей и судов об оплате труда адвоката, участвующего в защите по назначению, не исполняется.

Финансовые органы распорядителей бюджетных средств ввели незаконную практику оценки правильности постановлений (определений) дознавателей, следователей и судов по вопросам оплаты труда адвокатов. Это, с одной стороны, грубо нарушает законодательные основы деятельности судебной власти и нормы уголовно-процессуального законодательства, с другой – приводит к хронической задолженности государственных органов перед адвокатами, участвующими в защите по назначению.

Так, на начало 2017 года задолженность одного только Министерства внутренних дел РФ составила более 700 млн рублей. При этом в 2017 году указанная проблема усугубляется тем, что текущее финансирование снижено на четверть, а задолженность 2016 года возмещается из средств 2017 года. Следовательно, кризис платежей прошлого года фактически запланирован государством на середину текущего года.

Особую озабоченность вызывают случаи противодействия в ряде регионов работе адвокатских палат по наведению должного порядка в обеспечении защиты по назначению и по борьбе с так называемыми карманными адвокатами.

В этой связи необходимо отметить, что попытки отдельных должностных лиц сотрудничать с «карманными адвокатами», которые зачастую не обеспечивают надлежащего качества защиты или подписывают протоколы несуществующих процессуальных действий, следует квалифицировать как соучастие в хищении бюджетных средств, а также как должностное преступление, поскольку «карманные адвокаты» иногда делятся денежными средствами, незаконно полученными за фактически не исполненную защиту, с лицами, от которых они получили требования об участии в судопроизводстве в нарушение порядка, установленного адвокатской палатой.

В результате такого подхода государственных органов к оплате труда адвокатов по назначению вред в конечном счете причиняется гражданам – получателям бесплатной юридической помощи по назначению.

В целях исправления сложившейся ситуации с оплатой труда адвокатов, осуществляющих защиту по назначению, и надлежащего обеспечения конституционных прав граждан на бесплатную защиту в уголовном судопроизводстве VIII Всероссийский съезд адвокатов предлагает следующий комплекс мер:

- увеличить бюджетное финансирование расходов на защиту граждан в уголовном судопроизводстве по назначению и установить базовый (минимальный) размер оплаты труда адвоката-защитника по назначению в размере от 3000 рублей за один день участия в уголовном судопроизводстве либо перейти на почасовую оплату труда адвоката с минимальной ставкой оплаты от 700 рублей в час;

- производить ежегодную индексацию размера оплаты труда адвокатов по назначению с привязкой к индексу потребительских цен или к минимальному размеру оплаты труда;

- прекратить практику погашения задолженности предыдущего года за счет бюджетных средств, предусмотренных на текущий год, и своевременно выделять необходимые денежные средства на покрытие дефицита в оплате защиты по назначению в случае его возникновения;

- принять меры в целях выделения государством средств на оплату защиты по назначению в приоритетном и защищенном порядке, с соблюдением установленных сроков, и без задержек направлять их на оплату труда адвокатов;

- определить в качестве главного распорядителя бюджетных средств единый орган со специальными полномочиями по исчислению размера и осуществлению оплаты труда адвокатов, участвующих в уголовном судопроизводстве по назначению, с тем чтобы изъять эти полномочия у правоохранительных и судебных органов, которые в настоящее время совмещают их с полномочиями принимать решение о назначении адвоката для осуществления защиты в уголовном судопроизводстве. Право адвоката на вознаграждение не должно зависеть от усмотрения процессуальных противников и органов, назначивших его для осуществления защиты;

- адвокатским палатам субъектов РФ обеспечить соблюдение установленного порядка участия адвокатов в защите по назначению путем введения необходимых мер учета и контроля, а также неотвратимость наказания за нарушение этого порядка.

Принята VIII Всероссийским съездом адвокатов